

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021

№ 18

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерябин Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Зинкин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николок В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.А. Цыганкова; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 15.12.2021 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 17. Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 500 экз. Заказ № 4847. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.12.2021 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Профессору Ю.В. Голику – 70 лет	6
---------------------------------------	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. История развития смыслового способа пенализации	8
Ишигеев В.С., Пузикова А.В., Лапша В.Л. Отдельные вопросы квалификации действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ)	18
Куклин Д.С. Латентность и меры предупреждения мошенничества в сфере трудовых правоотношений	22
Лозинский И.В. К вопросу о направлениях совершенствования уголовного законодательства России, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	24
Филимонов В.Д. Понятие методологии науки уголовного права и методологии уголовного права как отрасли	32
Шеслер А.В., Шеслер В.А. Объект специальных хищений	37

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Гаврилов Д.И. Актуальные вопросы применения мер государственной защиты при исполнении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога	43
Деришев Ю.В. Институт процессуальных издержек: проблемы реализации и пути оптимизации	49
Петрякова А.В. Институт следственных судей: генезис и трансформация правовой модели	58
Рябинина Т.К. К вопросу укрепления правового статуса суда в первой судебной стадии уголовного процесса	65
Свиридов М.К. Отношения следователя и защитника в процессе собирания доказательств	71
Чеботарева И.Н., Пашутина О.С., Ревина И.В. Понятие отказа от субъективного права в российском уголовном процессе	76
Шаина М.А. Возмещение вреда потерпевшему в случае смерти лица, виновного в совершении преступления и прекращении производства по уголовному делу	82

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Савушкин С.М. Социальные связи осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации	86
Уваров О.Н. Служба пробации в Российской Федерации и медиация	91
Храмов А.А. К проблеме определения источников уголовно-исполнительного законодательства России	95

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. Принципы организации пенитенциарного надзора прокуратуры	100
Мариничева А.Ю. Практика прокурорского надзора за соблюдением прав участников контрактного процесса на своевременную оплату заказчиками обязательств по исполненным публичным контрактам	106
Писаревская Е.А. К вопросу об осуществлении органами прокуратуры Российской Федерации профилактической функции	110

КРИМИНОЛОГИЯ

Витовская Е.С. Актуальные вопросы общественной опасности личности наркопреступника, обусловленной наркотической зависимостью	115
Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Организованная преступность в Советском и Российском государстве и необходимость ее нейтрализации	120

КРИМИНАЛИСТИКА

Ведренцева С.В. Понятие, сущность и принципы криминалистического взаимодействия как элемента организации расследования преступлений	126
Мазур Е.С., Тишевский Д.В. Розыск лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья, уклоняющихся от органов следствия, дознания и суда	131

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Трефилов А.А. Рассмотрение дела в суде первой инстанции в уголовном процессе Лихтенштейна: компаративные особенности	137
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Уткин В.А. Рецензия на монографию кандидата юридических наук И.С. Дроздова «Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы»	145
Сведения об авторах	147

CONTENTS

The Seventieth Anniversary of Professor Yuri Golik	6
--	---

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. History of Semantic Penalization Method	8
Ishigeev V.S., Puzikova A.V., Lapsha V.L. Some Issues of Qualifying Actions Disorganizing the Activities of Institutions Providing Isolation From Society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation)	18
Kuklin D.S. Latency and Prevention of Fraud in Labor Legal Relations	22
Lozinsky I.S. On Improving the Criminal Legislation of Russia Protecting Public Relations in Economic Activities	24
Filimonov V.D. Methodology of the Science of Criminal Law and Methodology of Criminal Law as a Branch	32
Shesler A.V., Shesler V.A. Object of Special Theft	37

CRIMINAL PROCEDURE

Gavrilov D.I. Current Issues of the Application of State Protection Measures in the Execution of Precautionary Measures in the Form of Home Confinement, Prohibition of Certain Actions and Bail	43
Dervishev Yu.V. Institution of Procedural Costs: Problems of Implementation and Ways of Optimization	49
Petryakova A.V. Institution of Investigating Judges: Genesis and Transformation of the Legal Model	58
Ryabinina T.K. On Strengthening the Legal Status of the Court in the First Trial Stage of the Criminal Procedure	65
Sviridov M.K. The Relationship of the Investigator and the Defense Attorney in the Process of Collecting Evidence	71
Chebotaeva I.N., Pashutina O.S., Revina I.V. Waiver of Subjective Right in the Russian Criminal Process	76
Shaina M.A. Reimbursement of Harm to a Victim in the Event of the Death of a Person Guilty of Committing a Crime and Termination of Criminal Proceedings	82

PENAL LAW

Savushkin S.M. Social Connections of Persons Sentenced to the Deprivation of Freedom as a Factor of Their Differentiation	86
Uvarov O.N. Probation Service in the Russian Federation and Mediation	91
Khramov A.A. On Determining the Sources of the Penal Legislation of Russia	95

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. Principles of Organizing Penitentiary Supervision by the Prosecutor's Office	100
Marinicheva A.Yu. The Practice of Prosecutor's Supervision Over the Observance of the Rights of the Parties in the Contractual Process to the Timely Payment by Customers of Obligations Under Executed Public Contracts	106
Pisarevskaya E.A. On the Fulfillment by the Prosecutor's Office of the Russian Federation of a Preventive Function	110

CRIMINOLOGY

Vitovskaya E.S. Current Issues of the Addiction-Driven Public Danger of Drug Criminals	115
Kuzmin S.I., Chukanova E.S. Organized Crime in the Soviet and Russian State, and the Need for Its Neutralization	120

FORENSIC SCIENCE

Vedrentseva S.V. The Concept, Essence, and Principles of Criminalistic Interaction as an Element of the Organization of Crime Investigation	126
Mazur E.S., Tishevskiy D.V. Search for Persons Who Committed Crimes against Life and Health, and Evade Investigation, Inquiry, and Court Bodies	131

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Trefilov A.A. Trials in the Court of First Instance in the Criminal Procedure of Lichtenstein: Comparative Features	137
---	-----

REVIEWS

Utkin V.A. Book Review: Drozdov, I.S. (2021) <i>Retsidiv Prestupleniy pri Osuzhdenii bez Lisheniya Svobody</i> [Recidivism in Cases of Conviction Without Imprisonment]	145
Information About the Authors in Russian	147

ПРОФЕССОРУ Ю.В. ГОЛИКУ – 70 ЛЕТ

Юрий Владимирович Голик родился в сибирском городе шахтеров – Кемерово 23 февраля 1952 г. После окончания средней школы поступил на дневное отделение юридического факультета Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева. С самого начала учебы проявилась тяга к юридической науке (Юрий Владимирович стал одним из активных участников научного студенческого кружка по уголовному праву) и общественно-политической деятельности (был избран комсоргом группы, а затем членом комитета комсомола университета). Эти две составляющие и определили весь последующий творческий и жизненный путь профессора Ю.В. Голика.

Научная составляющая выразилась в выборе довольно оригинальной в криминологии темы случайного преступника, по которой под научным руководством заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вадима Донатовича Филимонова юбиляр успешно защитил в 1974 г. дипломную работу, а в 1981 г. – диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

После успешной защиты кандидатской диссертации Юрий Владимирович с 1974 по 1984 г. преподавал в Томском государственном университете, пройдя путь от инженера криминологической лаборатории до доцента кафедры уголовного права. В 1984 г. состоялось возвращение в родной город Кемерово, где Юрий Владимирович возглавил юридический факультет Кемеровского государственного университета. В 1989 г. – переезд в Москву, где деятельность юбиляра в сфере науки и образования оказалась наиболее плодотворной. Юрий Владимирович принимает непосредственное участие в разработке целого ряда законопроектов как по вопросам федеративного устройства государства, совершенствования парламентаризма, так и в сфере борьбы с преступностью. В их числе – Уголовный кодекс РФ (1996) и Уголовно-исполнительный кодекс РФ (1997).

В 1994 г. Ю.В. Голик в ученом совете МГУ имени М.В. Ломоносова защищает докторскую диссертацию по теме «Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы)».

Результатами творческого пути Юрия Владимировича явились многочисленные научные труды, выполненные единолично и в соавторстве: из-под его пера вышли более четырехсот научных статей, монографий, учебников и учебных пособий, в том числе в зарубежных странах (Австрия, Германия, Китай, Сербия, Казахстан, Азербайджан). В их числе: Случайный преступник. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984; Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991; Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999; Россия в фокусе криминальной глобализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002; Философия уголовного права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004; Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005; Коррупция на современном этапе государственно-политического развития России. М.: ИСПИ РАН, 2008; Уголовное право в период становления политики устойчивого развития. М.: СПАСС, 2011; Истина в уголовном праве. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2013; Терроризм в России и мире на современном этапе: общая криминологическая характеристика и состояние политико-правового противодействия. СПб.: Юридический центр, 2018; Современное государство в эпоху глобальных трансформаций. СПб.: Юридический центр – Академия, 2019. Ю.В. Голик входил в состав авторских коллективов ряда учебников по уголовному праву и криминологии, в том числе многотомного курса лекций «Российское уголовное право» (Владивосток, 1999–2002) и «Полного курса уголовного права» (СПб., 2008), «Энциклопедии уголовного права в 35 томах» (СПб.); академического курса «Уголовное право. Общая часть. Наказание» в 10 т. (М., 2020–2021) под редакцией доктора юридических наук, профессора Н.А. Лопашенко и др.

Научные интересы Юрия Владимировича охватывают уголовное право, криминологию, уголовно-исполнительное право, конституционное право, проблемы федерализма и парламентаризма, международное право, герменевтику, синергетику, философию права и политологию.

Сформирована и научная школа. Под научным руководством (консультированием) Ю.В. Голика подготовлено 25 кандидатских и докторская диссертации. Его ученики работают в университетах страны, в органах представительной и исполнительной власти.

Общественно-политическая составляющая наиболее ярко проявилась в 1989 г., когда декан юридического факультета КемГУ Ю.В. Голик предложил свою кандидатуру и выиграл выборы на съезде народных депутатов СССР у самого Амана Тулеева – будущего несменяемого губернатора Кемеровской области. После выборов, можно сказать, пришла головокружительная карьера: в мае 1989 г. на I съезде народных депутатов СССР Юрий Владимирович был избран в состав Верховного Совета СССР, а в марте 1990 г. – председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, членом Президиума Верховного Совета СССР; в феврале 1991 г. был назначен Председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов. Затем, в условиях российской государственности – работа в органах государственной власти, в том числе с 1996 по 2001 г. в качестве советника Председателя Совета Федерации Феде-

рального Собрания РФ Е.С. Строева. На этой должности Ю.В. Голику Президентом РФ был присвоен классный чин – действительный государственный советник РФ 2-го класса, что соответствует согласно табелю о рангах, воинскому званию генерал-лейтенанта.

Необходимо отметить, что «медные трубы» Юрий Владимирович прошел с достоинством, все отмечали, что высокие должности не изменили его всегда искренних и уважительных отношений с коллегами по научному цеху, сокурсниками и друзьями.

В настоящее время профессор Юрий Владимирович Голик преподает в Московской академии Следственного комитета РФ, успешно руководит подготовкой будущих кандидатов и докторов наук, активно участвует в работе Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, в Удруженье за международно кривично право (International criminal law association) и других международных и национальных организациях. Он неизменный участник конгрессов ООН по уголовному правосудию, поддерживает тесные творческие связи с учеными стран СНГ.

Как всегда, он полон творческими идеями и планами, претворения в жизнь которых мы желаем Юрию Владимировичу в этот юбилейный год.

Коробеев А.И. засл. деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор (ДВГУ)

Селиверстов В.И. засл. деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Уткин В.А. засл. юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (НИ ТГУ)

The Seventieth Anniversary of Professor Yuri Golik

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 6–7. DOI: 10.17223/23088451/18/1

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

DOI: 10.17223/23088451/18/2

М.Т. Валеев

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СМЫСЛОВОГО СПОСОБА ПЕНАЛИЗАЦИИ

Рассматривается история развития смыслового способа пенализации общественно опасных деяний. Выделены этапы и подэтапы развития его содержания. Автором предложены словесные «формулы», отражающие значение и роль наказания на каждом из этапов.

Ключевые слова: *пенализация общественно опасных деяний, уголовное наказание, санкция*

Пенализация общественно опасных деяний – законодательный процесс, результат которого – нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость уголовно-противоправных деяний. Пенализация осуществляется несколькими способами в Общей и Особенной частях УК РФ. Первый – «смысловой», суть смыслового способа – в определении значения наказуемости опасных деяний для регулирования уголовных правоотношений. Второй – «содержательный», в его рамках формулируется понятие наказания. Третий – «перечневый», его результатом является закрепление перечня наказаний. Четвертый способ – «видовой», в его рамках формулируются нормы о конкретных видах наказаний. Пятый – «системный» способ. Здесь конструируются нормы системы уголовных наказаний. Шестой способ – «санкционный». Он подразумевает конструирование санкций за конкретные составы преступлений. Каждый из указанных способов имеет свое основание и формы реализации.

В действующем уголовном законодательстве «смысловой» способ пенализации проявляется, во-первых, в установлении роли наказания в реализации стоящих перед Уголовным кодексом задач (ст. 2 УК РФ), во-вторых, в наказуемости как юридическом признаке преступления (ст. 14 УК РФ).

Сам по себе признак наказуемости преступлений еще не раскрывает своего содержания, из него невозможно уяснить понятия наказания, его цели, виды конкретных наказаний, систему, понять порядок формирования санкций за конкретные преступления. Однако он имеет большое значение, так как указывает на роль наказуемости в уголовном законе. Во-первых, это обязательность закрепления такой формы реакции государства на каждое преступление. Во-вторых, исключение наказуемости из числа признаков преступления стирает грань между преступным и не преступным, так как законодательство проводит грань между ними именно путем установления наказания.

Наказуемость (как и преступность) – исторически изменчивая категория. Как и почему изменялось содержание «смыслового» метода пенализации? Иными словами, какой путь прошла наказуемость преступления, прежде чем утвердиться в современном виде? Ответ на этот вопрос предполагает рассмотрение истори-

ческого аспекта развития «смыслового» способа пенализации общественно опасных деяний. Ответ предполагает два аспекта. Поскольку наказуемость – признак преступления, первый предполагает изучение эволюции самого понятия преступления. Вторым – анализ трансформации задач, которые ставились перед наказанием как реакцией на правонарушение в истории его развития.

В древние времена наказание не выделялось в самостоятельную, отдельную от других форму принуждения. О появлении уголовного наказания как о специфической – репрессивной дозированной реакции государства на наиболее опасные противоправные виновные деяния, видимо, можно говорить только с появлением уголовного права как отдельной отрасли правового регулирования. Сегодня мы называем применявшиеся *тогда* меры воздействия уголовными наказаниями лишь потому, что они отвечают нашим современным представлениям о наказании за преступления. Наказуемость же, как признак преступления в современном понимании, имеет относительно непродолжительную историю. Появлению «смыслового» способа пенализации как деятельности законодателя по формированию наказуемости хронологически предшествовали этапы, на которых государства – источника публичной власти в обществе (соответственно, и самой пенализации) – еще не существовало. Однако реакция человеческого социума на опасные деяния со стороны его членов имела место задолго до того, как эта реакция «оформилась» в то, что сегодня принято называть уголовным наказанием. Этапы становления и формулирования этой реакции можно условно разбить на три этапа – «догосударственный», «потестарный», «государственный».

Первый этап – «догосударственный». На примерах современных первобытных этносов исследователи юридической антропологии иллюстрируют разницу наказания в зависимости от разницы в уровнях социально-экономического развития, сложности социальных отношений в раннеродовой (кровнородственной) общине охотников и собирателей, позднеродовой общине высших охотников и рыболовов, ранних земледельцев и скотоводов, позднепервобытной (соседско-большесемейной) общине, выраженности имуществен-

ной и социальной дифференциации [1. С. 171]. Общим для этого этапа является, во-первых, отсутствие деления нарушений на частные и публичные, просто потому, что частный и публичный интерес не отличались друг от друга, а зачастую и отождествлялись (убийство мужчины – кормильца семейства, это одновременно убийство охотника и война, обеспечивающего всю общину). Во-вторых, в условиях отсутствия институтов семьи и собственности массив преступного, а значит, и наказуемого составляли деяния, посягавшие на жизнь и здоровье. В-третьих, в первых коллективных формах человеческого общежития – родовых общинах – правом наказания, ответной реакции (мести) за причиненную обиду, обладал сам потерпевший, а если тот был мертв – его ближайшие родственники. В редких случаях, например при неочевидности виновного, вопрос о наказании решался на собрании всех взрослых членов общины. Наказание на этом этапе не было обязанностью. Обычай кровной мести и талиона внутри родовой общины, как правило, еще отсутствовали, – община практически целиком была связана родственными узами. В-четвертых, содержание и границы такой мести носили неопределенный характер и определялись самим потерпевшим. Размер вреда, который он причинял своему обидчику, определялся только его произволом, зависел исключительно от степени гнева, раздражения, которые возбудила в нем обида, понесенный ущерб [2. С. 86]. Единственное ограничение состояло в необходимости учета традиций и правил общины.

«Смысловой» метод формирования реакции на нарушение на этом этапе может быть выражен следующей словесной формулой: *причиненный вред может быть отмщен потерпевшим*.

Второй этап – «потестарный»¹, или «предгосударственный». Период характеризуется отсутствием выраженных институтов публичной власти, укрупнением численности общины, преобразованием ее в племена и союзы племен, сменой кочевого образа жизни оседлым, разделением труда, появлением прибавочного продукта и товарообмена, началом институционализации частной собственности, возникновением имущественной дифференциации. На этом этапе происходят первые попытки отграничения частных нарушений от публичных, расцениваемых как причиняющих вред всей общине, племени.

Рост популяции – результат объединения родов в племена, а племен в союзы – повлек за собой расширение ореола их обитания и, как следствие, неизбежные конфликты с соседями. Столкновение с чужаками влекло месть. «Будучи естественной необходимостью для первобытного человечества, месть, – отмечал известный отечественный антрополог М.О. Косвен, – остается для группы основным условием ее самосохранения и успешности ее борьбы за существование. Группа, не умеющая или не имеющая возможности мстить за себя, – осуждена на неминуемую гибель» [4. С. 30]. Месть приобрела характер кровной. Содержательно чаще всего

она определялась талионом – представлением о естественной справедливости.

Параллельно шел процесс централизации власти. Посягательство на авторитет ее носителя означало оскорбление всего социума. Наказание начинает служить не только мостью за частную обиду конкретных потерпевших (соплеменников), но и насилием, признаваемым всеми членами коллективного образования, со стороны уполномоченных лиц за деяния, которые всеми признавались нарушениями.

Месть за обиду, оскорбление всего рода, племени, общины – в руках предводителя. Ее реализация соответствует ожиданиям коллектива. Неосуществление такой мести воспринимается как проявление слабости и урон авторитета носителя верховной власти. Таким образом, появление наряду с частными деликтами, требующими кровной мести, и публичных, которые требуют удовлетворения ответных карательных притязаний пострадавшего сообщества, повлекло приобретение мостью за последние-характера не только права, но и обязанности.

Наказание за публичное нарушение подразумевало его формальное одобрение сообщества, а потому исключало ответную месть со стороны родственников нарушителя – члена социума. В частные конфликты община не вмешивалась, и родственная группа нарушителя могла не признать наказание правильным и надлежащим в данной ситуации, что могло привести к затяжной вендетте, кровной мести между двумя группами или родами [1. С. 176]. Необходимость в минимизации таких расправ положила начало распространению имущественных санкций (откупов, штрафов, композиций, вир и т.д.), распределяемых между потерпевшим и носителем публичной власти. Этот этап развития представлений о реакции на нарушение можно выразить следующей формулой: *если причиненный вред частный – он может быть отмщен потерпевшим, если причиненный вред публичный – он должен быть отмщен носителем верховной власти*.

Дальнейший качественный генезис наказуемости связан с централизацией власти в постоянно действующих институтах, приобретением ею характера публичности, в конечном итоге – с появлением государства. Этот этап развития наказуемости как признака преступления следует обозначить как «государственный». Несмотря на то что «государственный» период – самый короткий по времени, он более предыдущих насыщен событиями, повлиявшими на развитие исследуемого явления. Для удобства изложения внутри этого этапа следует выделить несколько подэтапов. Их не всегда можно расположить в хронологическом порядке, так как некоторые процессы были растянуты на столетия, а некоторые, напротив, были привязаны к конкретным датам.

1. *Переход права наказания от носителей частного интереса к носителям интереса публичного*. С оформлением публичного аппарата власти установление наказания и его применение постепенно становятся исключительной прерогативой государства. По мере увеличения количества публичных институтов, увели-

¹Автор термина «потестарность» Ю.В. Бромлей определял его, в общих чертах, как племенное общество, обладающее властными (неполитическими) институтами. [3. С. 35].

чения их роли и значения это право начали принимать на себя не только потерпевший, его семья, община, но и церковь, ремесленные цеха. Даже средневековые университеты в свое время имели право отмщения за своих студентов [5. С. 127]. Однако именно на «государственном» этапе происходит сначала факультативный¹, а потом и окончательный переход от мести (расправы), при которой опасность и наказуемость деяний могли определяться потерпевшим, к возмездию как способу воздействия на нарушителя, при котором наказание следует за деяние, признаваемое всеми в социуме нарушением (за преступление), и размер его зависит от тяжести нарушения, определяемого носителем государственной власти. В прошлое постепенно уходит и кровная месть, уже не отвечающая требованиям государственной монополизации власти. Возмездие в отличие от мести регламентируется правом, направлено на восстановление справедливости не только в глазах потерпевшего, но и всего социума, оно ограничивается личностью виновного или, по крайней мере, стремится к этому. Конечно, история знает случаи ответственности наказанием и без вины, например децимации. Но такие случаи, во-первых, – исключение из правила, во-вторых, являются проявлением в наказании мести, а не возмездия.

Важно отметить, что на этапе «огосударствления» права наказания оно превращается собственно из права потерпевшего, как возможности его формулирования и применения, в обязанность и право государственных органов. Итогом окончательного перехода права наказания от любых иных лиц к государству послужила монополизация определения содержания наказуемости только последним.

Этот этап развития смыслового метода пенализации условно можно выразить следующей словесной формулой: *каждый причиненный вред, признаваемый государством опасным, должен влечь лишения и ограничения, налагаемые государством.*

2. *Выделение уголовного права в самостоятельную отрасль.* Первые попытки тематической консолидации норм уголовно-правового характера в отдельные блоки были предприняты в Соборном уложении 1649 г. и в Артикуле воинском 1715 г., притом что сами эти акты носили межотраслевой характер. Важным условием формирования уголовного права и уголовной наказуемости как признака преступления в России послужила реформа полиции 1862 г. и судебная реформа 1864 г. С этими событиями, как правило, связывают первую «удачную» попытку разграничения ответственности уголовной и административной. Многие статьи из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были исключены и введены в различные законы, регулирующие организацию и порядок управления определенными отраслями (например, Устав о казенных лесах, Таможенный устав и т.д.). С принятием в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, из Уложения 1845 г. были изъяты нормы об

ответственности за маловажные преступления и переведены в Устав в качестве уголовных проступков с менее суровыми наказаниями.

Итогом появления в XIX в. наряду с уголовным и полицейского права, применительно к смысловому способу пенализации, стала возможность трактовать уголовную наказуемость в более узком смысле, нежели существовавший ранее: не просто воздействие любым из существующих лишений или ограничений за любые правонарушения, а применение наиболее суровых лишений и ограничений из существующих, применяемых за наиболее опасные деяния.

Этот этап пенализации меняет «смысловой» метод пенализации до следующей словесной формулы: *каждый причиненный вред, признаваемый государством опасным, должен влечь наиболее строгие лишения и ограничения из возможных, налагаемых государством.*

3. *Появление термина «преступление» в законе.* Артикулы воинские 1715 г. впервые на законодательном уровне упоминают термин «преступление». До этого отечественные нормативные акты лишь перечисляли конкретные опасные деяния, в лучшем случае именуя группы некоторых из них общими родовыми терминами – «гвалт», «обида», «головщина», «татьба», «лихое дело» и т.д.

Этот этап можно охарактеризовать так: *каждое преступление, должно влечь наиболее строгие лишения и ограничения из возможных, налагаемых государством.*

4. *Закрепление понятия преступления в законе.* В 1832 г. в результате долгих попыток систематизации законодательства был принят Свод законов Российской империи. Свод впервые в отечественном праве дал определение преступлению. Под преступлением понималось «деяние, которое воспрещено законом под страхом наказания». Свод разделил наказания на уголовные и полицейские по мере их строгости. Впервые закрепленное в нашей стране на легальном уровне понятие преступления позволило установить наказуемость не конкретного деяния, а преступления вообще, как родового понятия. Это означало, по нашему мнению, не что иное, как возникновение «смыслового» метода пенализации общественно опасных деяний. Появление этой нормы породило дискуссию среди первых ученых-пенитенциаристов XIX в., таких как О. Горегляд, П. Гуляев, Г. Солнцев, С. Протасов, о праве государства устанавливать и применять наказания за преступления. В научном юридическом аппарате даже возник латиноязычный термин *jus puniendi*, которым стали обозначать право государства наказывать.

Значением закрепления легальной дефиниции преступления явилась «рождение» пенализации «смысловым» способом – в юридическом закреплении признака уголовной наказуемости преступления. Этот этап «смысловой» пенализации выражается словесной формулой: *каждое преступление должно влечь наказание.*

5. *Появление Общей части уголовного закона.* Запреты, устанавливаемые первыми государственными источниками права, как и их неблагоприятные последствия, поначалу носили казуистический бессистемный

¹Так, в Русской Правде предусматривалась факультативная возможность возложения наказания за содеянное в виде штрафа в пользу князя «а как не будет кого мстить, то сорок гривен за голову...» [6].

характер. Наиболее распространенным способом систематизации правового материала вплоть до XIX столетия был хронологический, суть которого – в сведении разновременных нормативных положений в единый документ и дополнении уже существующих предписаний новыми, без какой-либо переработки и обобщения. Описание и вычленение общего в наказуемости деяний происходило несколько столетий по мере увеличения количества запрещающих предписаний. Итогом такого абстрагирования явилось появление в XIX в. Общей части уголовного закона. Традиционно к первому источнику уголовного права, имеющему деление на Общую и Особенную части, относят Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Нормативный акт, как и предыдущие, «страдал» избыточной казуистичностью – содержал 2 224 статьи, при этом 11 из 12 разделов Уложения составляли Особенную часть. Уложение, также как и Свод 1832 г., содержало понятие преступления, но, в отличие от последнего, представлявшего собой громоздкое неоднородное нагромождение норм различных отраслей¹, в систематизированном акте, делящем уголовно-правовые нормы на общие положения и определяющем ответственность за отдельные деяния.

Значением появления Общей части для «смыслового» способа пенализации является его «прописка» в структуре уголовного закона – в том его элементе, который закрепляет основные, базовые его положения. Для этого этапа развития «смыслового» метода словесная формула может быть следующей: *преступление должно влечь наказание*.

Дальнейшую эволюцию «смыслового» метода пенализации общественно опасных деяний можно проследить на изменениях содержания легального понятия наказуемости преступления как его признака.

Как указывалось выше, Свод законов 1832 г. определил преступление как «деяние, которое воспрещено законом под страхом наказания». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. более объемно воспроизвело понятие преступления, предусматривая, что «за преступления и проступки, по роду и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным или исправительным, преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано».

Из этих дефиниций можно сделать следующие выводы. Во-первых, наказуемость в Уложении упоминается в форме языкового оборота «под страхом». Несмотря на то что современный словарь русского языка [7. С. 443] словосочетанию «под страхом» придает значение «под угрозой», использование именно такого выражения в Уложении имеет объяснение. С обретением права наказания государство начало вкладывать в

него элементы устрашения. Акцент в формулировке сдвинулся от справедливости в значении соразмерности наказания преступлению к справедливости в значении «благая цель оправдывает любое средство». Иными словами, если страх от наказания настолько силен, что удерживает от совершения нарушения, значит, такое наказание справедливо, оправданно. Так, Русская Правда суровые санкции поясняла «чтобы на то смотря иным не повадно было так делати», «чтобы на то смотря иным не повадно было воровати, в государев двор красти», «чтоб впредь не лгали», «чтобы на то смотря иные такого беззакония и скверного дела не делали и от блуда унялись» и т.д. Показательным является и суждение Петра I, считавшего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виноватый делал, одинаково не страшась царского гнева» [8. С. 50]. Это проявляется и в практике публичных казней в России вплоть до второй половины XIX в., а также телесных наказаний вплоть до их отмены в 1904 г.

Во-вторых, наказуемость нарушений в указанных нормативных актах разделена в зависимости от опасности нарушения и суровости наказания. Законодатель выделил наказания уголовные – строгие, следовавшие за наиболее опасные нарушения – преступления, и исправительные – менее строгие, применявшиеся за проступки. Впоследствии такое деление легло в основу деления на уголовные наказания и административные (полицейские) меры. Но полного однозначного и системного деления наказательных мер на уголовные и административные в XIX в. так и не произошло. Это позволило Д.Н. Блудову, одному из разработчиков Уложения 1845 г., утверждать, что «при переходе от наказаний уголовных к легчайшим исправительным нет той постепенности, которая существует между преступлениями». Более того, и в настоящее время говорить об однозначной границе такого деления можно лишь с определенной долей условности. Судья Конституционного Суда РФ С.Д. Князев отмечал в этой связи, что «конституционные дефекты административной ответственности обуславливаются отсутствием до настоящего времени надлежащей ясности в вопросе о сущности, юридической природе и отличительных правовых признаках этого вида ответственности, особенно в соотношении с ответственностью уголовной» [9. С. 21].

Уголовное уложение 1903 г. в ст. 1 признает преступлением «деяние, воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания». Как это определение характеризует смысловую форму пенализации? Во-первых, законодатель продолжил тенденцию необходимости конструирования наказания, которое бы в первую очередь вызывало страх у адресатов норм уголовного права. Во-вторых, комментируя это определение, Н.С. Таганцев указывает, что в статье употреблено выражение «воспрещенное законом», а не как предполагалось первоначально – «воспрещенность уголовным законом», потому что Уложение говорит о запрещении законом вообще, а не только уголовным

¹ В качестве примера логической непоследовательности расположения норм в Своде законов 1832 г. можно привести то обстоятельство, что нормы уголовного права, собранные в томе XV, встречаются в уставах казенного управления (тома V–VIII), статьях 737, 794, 832 закона о состояниях и других статьях тома IX.

законом, поскольку уголовно-правовая запрещенность содержится и в других законах, например акцизном [10. С. 3]. Сознательно отказываясь от исключительно уголовной «воспрещенности» деяний, законодатель констатировал существовавшее несовпадение криминализации и пенализации по объему. В-третьих, было упразднено деление наказуемости на уголовную и исправительную, как не имевшее практического значения» [10. С. 4].

Советские источники уголовного права отказались от легального признака наказуемости преступления. Ни один из них не предусматривал такого признака преступления. Несмотря на это, смысловая пенализация все же имела место. Первым в представлении о наказуемости преступлений внес коррективы Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде». Этот нормативный акт впервые в истории отечественного уголовного законодательства предусмотрел возможность условного осуждения («условное освобождение» в редакции Декрета) за преступление. Фактически с этого момента на уровне закона государство заявило, что наказание за преступление, как реально осуществляемое мероприятие, его право, а не обязанность.

После Октябрьской революции легальное понятие преступления было сформулировано в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Начала содержали довольно общее определение, согласно которому преступление – это действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений. Тем самым законодатель сместил «фокус» с юридического признака – «запрещенность законом» – на материальный – «опасность» [11. С. 103]. Содержание «смыслового» способа претерпело значительное изменение по сравнению с дореволюционными источниками. Так, ст. 2 и 3 провозглашали, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

Отсюда можно сделать следующие выводы. Во-первых, государство впервые ставит перед наказанием установленную законом задачу. Указание в законе на предназначение наказания, как средства решения стоящей перед уголовным законом сформулированной задачи, следует считать «смысловым» способом пенализации в советском уголовном законодательстве, так как отвечает на вопрос о значении наказания для регулирования отношений. Во-вторых, уголовное право отказывается от наказания как средства устрашения, придавая ему утилитарное значение средства охраны существующих отношений. В-третьих, такая охрана осуществляется не в интересах всего общества, а исключительно в интересах правящего класса трудящихся. Все это позволило заместителю народного

комиссара юстиции А.А. Шрейдеру утверждать, что «впервые в полном объеме и государственном масштабе поставлен вопрос о коренной ломке понятий о преступлении и наказании, о праве на наказание, о мерах и пределах наказуемости с точки зрения общества действий» [12. С. 146].

В соответствии со ст. 6 УК РСФСР 1922 г. преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени. Ст. 5 предусматривала новшество. Для осуществления своей задачи – правовой защиты государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов – УК 1922 г. определил средством применение к нарушителям революционного правопорядка наказания и других мер социальной защиты. Теперь средством решения задачи являлись не только наказания, но и меры социальной защиты. Более того, теперь и наказание признавалось мерой социальной защиты. Какие последствия для смыслового способа пенализации несла замена или признание наказания мерой социальной защиты? На наш взгляд, основное значение в «смещении акцентов» с наказания как средства возмездия на наказание как средство защиты. В практическом аспекте это выражается в отсутствии необходимости соотносить размер наказания с размером опасности произошедшего преступления. Куда важнее теперь не допустить новых преступлений и тем самым защитить новый государственный строй, нежели не совершить возмездие за прошлые посягательства. Таким образом, первый советский Уголовный кодекс придал новый смысл наказуемости деяний – не ради возмездия за прошлое, но для защиты будущего, что можно выразить следующей словесной формулой: *наказание должно защищать государство от опасности, в том числе преступлений*.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. под преступлением понимал всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок. Наказуемость как признак преступления по-прежнему не упоминается. Более того, термин «наказание» в кодексе целиком уступил место «мерам социальной защиты». Такую замену можно охарактеризовать следующим образом: *защищать государство от опасности, в том числе преступлений, можно и без наказания*.

Охватывается ли «смысловым» методом пенализации меры социальной защиты? Ответ на этот вопрос служил и служит предметом широких дискуссий. Одни рассматривали меры как эволюционное продолжение наказания и считали наказание одной из форм социальной защиты [13. С. 100–101; 14. С. 9]. Так, Н.В. Крыленко замену наказания мерами социальной защиты связывал с буквальной трактовкой высказывания К. Маркса, что «наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования» [15. С. 184]. Другие настаивали на самостоятельном характере мер защиты, существующем наряду с наказанием. Мотивировкой

этому служил довод, что наказание – это своего рода отражение прошлого, известная оценка уже учиненного преступного деяния. Меры же социальной защиты могут носить упреждающий характер и быть не связанными с деянием как с критерием их вида и продолжительности [16. С. 263, 276].

На вопрос об автономности наказания и мер социальной защиты, на наш взгляд, нельзя ответить и однозначно утвердительно. Во-первых, хотя меры социальной защиты в ст. 9 УК РСФСР 1926 г. декларировались не как возмездие или кара, а как имеющие превентивный характер, все же применялись и за преступление, а не только в связи с одним лишь опасным состоянием лица. Во-вторых, Кодекс провозглашал, что меры применяются «за всякое деяние, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени», даже если таковое и не запрещено прямо законом, но среди оснований были и уголовно-противоправные деяния. В-третьих, они применялись к лицам, опасным из-за связи с преступной средой или прошлой деятельности, но также и к лицам, совершившим общественно опасные деяния. В-четвертых, несмотря на отсутствие термина «наказание» в законе, большинство таких мер содержательно представляли собой именно наказание. Это позволяет утверждать, что определенный сегмент мер социальной защиты составляет наказуемость *de facto*, хотя *de jure* наказуемость в УК 1926 г. отсутствовала.

Более широким является вопрос, охватывается ли конструирование мер социальной защиты пенализацией общественно опасных деяний вообще, а не только смысловым ее методом?

Для начала стоит определиться с содержанием предмета пенализации. Пенализация – это деятельность законодателя, предполагающая установление (фиксацию) одного из существенных признаков преступления – наказуемости. При определении того, что составляет содержание наказуемости, вряд ли стоит ограничиваться только наказаниями. Наказуемость предполагает как применение наказания за совершение преступления («реальную» наказуемость), так и угрозу его применения («абстрактную» или «потенциальную» наказуемость). Если реальная наказуемость состоит в установлении понятия, целей, видов, системы наказаний в Общей части, а также наказаний за конкретные виды преступлений в Особенной части, то абстрактная подразумевает случаи, когда наказание реально не применяется, хотя основания к этому есть, но в силу указанных в законе причин вместо него применяются иные меры уголовно-правового характера, которые могут быть заменены на реальное применение наказания. Те меры уголовно-правового характера, которые связаны с реальной или абстрактной (потенциальной) реализацией основного метода регулирования уголовно-правовых отношений – кары (т.е. также являются формами реализации уголовной ответственности), составляют содержание наказуемости, а потому, по нашему мнению, должны включаться в предмет пена-

лизации. К таким мерам, например, следует отнести все современные меры уголовно-правового характера в узком смысле. В то же время не могут быть предметом пенализации иные меры уголовно-правового характера, понимаемые в широком и законодательном аспектах. Такие подходы, во-первых, «объединяют необъединяемое». Выражаясь метафорой, расческа парикмахера и топор палача предназначены для головы, и это их объединяет, однако вряд ли это означает одинаковость их целей, методов применения, оснований, последствий и т.д. Во-вторых, они никак не связаны с основным звеном пенализации – уголовным наказанием, значит, подчинены совершенно иной логике построения. В научной литературе такие последствия преступления предлагают именовать «иными мерами, предусмотренными уголовным законом» [17. С. 12–13].

Меры социальной защиты сначала потеснили уголовное наказание, будучи закрепленными в УК 1922 г. наряду с наказанием, а затем – в УК 1926 г. – и вовсе вытеснили его терминологически. Существует мнение, что в результате подмены понятий в теории права и в законодательстве границы между мерами наказания и мерами безопасности были фактически стерты [18. С. 20]. Полагая, с такой позицией можно согласиться лишь отчасти. Как известно, «меры социальной защиты» в первом советском кодексе законодателем подразделялись на три вида: 1) меры судебно-исправительного характера (бывшее наказание), применяемые за преступления; 2) меры медицинского характера – к невменяемым лицам; 3) меры медико-педагогического характера – к несовершеннолетним в случаях замены наказания этими мерами. Вторая и третья группы мер, безусловно, не могут быть отнесены к предмету пенализации, так как не связаны ни реально, ни под условием с возможностью применения кары. Не могут составлять его содержания и некоторые меры судебно-исправительного характера. Например, предостережение. Большинство же мер судебной защиты подразумевали в своей сущности кару, а потому отвечали требованиям предмета пенализации. Другое дело, что по целому ряду показателей они не соответствовали современным требованиям теории пенализации, например, его сущностным свойствам, таким как возмездность, способность быть лишением или ограничением, выражение осуждения, направленность на вызов страданий.

Почему законодатель раннего советского времени отказался от признака наказуемости преступления? Причин, на наш взгляд, минимум три. Во-первых, понятия преступления того периода носили классовый и идеологический характер. Смена государственного строя в 1917 г. ознаменовалась и сменой всей правовой парадигмы в стране. По словам советского правоведа А. Эстрина, современника этих событий, в этом отказе выражается разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми фетишизмом уголовно-правовыми построениями и с содержащимися в них критериями применения уголовной репрессии [19. С. 83]. Многие правовые инструменты, практиковавшиеся в царской России, в том числе и наказание, в

первые годы советской власти провозглашались пережитком, архаикой, которая должна уступить место идеологически новым средствам правового регулирования. В коммунистическом обществе, наступление которого казалось скорым и неизбежным, эксцессы отдельных лиц еще останутся, по крайней мере, в течение некоторого начального, самое большое – переходного периода. Но эти «эксцессы» коммунистическое общество научится быстро и легко подавлять и без помощи таких средств, как уголовное наказание [20. С. 31–33]. Отказ от наказуемости на деле носил не только политический, но и прагматический характер. Законодатель отказался от преступности деяния как единственного основания применения наказания, дополнив его (фактически заменив) целесообразностью. Классическая связка *наказуемо, потому что преступно*, уступила место связке *наказуемо, потому что целесообразно*. «Мыслимы, – отмечал А.К. Эстрин, – два и только два принципиальных критерия для применения к осужденному меры уголовной репрессии: либо критерий целесообразности, либо критерий справедливости. Для марксиста, борющегося с юридическим фетишизмом, единственно приемлем первый, совершенно неприемлем второй. Справедливость – антитеза целесообразности» [19. С. 77].

Во-вторых, отказ от наказуемости явился следствием смены школ уголовного права, на которые опирался законодатель. Классическая, на которой было построено Уложение 1903 г., уступила место популярной, в то время социологической.

В-третьих, это объясняется существованием в уголовном праве раннего советского периода аналогии, проявлявшейся в возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния, прямо не предусмотренного в уголовном законе, по статье Уголовного кодекса, предусматривающей наиболее сходное по роду деяние (ст. 10 УК РСФСР 1922 г., ст. 16 УК РСФСР 1926 г.). Аналогия была бы невозможна, содержа преступление признак наказуемости, ведь кодексы содержали только аналогию преступности деяния, но не аналогию наказуемости.

Позже исключение из закона термина «наказание» признают ошибкой, и в 1930-х гг. «наказание» возвращается в нормативные акты, регламентирующие вопросы уголовной ответственности. Так, М.Д. Шаргородский, указывая, что «отказ от термина “наказание” в законе не отражал каких-либо принципиальных изменений во взглядах на задачи уголовного права, а лишь свидетельствовал о желании законодателя подчеркнуть отказ от наказания как возмездия, хотя для этого вовсе и не требовалось изменять старую терминологию» [21. С. 9].

В защиту законодателя 1920-х гг. стоит признать, что увлечение построением альтернатив классической наказуемости деяний имело значение тенденции общеевропейского масштаба. Ряд принятых в этот период уголовных кодексов (испанский 1928 г.; югославский 1929 г.; итальянский и датский 1930 г.; польский 1932 г.; румынский 1936 г.; швейцарский 1937 г.) име-

ли перечни мер, в которых сосуществовали традиционные наказания, и меры, получившие название мер безопасности или социальной защиты [22. С. 91]. Заслугой появления мер социальной защиты в отечественном уголовном праве служит постулат о том, что наказание является основной, необходимой, но не единственно возможной реакцией государства на преступление.

УК РСФСР 1960 г. «хоронит» идею о мерах социальной защиты в уголовном праве, предусматривая в ст. 1, что именно наказания (а не иные меры) являются средством осуществления стоящей перед ним задачи.

Несмотря на то что советской наукой уголовного права с середины XX в. признак наказуемости уже (как в дореволюционных источниках) рассматривался в качестве признака преступления¹, УК РСФСР 1960 г. также не предусматривал наказуемости в качестве признака преступления, определяя в ст. 7 преступление как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок». При этом УК РСФСР 1960 г. не предусматривал возможности установления наказуемости опасных деяний исключительно Кодексом. Видимо, это было сделано с учетом опыта предыдущих десятилетий, когда наказуемость могла устанавливаться не только кодифицированным уголовным законом. Подобный случай имел место и в период его действия. Законом СССР «О защите чести и достоинства Президента СССР» от 14 мая 1990 г. № 1478-1 предусматривалась, что публичное оскорбление Президента СССР или клевета в отношении него наказываются штрафом до трех тысяч рублей или исправительными работами до двух лет, или лишением свободы на срок до трех лет. Эта норма так и не была воспроизведена в Уголовном кодексе.

Можно предположить, что отсутствие признака наказуемости в понятии преступления носило и политический характер. Одним из постулатов господствовавшей тогда идеологии было утверждение об относительно скором отмирании преступности, а вместе с ней и необходимости наказуемости. Так, Третья Программа

¹В первых двух изданиях учебника Общей части уголовного права 1938 и 1939 гг., вопрос о наказуемости как признаке преступления не ставился. Однако в третьем издании (1943 г.) наказуемость упоминалась как последствие признания общественно опасного деяния преступлением и выделялась в качестве его обязательного признака [23. С. 101]. Подробный теоретический анализ понятия преступления сделал в 1943 г. Н.Д. Дурманов в своей докторской диссертации «Понятие преступления». Он первым в советской уголовно-правовой литературе рассмотрел основные признаки понятия преступления: общественную опасность, противоправность, виновность, наказуемость и аморальность [24]. А.Л. Ременсон в своей диссертации также высказывался по этому поводу: «...В связи с этим и решается вопрос о соотношении понятий преступления и наказания, во взаимоотношениях которых наказание, как имеющее самостоятельные признаки, играет важную роль, ввиду того нельзя конструировать определение понятия преступления без привлечения признака наказуемости, так же как и при определении понятия наказания нельзя обходить определение преступления [25. С. 14].

КПСС, принятая XXII съездом КПСС в 1961 г.¹, утвердила дальнейшее движение страны от социализма к коммунизму. Съезд поставил задачу строительства коммунизма к 1980 г. Одним из этапов ее решения было искоренение преступности. Принятая на съезде третья Программа КПСС, в частности, предусматривала, что «рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге *заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания*» (выделено мной. – М.В.).

Учитывая, что наказание получило значение единственного средства решения стоящих перед уголовным законом задач, смысловой метод пенализации можно выразить так: *Наказание – основное и единственное средство решения задач Уголовного закона.*

В ст. 1 и 8 Основ уголовного законодательства 1991 г. было указано, что для осуществления своих задач уголовное законодательство Союза ССР и республик закрепляет основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, устанавливает наказания, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления. Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Практически в таком же виде «смысловой» метод пенализации был реализован в ст. 2 и 14 УК РФ. Помимо этого, УК РФ 1996 г. предусматривал, что наказуемость деяния определяется только Кодексом.

Такая формулировка позволяет установить содержание «смыслового» способа пенализации на современном этапе развития уголовного законодательства. Во-первых, уголовное наказание остается основным средством решения стоящих перед Уголовным законом задач. Во-вторых, наказуемость может быть определена только Уголовным кодексом. В-третьих, действующий Уголовный закон запрещает совершение преступлений не под страхом наказания, а под его угрозой. Такое уточнение ориентирует на построение наказаний, ориентированных на соответствие преступлению и личности виновного, а не на вызывание страха у осужденного и иных лиц. В-четвертых, запрет совершения преступлений под угрозой именно наказания, а не любых уголовно-правовых последствий означает, что основным способом реакции является наказание. «Иные меры» носят характер факультативных или исключений из общего правила. Тем самым содержание «смыслового» метода пенализации скорректировалось: *наказание – основное, с точки зрения задач, стоящих перед уголовным законодательством, но не единственное последствие преступления.*

Изложенное дает основание для выводов:

Суть «смыслового» способа пенализации заключается в определении роли и значения наказания как средства юридического воздействия на общественные отношения. Его историю можно условно разбить на

три этапа – «догосударственный», «потестарный», «государственный».

Появление смыслового способа пенализации ознаменовалось закреплением в законе понятия преступления и его признака наказуемости. С появлением Общей части уголовного закона «смысловой» метод пенализации получил свою «прописку» в структуре уголовного закона – в той его части, которая закрепляет его основные положения.

«Смысловой» метод пенализации в своем историческом развитии, меняя содержание, прошел несколько этапов, каждый из которых можно охарактеризовать словесными формулами:

– Появление государства ознаменовало монополизацию им права наказания. В результате «смысловой» метод пенализации сводился к содержанию: *Каждый причиненный вред, признаваемый государством опасным, должен влечь лишения и ограничения, налагаемые государством.*

– Появление уголовного права как самостоятельной отрасли означало тематическую консолидацию «в одном месте» наиболее опасных деяний и наиболее репрессивных средств реагирования на них. Это привело к изменению «смыслового» метода до содержания: *Каждый причиненный вред, признаваемый государством наиболее опасным, должен влечь наиболее строгие лишения и ограничения из возможных, налагаемых государством.*

– Появление термина «преступление» не сопровождалось одновременным (параллельным) появлением в законе термина «наказание». В результате «смысловой» метод сузился до содержания: *Каждое преступление должно влечь наиболее строгие лишения и ограничения из возможных, налагаемых государством.*

– Закрепление родового понятия «преступление», а вместе с ним и наказания, как его последствия, привело к конкретизации «содержательного» метода: *Каждое преступление должно влечь наказание.*

– Появление Общей части лишило актуальности указание на наказуемость каждого преступления. Этот этап выразился в формуле: *Преступление должно влечь наказание.*

– Советские источники уголовного права отказались от «смысловой» формы пенализации в части наказуемости как признака преступления, однако дополнили ее указанием на роль уголовного наказания в решении стоящих перед Уголовным законом задач. Отказ носил идеологический характер. «Смысловой» способ пенализации этого периода можно выразить формулой: *Наказание должно защищать государство от опасности, в том числе преступлений.*

– С 20-х до середины 30-х гг. XX в. советское уголовное право отказалось от уголовного наказания, заменив его мерами социальной защиты. Судебно-исправительные меры социальной защиты, применявшиеся за преступления, могут быть предметом пенализации, так как подразумевают основной метод уголовно-правового регулирования – кару. «Смысловой» способ пенализации этого периода специфичен и может быть выражен так: *Защищать государство от опасности, в том числе преступлений, можно и без наказания.*

¹ Работы по ее созданию начались в середине 1958 г.

– УК 1960 г. расширил перечень стоящих перед Уголовным законом задач, но указал только на наказание как средство их решения, а не на иные меры. «Смысловой» способ пенализации этого периода выражается в формуле: *Наказание – основное и единственное средство решения задач Уголовного закона.*

– Содержание «смыслового» способа пенализации на современном этапе развития уголовного права изложено в ст. 2 и 14 Уголовного кодекса РФ и

подразумевает, что *«Наказание – основное средство решения стоящих перед Кодексом задач, стоящих перед уголовным законодательством, но не единственное последствие преступления. Наказуемость преступления определяется только Уголовным законом. Уголовный закон запрещает совершение преступлений не под страхом наказания, а под его угрозой. Содержание угрозы составляет только наказание, но не иные меры».*

ЛИТЕРАТУРА

1. Шепталин А.А. Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 2. С. 169–189.
2. Мкртычян С.А. Генезис уголовного наказания в Русской Правде // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2013. С. 85–88.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
4. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М. ; Л., 1925. 140 с.
5. Пономаренко Ю.А. Происхождение права наказания // Проблемы законности. Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 126–135.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. литература, 1984. 432 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М. : Юрид. литература, 1999. Т. 3.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула : Автограф, 2001. 800 с.
9. Князев С.Д. Законодательство об административной ответственности: состояние и перспективы реформирования (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4 (70). С. 20–31.
10. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. 1122 с.
11. Шеслер А.В. Идеологические основы уголовного законодательства советского периода о преступлении и наказании // Вестник Кузбасского института ФСИН. 2021. № 1 (46). С. 99–111.
12. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М. : Проспект, 2015. 240 с.
13. Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. Сб. 1: Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. СПб., 1914. С. 78–135.
14. Дриль Д.А. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды). СПб. : Изд. Я. Канторовича, 1895. 295 с.
15. Крыленко Н.В. Ленин о суде и уголовной политике: к десятилетию со дня смерти. 1924–1934. М., 1934. 272 с.
16. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914. 676 с.
17. Уткин В.А. Проблемы Концепции развития уголовно-исполнительной системы в контексте уголовной политики // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. Т. 1. С. 8–13.
18. Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 33 с.
19. Эстрин А. К вопросу о причинах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 74–98.
20. Вышинский А.Я. Суд и карательная политика советской власти. Л. : Госюриздат, 1925. 78 с.
21. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1958. 239 с.
22. Ансель М. Новая социальная защита. М. : Прогресс, 1970. 311 с.
23. Уголовное право. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НКЮ СССР, 1943. 284 с.
24. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М. : АН СССР, 1948. 315 с.
25. Ременсон А.Л. Наказание и его цели в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1951. 17 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

History of Semantic Penalization Method

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 8–17. DOI: 10.17223/23088451/18/2

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

Keywords: theory of penalization of socially dangerous acts, criminal punishment, sanction.

The “semantic” method of penalization aims at defining the role and meaning of punishment as a means of legal impact on social relations. Its history can be conditionally divided into three stages – “pre-state”, “potestary”, and “state”. The semantic method of penalization perpetuates the concept of crime and its punishability and is deemed in the main provisions of The General Part of the Criminal Law. In its historical developments, the “semantic” method of penalization changed its content and went through several stages, each of which can be characterized by the verbal formula of the state holding the exclusive right to punishment. As a result, the “semantic” method of penalization was reduced to the idea that “every harm deemed by the state as dangerous must entail deprivations and restrictions imposed by the state”. The emergence of criminal law as an independent branch meant a thematic consolidation of the most

dangerous acts and most repressive means of punishment, which changed the “semantic” method to imply that “every harm deemed by the state as the most dangerous must entail the most severe deprivations and restrictions possible imposed by the state.” The appearance of the term “crime” was not accompanied by the simultaneous (parallel) appearance of the term “punishment” in the law. As a result, the “semantic” method was narrowed down to imply that “every crime must entail the most severe deprivations and restrictions possible imposed by the state.” When the generic concept of “crime” and punishment as its consequences were deemed, the “semantic” method narrowed down to “every crime must entail punishment.” The General Part made the concept of each crime’s punishability irrelevant. This stage verbalized the formula “a crime must entail punishment.” The Soviet criminal law abandoned the “semantic” form of penalization in terms of punishability as a sign of a crime, but supplemented it with the role of criminal punishment in solving the tasks set before the Criminal Law. The refusal was of an ideological nature. The “semantic” method of penalization in this period can be expressed by the formula “punishment must protect the state from danger, including crime.”

References

1. Sheptalin, A.A. (2019) Genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 27(2), pp. 169–189. (In Russian). DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.169-189
2. Mkrtychyan, S.A. (2013) Genezis ugolovnogo nakazaniya v Russkoy Pravde [The genesis of criminal punishment in Rus’ Justice]. In: Rarog, A.I. (ed.) *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Moscow: Prospekt. pp. 85–88.
3. Bromley, Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka.
4. Kosven, M. (1925) *Prestuplenie i nakazanie v dogosudarstvennom obshchestve* [Crime and Punishment in Pre-State Society]. Moscow; Leningrad: Gos. iz-vo.
5. Ponomarenko, Yu.A. (2011) Origin of the right to punishment. *Problemy zakonnosti – Problems of Legality*. 115. pp. 126–135. (In Russian).
6. Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Yurid. Literature.
7. Evgenieva, A.P. (ed.) (1993) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk: Poligrafresursy.
8. Tagantsev, N.S. (2001) *Russkoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1. Tula: Avtograf.
9. Knyazev, S.D. (2019) Legislation on administrative responsibility: state and prospects of reform (based on the legal positions of the constitutional court of the Russian federation). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 4(70). pp. 20–31. (In Russian).
10. Tagantsev, N.S. (1904) *Ugolovnoe Ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code of March 22, 1903]. St. Petersburg: [s.n.].
11. Shesler, A.V. (2021) Ideological principles of the Soviet criminal legislation on crime and punishment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN*. 1(46). pp. 99–111. (In Russian).
12. Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. & Chuchaev, A.I. (2015) *Sovetskoe ugolovnoe ulozhenie (nauchnyy kommentariy, tekst, sravnitel'nye tablitsy)* [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow: Prospek.
13. Stankevich, V.B. (1914) Bor'ba s opasnym sostoyaniem kak osnovnaya zadacha novogo ugolovnogo prava [Struggle with a dangerous state as the main task of the new criminal law]. In: Petrazhitsky, L.I. (ed.) *Novye idei v pravovedenii* [New Ideas in Jurisprudence]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 78–135.
14. Dril, D.A. (1895) *Prestupnost' i prestupniki (Ugolovno-psikhologicheskie etyudy)* [Crime and criminals (Criminal psychological studies)]. St. Petersburg: Izd. Ya. Kantorovicha.
15. Krylenko, N.V. (1934) *Lenin o sude i ugolovnoy politike: k desyatiletiiu so dnya smerti. 1924–1934* [Lenin on the court and criminal policy: to the tenth anniversary of his death. 1924–1934]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
16. Zhizhilenko, A.A. (1914) *Nakazanie. Ego ponyatie i otlichie ot drugih pravookhranitel'nykh sredstv* [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement tools]. Petrograd: Pravda.
17. Utkin, V.A. (2013) Problemy Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v kontekste ugolovnoy politik [Problems of the concept of development of the penitentiary system in the context of criminal policy]. In: Ryzhov, R.S. et al. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh modernizatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Penal system of the Russian Federation in the context of modernization: current state and development prospects]. Vol. 1. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 8–13.
18. Shchedrin, N.V. (2001) *Mery bezopasnosti kak sredstvo preduprezhdeniya prestupnosti* [Security measures as a means of crime prevention]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
19. Estrin, A. (1927) K voprosu o prichinakh postroeniya sistemy ugolovnoy repressii v proletarskom gosudarstve [On the reasons for building a system of criminal repression in the proletarian state]. *Revolutsiya prava*. 1. pp. 74–98.
20. Vyshinsky, A.Ya. (1925) *Sud i karatel'naya politika sovetskoy vlasti* [Court and Punitive Policy of the Soviet Regime]. Leningrad: Gosyurizdat.
21. Shargorodskiy, M.D. (1958) *Nakazanie po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Punishment under Soviet Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat.
22. Ansel, M. (1970) *Novaya sotsial'naya zashchita* [New Social Protection]. Moscow: Progress.
23. Plotnikov, A.I. (1943) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: NKYu SSSR.
24. Durmanov, N.D. (1948) *Ponyatie prestupleniya* [The Concept of Crime]. Moscow: USSR AS.
25. Remenson, A.L. (1951) *Nakazanie i ego tseli v sovetskom ugolovnom prave* [Punishment and its Goals in Soviet Criminal Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Leningrad.

УДК 343.533

DOI: 10.17223/23088451/18/3

В.С. Ишигеев, А.В. Пузикова, В.Л. Лапша

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА (ст. 321 УК РФ)

Рассматривается дискуссионный с позиции квалификации вопрос о содержании действий, приводящих к дестабилизации исправительных учреждений. Также подчеркивается, что само используемое понятие дезорганизации применительно к деятельности исправительных учреждений нуждается в разъяснении в аспекте их направленности и последствий, имеющих квалифицирующее значение. Предложена рекомендация, учитывающая последствия от таких действий, которые практически всегда имеют место.

Ключевые слова: уголовный закон, состав преступления, дезорганизация исправительных учреждений, исполнение наказания, уголовная ответственность

Преступность в местах лишения свободы является неотъемлемой частью преступности в стране.

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, представляют серьезную проблему, в том числе и потому, что подрывают авторитет уголовно-исполнительной системы, препятствуют достижению целей наказания, дестабилизируют обстановку в местах лишения свободы, оказывая негативное воздействие на поведение осужденных.

В настоящее время в местах лишения свободы 58% осужденных судимы неоднократно; 47% отбывают наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в исправительных колониях образуются многочисленные группировки отрицательной направленности, придерживающиеся преступных традиций уголовно-криминальной среды. Именно в местах лишения свободы сформирована «идеология преступного мира» и произошло слияние двух форм преступной деятельности: организованной и общеуголовной.

Одновременно в местах лишения свободы под влиянием преступной идеологии происходит своеобразный захват власти, когда в исправительных колониях начинают отбывать наказание по «уголовным понятиям» в соответствии с «криминальной субкультурой», а не по нормам уголовно-исполнительного законодательства, т.е. в настоящее время можно наблюдать противостояние «они» и «мы». Исправительные колонии, где действуют криминальные субкультуры, называют «черными», а те колонии, где действуют нормы уголовно-исполнительного законодательства и правила внутреннего распорядка, именуют «красными».

Задачей криминалиста в настоящее время является распространение своего влияния на большую часть осужденных с целью захвата влияния в исправительных учреждениях.

Одним из таких действий осужденных в местах лишения свободы по переориентированию исправительных колоний является дезорганизация работы учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

В структуре преступности в местах лишения свободы действия по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, состав-

ляют всего 2–3%, но нельзя не учитывать, что эти преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности, причиняют существенный вред исправлению осужденных и предупреждению преступлений.

При этом не следует забывать, что важная роль в предупреждении преступлений в местах лишения свободы принадлежит уголовно-правовым мерам, так как ч. 1 ст. 2 УК РФ предусмотрела предупредительную функцию уголовного законодательства, но гарантированность борьбы с преступностью зависит от содержания уголовно-правовой нормы и уровня правоприменения.

Из наименования ст. 321 УК РФ видно, что данная уголовно-правовая норма регулирует и охраняет такие общественные отношения, которые призваны обеспечить деятельность учреждений, исполняющих по приговору суда уголовные наказания в виде лишения свободы.

Впервые термин «дезорганизация» был введен Указом Президиума Верховного совета СССР от 5 мая 1861 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» [1], вызвав неоднозначную оценку в теории и практике, так как с лингвистических позиций он полисемичен [2. С. 204].

Именно поэтому можно объяснить неоднозначную позицию ученых в отношении объема и содержания данного термина [3–5].

В УК РФ 1996 г. законодатель также не дал определение понятия дезорганизации деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Поэтому, исходя из смысла нормы ст. 321 УК РФ, можно сделать вывод, что под «дезорганизацией деятельности исправительных учреждений» следует признать определенные действия, выразившиеся в следующем:

а) применение насилия, не опасного для жизни и здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в его отношении с целью воспрепятствовать исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы;

б) такие же действия в отношении сотрудника (его близких) места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности;

в) деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой, либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Таким образом, степень дезорганизации работы учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, различна, так как зависит от правового статуса потерпевших, степени интенсивности насилия и от совершения преступления организованной группой.

Жизнь и здоровье всех граждан уголовным правом охраняется одинаково, независимо от индивидуальных качеств потерпевшего. В случае же применения ст. 321 УК РФ законодатель, устанавливая повышенную уголовную ответственность за нападение на осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению или из мести за содействие администрации, исходит из того, что кроме причинения вреда здоровью осужденным это преступление причиняет ущерб деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы по исполнению приговора суда.

Для правильного применения ст. 321 УК РФ представляется важным определить, в отношении какой категории осужденных направлены действия по дезорганизации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Термины, указанные в диспозиции ст. 321 УК РФ, характеризующие субъективную сторону преступления, впервые были указаны в УК 1996 г., а до этого они определялись в разъяснении высшей судебной инстанции [6. С. 27–28].

Между тем, как отмечает А. А. Примаков, «фактически любой осужденный, добросовестно выполняющий обязанности, возложенные на него нормами уголовно-исполнительного законодательства и Правилами внутреннего распорядка» [7. С. 78], может стать жертвой преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ – «исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

В результате проведенного исследования установлено, что поведение потерпевших от действий осужденных, придерживающихся традиций и обычаев «криминальной субкультуры», отличается большим разнообразием.

Среди ситуаций, в которых поведение потерпевшего способствует совершению преступлений, является непротиводействие преступникам. Так, осужденные, добросовестно работающие на производстве, отличающиеся примерным поведением, вынуждены подчиняться различного рода поборам во «благо воровское» (общую кассу взаимопомощи), так как в колонии отрицательная часть осужденных определяет, что каждый обязан вносить свою долю в «общак», в противном случае он должен быть наказан.

Будет ли в этом случае непротиводействие означать воспрепятствование?

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка и уголовно-исполнительным законодательством все осужденные обязаны содействовать администрации в поддержании порядка. Респонденты из числа осужденных отмечают, что выпады и нападения «отрицательной» части осужденных происходят в отношении невольных, подрядчиков, бригадиров, называемых «красными», которые сотрудничают с администрацией, т.е., думается, это надо рассматривать как нападение из мести.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением А.А. Примакова, считающего, что данное преступление может не ограничиваться территорией исправительного учреждения, так как месть осужденному, оказывающему содействие администрации, возможна и тогда, когда он уже освобожден из мест лишения свободы [7. С. 89].

Важным моментом современной диспозиции ст. 321 УК РФ является то, что в неравном положении находится категория вольнонаемных работников исправительных колоний, которые в своей повседневной деятельности также принимают участие в исправительном воздействии на осужденных. Это мастера производственного обучения, врачи, учителя и др.

Нормальная работа учреждений уголовно-исполнительной системы предполагает должную охрану служебной деятельности лиц, которые наравне с аттестованными сотрудниками исправительных учреждений обеспечивают исполнение наказаний, назначенных по приговору суда.

Даже в диспозиции ст. 77.1 УК РСФСР 1960 г. было сказано, что потерпевшей стороной при совершении действий, дезорганизующих ИТУ, может быть представитель администрации мест лишения свободы. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 декабря 1962 г. № 16 «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» указал, что «Представителями администрации следует рассматривать: лиц начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений; личный состав конвойной охраны и надзирательский состав; вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы политико-воспитательную работу и медицинское обслуживание; административный и инженерно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью заключенных» [8. С. 12].

Думается, что вопрос о расширении круга потерпевших по ст. 321 УК РФ должен быть пересмотрен законодателем. Подобное имеется в УК Республики Беларусь, где в ст. 410 предусмотрено, что при действиях, дезорганизующих работу учреждений уголовно-исполнительной системы, потерпевшими являются представители администрации, т.е. две категории сотрудников: вольнонаемные и аттестованные [5. С. 180].

Степень дезорганизации мест лишения свободы, исходя из диспозиции ст. 321 Уголовного кодекса РФ, может быть различной. Любой случай применения

насилия к осужденным, вставшим на путь исправления, из мести за содействие администрации, а также посягательства на сотрудников исправительных учреждений расстраивает деятельность мест лишения свободы более существенно или на продолжительное время, что свидетельствует о высокой степени дезорганизации исправительного учреждения.

Важной составляющей реальности современной дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является причинение материального ущерба.

Так, в настоящее время повсеместно при дезорганизации работы учреждений, обеспечивающих изоляцию

от общества, совершается уничтожение имущества исправительных колоний, а причинение ущерба в диспозиции ст. 321 УК РФ не предусмотрено. Вместе с тем имеются примеры такого ущерба: в 2012 г. в исправительной колонии № 6 г. Копейска Челябинской области, в 2017 г. в воспитательной колонии г. Ангарска, в 2020 г. в исправительной колонии № 15 г. Ангарска – миллионный ущерб, когда были уничтожены подсобные хозяйства, цеха, здания и т.д.

Поэтому в диспозиции ст. 321 Уголовного кодекса РФ в порядке *de lege ferenda* считаем возможным предложить внесение нового квалифицирующего признака – «причинение значительного и крупного ущерба».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 1861. № 19. Ст. 207.
2. *Словарь иностранных слов* / под ред. И.В. Лехина, проф. Ф.Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ГИС, 1954. 856 с.
3. Кузнецов А., Романов А. Отграничение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, от хулиганства в местах лишения свободы // Советская юстиция. 1963. № 23. 49 с.
4. Костюк М. Объект уголовно-правовой охраны в исправительных учреждениях // Законность. 1999. № 10. 63 с.
5. Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД, 2002. 270 с.
6. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1985. № 4. 48 с.
7. Примак А.А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. 220 с.
8. *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1962. № 6. 48 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Some Issues of Qualifying Actions Disorganizing the Activities of Institutions Providing Isolation From Society (Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 18–21. DOI: 10.17223/23088451/18/3

Vladimir S. Ishigeev, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

Anastasiya V. Puzikova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: puzikova.av@yandex.ru

Vadim L. Lapsha, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Keywords: criminal law, corpus delicti, disorganization of correctional institutions, execution of punishment, criminal liability.

Crimes committed in correctional institutions pose a serious problem, undermining the penitentiary system, preventing the attainment of the punishment objective, destabilizing the situation in the institutions of confinement, adversely impacting the behavior of convicts. Currently, 58% of convicts in the institutions of confinement have been convicted more than once; 47% are serving their sentences for committing grave and especially grave crimes; numerous negative groupings are formed in correctional colonies, adhering to the criminal traditions. Two forms of criminal activity – organized and common – have merged in the places of confinement with their “ideology of the underworld”. Together with that, the ideology of the underworld results in a kind of “seizure of power”, when correctional colonies and their contingent begin to serve sentences by correctional law, i.e. nowadays, there is a confrontation of “us and them”. The correctional colonies operating according to the norms of “criminal subcultures” are defined as “black”, while those operating by the norms of the correctional law and the Internal Regulations are defined as “red”. The task of the “criminalist” is to spread their influence over the majority of convicts in order to seize power in correctional institutions. One of such actions of convicts in the institutions of confinement aimed at reorienting correctional colonies is disorganizing the activities of the institutions that ensure isolation from society. Though the actions to disorganize the activities make only 2–3% of the total number of crimes in the institutions of confinement, they are of a high social danger and cause significant harm to the correction of convicts and crime prevention. It should not be forgotten that an important role in the prevention of crimes in the institutions of confinement belongs to criminal law measures, since Part 1 of Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the preventive function of criminal legislation, yet the guaranteed fight against crime depends on the content of the criminal law norm and the level of law enforcement. Based on the name of Art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is clear that this criminal law norm regulates and protects such social relations that are designed to ensure the activities of institutions executing criminal sentences in the form of imprisonment by court verdict.

References

1. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1961) 19. Art. 207.
2. Lekhin, I.V. & Petrov, F.N. (eds) (1954) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. 4th ed. Moscow: GIS.
3. Kuznetsov, A. & Romanov, A. (1963) *Otgranichenie deystviy, dezorganizuyushchikh rabotu ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy, ot khuliganstva v mestakh lisheniya svobody* [Delimitation of actions that disorganize correctional labor institutions from hooliganism in places of confinement]. *Sovetskaya yustitsiya*. 23. p. 18.
4. Kostyuk, M. (1999) *Ob'ekt ugovovno-pravovoy okhrany v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Object of criminal law protection in correctional institutions]. *Zakonnost'*. 10. pp. 48–50.

5. Ishigeev, V.S. (2002) *Penitentsiarnye prestupleniya* [Penitentiary crimes]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of the Ministry of Interior.
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1985). 4.
7. Primak, A.A. (2003) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na ustanovlennyy poryadok ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Criminal liability for crimes infringing on the established procedure for the execution of punishment in the form of imprisonment]. Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
8. *Byullyuten' Verkhovnogo Suda SSSR*. (1962) 6.

Received: 10 September 2021

Д.С. Кушлин

ЛАТЕНТНОСТЬ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Рассматриваются латентность мошенничества в сфере трудовых отношений, проблемы квалификации преступного деяния и разграничения с другими составами мошенничества и иными правонарушениями. Предложены меры предупреждения мошенничества в сфере трудовых отношений.

Ключевые слова: *мошенничество в сфере трудовых отношений, ущерб, квалификация, латентность, меры предупреждения*

В современной России практика применения закона все чаще сталкивается с такими видами хищения, как мошенничество в сфере трудовых отношений. Типовой схемой мошенничества в сфере трудовых отношений является оформление фиктивного трудового договора без цели фактического выполнения обусловленных трудовым договором работ работником, но с целью получения заработной платы и иных выплат работником и (или) иными лицами. Оформляется фиктивный трудовой договор, издается приказ, составляется табель, идет начисление заработной платы, идут отчисления в пенсионный фонд и подоходный налог. При этом фактически работа, обусловленная трудовым договором, не выполняется. В результате таких действий происходит незаконное завладение чужими денежными средствами, и работодатель несет имущественный ущерб. Вышеуказанные деяния в большинстве случаев квалифицируются по ст. 159 и 160 УК РФ. Учитывая, что за аналогичные по характеру и степени общественной опасности хищения привлекают к уголовной ответственности по различным статьям Уголовного кодекса РФ, то можно прийти к выводу, что на практике возникают проблемы квалификации деяния. На наш взгляд, вышеуказанные случаи хищения правильнее квалифицировать как мошенничество по ст. 159 УК РФ.

Проанализировав статистику совершенных мошенничеств, можно прийти к выводу, что мошенничество в сфере трудовых отношений совершается крайне редко. Данное явление характерно для всех регионов России. Выявить мошенничество в сфере трудовых отношений не так просто. В силу этого хищение может быть как одномоментным, так и системным, длящимся во времени месяцами или годами. Зачастую выявленные случаи мошенничества в сфере трудовых отношений имеют огласку в средствах массовой информации. Сразу возникает вопрос, так ли это на самом деле, соответствует ли статистика реальной ситуации.

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться к сущности и способу совершения мошенничества в сфере трудовых отношений. На наш взгляд, мошенничество в сфере трудовых отношений имеет высокую латентность. Многие факты совершения преступления остаются не выявленными. А выявленные факты не попадают в статистику по разным причинам. Во-первых, работодатель не всегда хочет привлекать своих

работников к уголовной ответственности: либо пресекает возможность совершения хищения и оставляет работать дальше, либо увольняет в связи с потерей доверия под различными предлогами, либо заставляет уволиться по собственному желанию, используя различные инструменты воздействия. Во-вторых, выявленные случаи мошенничества в сфере трудовых отношений не всегда доходят до суда, так на практике существует проблема квалификации мошенничества в сфере трудовых отношений. Деяние, как уже отмечалось, можно квалифицировать как по ст. 159, так и по ст. 160 УК РФ либо вообще признать дисциплинарным проступком или иным правонарушением не уголовно-правового характера.

Исходя из вышесказанного можно прийти к выводу, что статистика не в полной мере отображает число мошенничеств в целом и мошенничеств в сфере трудовых отношений в частности. На наш взгляд, общественная опасность мошенничества в сфере трудовых отношений в большей мере обусловлена высокой латентностью. Данное деяние крайне сложно выявить. Многие преступления остаются не выявленными, не говоря уже о привлечении виновных к ответственности. Само деяние и его последствия могут длиться во времени достаточно длительный срок, годами или десятилетиями, нанося тем самым еще и значительный ущерб собственнику и государству. Это порождает проблему предупреждения и выявления преступлений в данной сфере. Лица, совершившие мошенничество в сфере трудовых отношений и не привлеченные к ответственности, осознают свою безнаказанность. В свою очередь, это порождает развитие правового нигилизма и склонность у данных лиц к совершению повторных хищений или более тяжких преступлений. Высокая латентность мошенничества в сфере трудовых отношений вызвана незнанием о таком виде мошенничества работодателей. Кроме того, некачественный контроль над начислением работникам заработной платы и выполнением обусловленной трудовым договором работы порождает лазейки для совершения мошенничества в сфере трудовых отношений.

На наш взгляд, можно предложить следующие меры предупреждения и выявления мошенничества в сфере трудовых отношений: 1) информационного характера, 2) контрольно-организационного характера.

1. Меры информационного характера предусматривают отражение информации о специфике мошенничестве в сфере трудовых отношений в средствах массовой информации. Данная мера на данный момент имеет место, но в недостаточном объеме. Тем самым достигается предупреждение потенциального потерпевшего о самой возможности такого мошенничества в сфере трудовых отношений.

2. Меры контрольно-организационного характера непосредственно направлены на выявление хищений путем совершения мошеннических действий в сфере трудовых отношений. Для выявления и предупреждения мошенничества в сфере трудовых отношений работодателю необходим более тщательный контроль над тем, как начисляется зарплата и как выполняется работа работником. В небольшой организации (до 100 человек) сам работодатель или начальник отдела кадров непосредственно могут проконтролировать, имеет ли место хищение путем мошенничества. Если организация значительная – с большим числом структурных подразделений и числом работников, то тут можно по-

рекомендовать создать специальный отдел контроля – отдел внутренней, собственной или экономической безопасности. Формироваться такой отдел, на наш взгляд, должен из юристов, экономистов, бухгалтеров, специалистов по экономической и информационной безопасности, а также специалиста по кадрам. Задачей такого отдела будет выявление хищений путем мошенничества в сфере трудовых отношений. При этом мы не призываем к тотальному контролю со стороны работодателя, но если возникают основания предполагать, что может быть совершено хищение путем мошенничества в сфере трудовых отношений, то более тщательный контроль будет уместен и целесообразен. Просто работодателю необходимо быть более бдительным. Разумеется, все действия со стороны работодателя при осуществлении контроля должны соответствовать действующему законодательству.

Таким образом, только надлежащий и разумный контроль со стороны работодателя может предупредить и выявить случаи такого хищения, как мошенничество в сфере трудовых отношений.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Latency and Prevention of Fraud in Labor Legal Relations

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 22–23. DOI: 10.17223/23088451/18/4

Denis S. Kuklin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dex_dex@mail.ru

Keywords: labor fraud, damage, qualifications, latency, preventive measures.

The following measures can be proposed to prevent and detect labor fraud. They can be divided into two groups: informational and control. Informational measures provide for informing about the labor fraud in the media. Though there is not enough information about labor fraud nowadays, the potential victim is warned about the very possibility of such fraud. Management measures are directly aimed at identifying labor fraud. To detect and prevent labor fraud, the employer should have a more careful control over how wages are calculated and how the employee performs the work. If the organization is not large or an individual entrepreneur has up to 100 employees, the employer or the head of the HR department can directly control whether there is embezzlement through fraud. If the organization is large with a large number of structural divisions and a large number of employees, a special control department can be created for internal, personal or economic security. This department should consist of lawyers, economists, accountants, specialists in economic and information security, as well as a specialist in personnel. Its objective will be to identify theft by fraud in the field of labor relations. It does not imply total control on the part of the employer, but if there are grounds to believe that theft may be committed through labor fraud, a more careful control will be appropriate and expedient, and the employer just needs to be more vigilant. All actions on the part of the employer exercising control must comply with the applicable law. Thus, only proper and reasonable oversight by the employer can prevent and detect labor fraud.

References

1. Shesler, A.V. (2013) Moshennichestvo: problemy realizatsii zakonodatel'nykh novell [Fraud: Problems of Implementation of Legislative Novelties]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 67–71.
2. Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2020) Uchet izmeneniya predmeta khishcheniya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki pri prepodavanii distsipliny "Ugolovnoe pravo" [Taking into account the change in the subject of theft in the digital economy when teaching "Criminal Law"]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya: Vyzovy tsifrovoy ekonomiki* [Modern Trends in the Development of Lifelong Education: Challenges of Digital Economy]. Proceedings of the International Conference. January 30–31, 2020. pp. 285–286.

Received: 10 September 2021

И.В. Лозинский

**К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Рассмотрены изменения, внесенные в Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации на основании федеральных законов РФ от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ, от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ, от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ. Анализируется, насколько этих изменений достаточно для совершенствования настоящей главы. Рассматривается, насколько указанные изменения были необходимы для совершенствования отдельных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. Дается предложение о необходимости совершенствования как других норм, составляющих данную главу, так и содержания ее в целом.

Ключевые слова: уголовное законодательство России, общественные отношения в сфере экономической деятельности

В декабре 2019 – октябре 2020 г. в охраняющую общественные отношения в сфере экономической деятельности Главу 22 Уголовного кодекса РФ законодателем вновь были внесены значительные изменения. В частности, на основании Федерального закона РФ от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ изменениям подверглась ст. 191 УК РФ. В новой редакции она озаглавлена «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга». Таким образом, имеет место «расширение» сферы действия указанной уголовно-правовой нормы, поскольку в предыдущей редакции ею предусматривалась ответственность за незаконный оборот только «драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга». Представляется, что в результате обозначенного «расширения» окажется устраненным значительный пробел в уголовном законодательстве. Одновременно новая редакция ч. 1 ст. 191 УК РФ содержит и административную преюдицию, что, на наш взгляд, представляет собой одно из направлений совершенствования действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Также административную преюдицию содержит и ч. 1 ст. 193 УК РФ на основании Федерального закона РФ от 01 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Кроме введения административной преюдиции в указанную уголовно-правовую норму, этим законом в нее внесены и иные изменения. В частности, ч. 1.1 ее признана утратившей законную силу. При этом ответственность за деяние, предусмотренное данной частью, в новой редакции ст. 193 предусматривается п. «б» ч. 2. Следует отметить, что ч. 1.1 в ранее действующую редакцию ст. 193 была введена в 2016 г. на основании Федерального закона № 325-ФЗ от 3 июля обозначенного года. Этой частью предусматривалась уголовная ответственность за совершение запрещаемого рассматриваемой нормой деяния «группой лиц по предварительному сговору». Одновременно п. «б» ч. 2 ст. 193 УК РФ в предыдущей редакции предусматривал ответственность за совершение указанного деяния «организованной группой». Та-

ким образом, предыдущее реформирование данной уголовно-правовой нормы состояло в дифференциации ответственности за совершение запрещаемого ею деяния в разных формах соучастия. Необходимо отметить, что в диспозиции ст. 193 в редакции Федерального закона РФ от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ такая дифференциация отсутствовала, и уголовная ответственность за совершение этого деяния в соучастии предусматривалась п. «б» ч. 2 этого закона. То же имеет место и в результате поправок, внесенных в данную диспозицию Федеральным законом РФ от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ. Таким образом, этим законом фактически восстановлена редакция ч. 2 ст. 193 2013 г. Одновременно, на основании обозначенного закона значительно увеличены как «крупный», так и «особо крупный» размеры, о которых отмечено в диспозиции рассматриваемой нормы. В отличие от предыдущей, в ее новой редакции «крупный размер» увеличен законодателем от 100 млн руб., «особо крупный» – от 150 млн руб. Таким образом, в рассматриваемой ситуации, в отличие от ст. 191 УК РФ, имеет место «сужение» сферы действия ст. 193 УК РФ, что, по нашему мнению, свидетельствует о частичной либерализации уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Об указанной либерализации, на наш взгляд, свидетельствует и введение в ч. 1 данной уголовно-правовой нормы административной преюдиции.

Одновременно с изменениями, внесенными в ст. 193 УК РФ, настоящим законом внесены изменения и в иные нормы, составляющие Главу 22 УК РФ. В частности, изменениям подверглась и ст. 198. В результате этих изменений, в Примечании 2, законодателем точно определены суммы как «крупного размера», так и «особо крупного размера», чего не наблюдалось в ее предыдущей редакции. Таким образом, оказались устраненными сложности его законодательной конструкции.

Также рассматриваемым законом внесены изменения и в Примечание 1 к ст. 199 УК. В результате указанных изменений законодатель, как и в предыдущей

ситуации, точно установил суммы «крупного размера» и «особо крупного размера» применительно к ст. 199. Аналогичные изменения для точного установления указанных сумм внесены законодателем и в Примечания 1 к ст. 199.1, 199.3 и 199.4 Уголовного кодекса. Таким образом, благодаря рассмотренным изменениям оказались устраненными значительные законодательные пробелы.

Наряду с внесением изменений в обозначенные уголовно-правовые нормы, за указанный период законодатель дополнил Главу 22 УК РФ и новеллой. На основании Федерального закона РФ от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ в данную главу введена ст. 200.7, предусматривающая уголовную ответственность за «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Согласно действующему законодательству Российской Федерации, решения арбитров (третейских судей) имеют большое значение для правильного разрешения рассматриваемых ими споров, возникающих между хозяйствующими субъектами. Представляется, что в связи с этим обстоятельством появляется возможность «продажи» «выгодных» судебных решений арбитрами (третейскими судьями), что свидетельствует о наличии коррупционной составляющей. Таким образом, криминализация указанного деяния обусловлена усилением российского уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией среди арбитров, третейских судей. Следует отметить, что в Уголовном кодексе РФ уже существуют нормы, предусматривающие ответственность за коррупцию – ст. 204, 290. Однако субъект преступлений, запрещаемых данными нормами, в первом случае является сотрудником коммерческой организации, во втором – должностным лицом. Третейский судья в процессе рассмотрения спора не может относиться ни к одному из этих лиц. Таким образом, дополнение отечественного уголовного законодательства данной новеллой и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности являются обоснованными, поскольку исключается значительный законодательный пробел.

Представляется, что внесения этих изменений явно недостаточно для дальнейшего совершенствования Главы 22 УК РФ. В юридической литературе высказываются точки зрения о необходимости совершенствования и иных норм, составляющих указанную главу. Например, ст. 200.4, введенная в нее законодателем в 2018 г. Несмотря на ее новизну, законодательная конструкция данной уголовно-правовой нормы имеет некоторые дефекты, один из которых состоит в определении субъекта запрещаемого ею деяния. Следуя логике законодателя, в качестве указанных субъектов рассматриваются: работники контрактной службы; контрактный управляющий; члены комиссии по осуществлению закупок; лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; либо иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управлен-

ческие функции в коммерческой или иной организации [1. С. 55]. В результате проведенного в юридической литературе анализа этих субъектов отмечено, что отнесенный к ним «контрактный управляющий» является должностным лицом. Данное обстоятельство напрямую противоречит диспозиции рассматриваемого уголовно-правового запрета [2. С. 28]. Таким образом, имеет место ошибка законодателя в определении субъекта обозначенного деяния, поскольку, следуя логике последнего, это деяние совершается лицами, которые не являются должностными. В результате указанное определение является, с одной стороны, достаточно «размытым», что позволяет лицам, виновным в совершении деяния, запрещаемого ст. 200.4 УК РФ, избегать привлечения к уголовной ответственности, с другой – наблюдаются противоречия между положениями уголовного и гражданско-правового, а также и административного, законодательства, что также не способствует правильному применению данной нормы на практике [2. С. 29]. Достаточно «размытой» выглядит и объективная сторона рассматриваемого деяния. Свидетельство тому – равнозначное толкование законодателем таких ее элементов, как «злоупотребления» и «нарушение». По своей сущности указанные элементы не являются однородными, поскольку «злоупотребление» представляет собой только умышленное деяние, а «нарушение» может представлять собой и деяние, совершенное по неосторожности [1. С. 56]. Следуя логике законодателя, рассматриваемое деяние должно совершаться только умышленно. По нашему мнению, это способно привести к затруднениям, связанным с практическим применением ст. 200.4, поскольку доказать именно умышленный характер запрещаемого ею деяния окажется достаточно сложным. Таким образом, рассматриваемая уголовно-правовая норма в настоящей ее редакции является практически неприменимой. Следует отметить, что она вводилась в УК РФ с целью усиления ответственности именно за нарушения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Этим и обосновывается криминализация запрещаемого ею деяния и, как результат, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности. Таким образом, несмотря на необходимость криминализации обозначенного деяния, проблема совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в указанной сфере, оказалась фактически нерешенной. Представляется, что для правильного решения данной проблемы необходимо проведение мониторинга применения ст. 200.4 УК РФ на практике.

Одновременно существует необходимость совершенствования и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ. В юридической литературе обоснованно высказана точка зрения о несовершенстве ст. 169 УК, устанавливающей ответственность за «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» [3. С. 58]. По мнению ученых, указанное несовершенство состоит в том, что часть элементов деяния, ответственность за совершение которого

предусмотрена рассматриваемой нормой, представляет собой административные правонарушения, наказуемые по ст. 7.29–7.30 КоАП РФ. Таким образом, в данной ситуации имеет место конкуренция уголовной и административной ответственности. Проанализировав судебную практику применения ст. 169, следует отметить, что в большинстве случаев уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ею, прекращаются по реабилитирующим основаниям. Одновременно лица, виновные в совершении исследуемого деяния, привлекаются в большинстве случаев лишь к административной ответственности [3. С. 59]. На наш взгляд, правомерно возникает вопрос о необходимости существования рассматриваемого уголовно-правового запрета. В юридической литературе вполне обоснованно высказано мнение, что только некоторые действия против предпринимательской или иной деятельности могут быть квалифицированы как преступления [3. С. 60]. Как и в предыдущей ситуации, для правильного решения проблемы совершенствования ст. 169 УК РФ необходимо проведение мониторинга ее практического применения.

Одновременно, по нашему мнению, решение рассматриваемой проблемы возможно и иным путем. Нами ранее отмечалось, что по своей правовой природе запрещаемое ст. 169 деяние является разновидностью должностных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Главы 30 УК РФ [4. С. 44]. Таким образом, в обозначенной ситуации не исключается и «перевод» данного уголовно-правового запрета в указанную главу УК, что позволит частично «разгрузить» Главу 22 УК РФ от норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие собой посягательства на общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Также в юридической литературе отмечено о недостатках законодательной конструкции и иных норм, составляющих Главу 22. Пример – ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за «ограничение конкуренции». Несмотря на множество поправок, внесенных законодателем в диспозицию указанной нормы, она по-прежнему является несовершенной. Причина обозначенного несовершенства состоит в том, что рассматриваемой нормой установлена уголовная ответственность только за ограничение конкуренции посредством картеля, а иные антиконкурентные соглашения законодателем не криминализированы [5. С. 47]. Необходимо отметить, что в предыдущей ее редакции, действовавшей до марта 2015 г., предусматривалась уголовная ответственность и за «ограничение доступа на рынок», которое, на наш взгляд, также следует рассматривать как антиконкурентное соглашение. Федеральным законом РФ от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ данный элемент был исключен, что, по нашему мнению, привело к возникновению значительного законодательного пробела. Одновременно П.С. Яни обоснованно высказал мнение, что и само понятие картеля в настоящей редакции раскрыто достаточно произвольно, в результате отсутствует единая точка зрения о возможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности

по ст. 178. Так, с одной стороны, эта ответственность наступает, если имеет место ограничивающее конкуренцию соглашение, с другой – ограничение конкуренции связано с картелем [5. С. 47]. Таким образом, наряду с обозначенным пробелом имеет место и неточное толкование элемента диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы. П.С. Яни для правильного решения проблемы совершенствования ст. 178 УК предложено установить, что «участники картельного соглашения – хозяйствующие субъекты-конкуренты». Им же высказано мнение, что «нельзя рассматривать как картель соглашение, заключенное хозяйствующим субъектом с лицом, не отвечающим признакам его конкурента, даже если данное соглашение заключено с целью устранения второго лица от участия в торгах» [5. С. 49]. Представляется, что в случае принятия выказанного П.С. Яни мнения законодателем борьба с ограничением конкуренции окажется более эффективной. Также в данной ситуации не исключается и частичная криминализация деяний, рассматриваемых как антиконкурентные соглашения. В частности, «восстановление» в диспозиции ст. 178 УК РФ ответственности за «ограничения доступа на рынок».

Следующей «проблемной» нормой является ст. 183 УК РФ, устанавливающая ответственность за «незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Несмотря на то что преступные посягательства на коммерческую и банковскую тайну имеют достаточно широкое распространение, судебная практика по указанным уголовным делам до настоящего времени не может быть признана вполне сложившейся. А.Н. Ляскало выделяет некоторые проблемы квалификации по ст. 183, которые связаны с неоднозначным толкованием границ коммерческой и банковской тайны [6. С. 40]. В частности, по рассматриваемой норме часто квалифицировались посягательства на различные конфиденциальные сведения, коммерческая ценность которых не была подтверждена. В указанной ситуации наблюдалось противоречие с положениями норм регулятивных отраслей права, в частности с положениями Федерального закона РФ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», согласно которым для отнесения каких-либо сведений к коммерческой тайне необходимо, чтобы они имели действительную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам. То же А.Н. Ляскало отмечено и о проблемах, возникающих при квалификации уголовных дел о разглашении банковской тайны [6. С. 42]. Следует отметить, что в Федеральном законе РФ «О банках и банковской деятельности» не указано, что следует понимать под «банковской тайной». В результате имеет место достаточно широкое толкование обозначенного элемента диспозиции ст. 183 УК. Во избежание проблем, возникающих с ее практическим применением, необходимо точно определить как границы, так и момент возникновения коммерческой и банковской тайны [6. С. 45]. Одновременно нами ранее отмечено, что для совершенствования ст. 183 необходимо в ее диспозиции дать толкование и «тяжких последствий» [4. С. 157].

К «проблемным» следует отнести и ст. 194 УК РФ – «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». В процессе применения указанной уголовно-правовой нормы у правоприменителя возникают сложности при определении места совершения запрещаемого ею преступления. Данное место может отличаться как от места перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу, так и от местонахождения декларанта [7. С. 52]. В результате этот вопрос остается дискуссионным, что не способствует эффективной борьбе с обозначенным деянием. По мнению некоторых ученых, место его совершения должно устанавливаться правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств соответствующего дела, возбужденного по ст. 194 УК [7. С. 54]. Представляется, что приведенное решение рассматриваемого вопроса является наиболее оптимальным, поскольку диспозиция ст. 194 является бланкетной, а для уяснения ее содержания следует принять во внимание специфику таможенного законодательства.

Одновременно, проведя анализ и иных норм, составляющих Главу 22 УК РФ, следует выделить и иные нормы, нуждающиеся в совершенствовании. По нашему мнению, к ним следует отнести и ст. 189 УК РФ, устанавливающую ответственность за «незаконные экспорт из Российской Федерации или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники». Предыдущие поправки в указанную уголовно-правовую норму законодателем были внесены еще в 2013 г., при этом они были незначительными. Нами ранее отмечалось, что диспозиция ст. 189 законодателем сформулирована неточно. Об этом свидетельствует тот факт, что не ясно, в каком случае возможно привлечение лица к уголовной ответственности: либо если оно совершило только незаконный экспорт сырья; либо только незаконный экспорт материалов; либо только незаконный экспорт оборудования; либо только незаконный экспорт технологий; либо только незаконный экспорт научно-технической информации; либо же оно привлекается к уголовной ответственности только тогда, когда оно совершило незаконный экспорт всего, о чем отмечено в диспозиции данной нормы. В результате нами было предложено в ее заглавие и диспозицию ввести разделительные союзы «или» между элементами, перечисляемыми в них, поскольку без их использования однозначное толкование запрещаемого ею деяния правоприменителем окажется невозможным. Благодаря их введению законодательная конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы окажется понятной для любого адресата закона [4. С. 155].

Также в совершенствовании нуждается и ст. 190 УК РФ – «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей». Как и в ситуации со ст. 189 УК РФ, предыдущие законодательные поправки в ст. 190 были внесены в 2013 г. После них ст. 190 УК

ни разу им не подвергалась. Проанализировав ее диспозицию, возможно выделить в ней такой проблемный элемент, как «культурные ценности». В действующей редакции указанной уголовно-правовой нормы данный элемент фактически не раскрыт законодателем. В связи с этим, аналогично ситуации со ст. 189 УК РФ, неясно, что относится к этим ценностям. По нашему мнению, с целью совершенствования ст. 190 УК РФ необходимо определение «культурных ценностей» выделить как отдельное примечание к ней.

Одновременно, на наш взгляд, наряду с криминализацией подкупа арбитра, третейского судьи, для устранения отдельных законодательных пробелов, имеющих место в Главе 22 УК РФ, с целью ее дальнейшего совершенствования необходима криминализация и иных деяний. Следует отметить, что отношения конкуренции, которые являются «нервом» рыночной экономики, до сих пор уголовным законом охраняются не в полном объеме. Представляется, что актуальной является проблема уголовно-правовой охраны этих отношений от дискредитации деловой репутации юридических лиц. В обозначенной ситуации данная дискредитация представляет собой распространение ложных, неточных либо искаженных сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту, являющемуся юридическим лицом, либо нанести ущерб его деловой репутации. Имеющая место в УК РФ ст. 128.1 «Клевета» не способна в полной мере защитить возникающие в сфере предпринимательской деятельности общественные отношения, поскольку она введена в Главу 17 – «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», в связи с этим применяется лишь к физическим лицам. Составляющие большинство участников делового оборота юридические лица фактически оказались вне уголовно-правовой охраны. Таким образом, криминализация указанного вида недобросовестной конкуренции вполне обоснованна.

По нашему мнению, не менее актуальной является проблема уголовно-правовой охраны отношений конкуренции от введения в заблуждение потребителей, представляющего собой действия как хозяйствующего субъекта, так и группы лиц, направленных на формирование у участников рынка товаров, работ и услуг представлений, не соответствующих действительности. Несмотря на то что данные действия не оказывают прямого влияния на потребительский спрос, они порождают у участников рынка ожидания, которые в определенных ситуациях смогут отвлечь клиентов в отдельных его сегментах для направления их в сегмент, нужный недобросовестному участнику рынка. Указанное деяние по своей правовой природе не является мошенничеством, поскольку потерпевший в рассматриваемой ситуации – не покупатель, а добросовестный предприниматель, который, во-первых, в результате использования им честной информации, не содержащей ложные, но привлекательные сведения, лишается определенного количества потребителей; во-вторых, в результате обманных действий недобросовестных коммерсантов он лишается доверия потре-

бителей. В результате данного проявления недобросовестной конкуренции добросовестному предпринимателю может быть причинен серьезный материальный ущерб, который может привести его к банкротству с последующим уходом с рынка. Таким образом, как и в предыдущей ситуации, необходима криминализация обозначенного проявления недобросовестной конкуренции.

Представляется, что дальнейшее развитие экономики не исключает и иных проявлений недобросовестной конкуренции. Обозначенные проявления возможны с использованием и различных технических средств. Таким образом, криминализация указанных проявлений недобросовестной конкуренции также является необходимой.

Одновременно для решения проблемы совершенствования Главы 22 УК РФ необходима криминализация нелегальной выдачи всех видов кредитов, в том числе и микрозаймов – нелегальных, «черных» кредиторов. Указанная необходимость объясняется достаточно широкой распространенностью обозначенного деяния – в 2018 г. по самым примерным расчетам было выявлено приблизительно 2 300 таких нелегальных кредиторов, что на 70% больше, чем их было в 2017 г. [8]. По нашему мнению, данное увеличение количества случаев деятельности «черных» кредиторов не является окончательным. Таким образом, криминализация этого противоправного деяния правомерна.

Как направление совершенствования Главы 22 УК РФ, следует рассматривать и декриминализацию отдельных деяний, наказуемых составляющими указанную главу нормами. Это объясняется тем, что дальнейшее развитие отечественной экономики предусматривает и постепенное отмирание отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы. За все время действия УК РФ было декриминализировано лишь четыре деяния: ст. 173 – «Лжепредпринимательство»; ст. 182 – «Заведомо ложная реклама»; ст. 188 – «Контрабанда»; ст. 200 – «Обман потребителей». По нашему мнению, декриминализация лжепредпринимательства вполне обоснованна, поскольку уголовно-правовая норма, запрещающая его совершение, предусматривала ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. На это указывали и отмеченные в диспозиции ст. 173 конструктивные признаки обозначенного преступления. Таким образом, в рассматриваемой ситуации имело место решение «искусственно созданной задачи». На основании Федерального закона РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ ст. 173 УК РФ утратила силу.

Представляется обоснованной и имевшая место на основании Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ декриминализация деяний, запрещаемых ст. 182, 200 УК РФ, поскольку они являлись преступлениями небольшой тяжести. Об этом же отмечалось и практическими работниками в процессе проведенного нами их анкетирования [4. С. 116]. По мнению последних, для борьбы с указанными деяниями достаточно эффективны менее репрессивные виды юридической

ответственности, в частности административная ответственность.

Последний из рассматриваемых нами фактов декриминализации деяний имел место в 2011 г., в результате утратила силу ст. 188 УК РФ, устанавливавшая ответственность за совершение контрабанды. При этом уже через три года, в 2014 г., уголовная ответственность за совершение контрабанды фактически была восстановлена законодателем – ст. 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ. Таким образом, декриминализация ст. 188 фактически оказалась аннулированной.

Проанализировав нормы, составляющие Главу 22 Уголовного кодекса РФ, можно отметить, что большей частью из них запрещено совершение деяний, по своей правовой природе не являющихся посягательствами на общественные отношения именно в сфере экономической деятельности. Наряду со ст. 169 УК, к указанным нормам возможно отнести и ст. 170 – «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом». Запрещаемое этой нормой деяние, как и деяние, запрещаемое ст. 169, по своей правовой природе представляет собой разновидность должностных преступлений, наказуемых нормами Главы 30 УК РФ. То же следует отметить и о ст. 170.1, устанавливающей уголовную ответственность за «фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», поскольку обозначенное деяние также относится к должностным преступлениям [4. С. 44].

Также не является посягательством на рассматриваемые общественные отношения и запрещаемое ст. 180 УК РФ «незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». По своей правовой природе данное деяние представляет собой разновидность посягательств на порядок управления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими Главу 32 УК. К указанным посягательствам относится и «нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм», уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 181. Одновременно как посягательства на порядок управления следует рассматривать и различные злоупотребления на рынке ценных бумаг, запрещаемые ст. 185–185.4 УК. По нашему мнению, в рассматриваемой ситуации, как и в предыдущей, возможен перевод указанных уголовно-правовых запретов в Главы 30, 32 УК РФ, также представляющий собой одно из направлений совершенствования Главы 22 УК. Как направление совершенствования этой главы, следует рассматривать и перевод в Главу 32 норм, устанавливающих уголовную ответственность за «фальсификацию решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» (ст. 185.5 УК), «неправомерное использование инсайдерской информации» (ст. 185.6 УК), «изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (ст. 186 УК), «неправомерный оборот средств платежей» (ст. 187 УК). Представляется, что далее в другие главы

УК РФ будут переведены и иные составляющие Главу 22 нормы, устанавливающие ответственность за деяния, не являющиеся по своей правовой природе посягательствами на общественные отношения в сфере экономической деятельности. Нами ранее было сказано об этих нормах [4. С. 45–48].

Таким образом, несмотря на внесение законодателем в Главу 22 УК РФ рассмотренных поправок, указанная глава по-прежнему является несовершенной. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие в ней значительных законодательных пробелов, что существенно снижает эффективность действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере; во-вторых, наличие недостатков законодательной конструкции диспозиций ряда норм, составляющих эту главу, что также не способствует эффективной охране указанных общественных отношений. Поэтому в качестве одного из направлений совершенствования Главы 22 УК РФ следует рассматривать криминализацию новых форм проявления недобросовестной конкуренции. Одновременно развитие отечественной экономики предполагает и утрату общественной опасности отдельных деяний, запрещаемых нормами данной главы, с их последующей декриминализацией. Обозначенную декриминализацию следует рассматривать и как направление совершенствования Главы 22 УК. В качестве направлений совершенствования этой главы возможно рассматривать как частичную криминализацию, так и частичную декриминализацию отдельных деяний, запрещаемых составляющими ее нормами, с целью устранения недостатков законодательных конструкций данных норм. Частичная криминализация, как и частичная декриминализация возможны в случаях внесения законодательных поправок в нормы регулятивных отраслей права, поскольку большая часть охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности уголовно-правовых норм имеет бланкетные диспозиции.

Наряду с обозначенными, к направлениям совершенствования исследуемой главы УК следует отнести, по нашему мнению, и перевод некоторых норм в иные главы УК РФ, поскольку, как показывает анализ указанных норм, большинством из них установлена ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на рассматриваемые общественные отношения. В результате обозначенного перевода окажется возможным правильно определить круг преступлений, объект которых – общественные отношения, возникающие именно в сфере экономической деятельности. Следует отметить, что в Главе 22 УК РФ имеется незначительное количество норм, задача которых – охрана данных общественных отношений. В действующей ее редакции этой задаче подчинены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за «незаконное предпринимательство» (ст. 171 УК), «незаконные организацию и проведение азартных игр» (ст. 171.2 УК), «незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (ст. 171.3

УК), «незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» (ст. 171.4 УК), «незаконную банковскую деятельность» (ст. 172 УК), «фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации» (ст. 172.1 УК), «организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» (ст. 172.2 УК), «невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» (ст. 172.3 УК), «ограничение конкуренции» (ст. 178 УК), «незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (ст. 183 УК), «неправомерные действия при банкротстве» (ст. 195 УК), «преднамеренное банкротство» (ст. 196 УК), «фиктивное банкротство» (ст. 197 УК). По своей правовой природе указанные деяния представляют собой различные проявления недобросовестной конкуренции между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Следуя данной логике, правильным решением законодателя будет дать Главе 22 УК РФ название «Преступления в сфере предпринимательской деятельности». В результате станет возможным наиболее оптимально установить круг деяний, относящихся к преступлениям данной группы.

По нашему мнению, правомерным является вопрос, насколько необходима именно в рассматриваемой Главе введенная законодателем новелла, предусматривающая уголовную ответственность за подкуп арбитра, третейского судьи (ст. 200.7 УК). По своей правовой природе данное деяние является разновидностью подкупов, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами Глав 23, 30 УК РФ. Исходя из названия указанной новеллы, субъект запрещаемого ею деяния не является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Таким образом, с целью совершенствования Главы 22 УК РФ необходим перевод ст. 200.7 в иную главу. На наш взгляд, то же касается и места ст. 184 УК именно в Главе 22. Уже отмечалось об ошибке законодателя, заключающейся в отнесении запрещаемого этой нормой деяния к преступлениям рассматриваемой группы [4. С. 45]. Представляется, что для совершенствования обозначенной главы также необходимо перевести из нее в другую главу УК РФ и ст. 184.

Следует отметить, что рассмотренные ранее направления совершенствования Главы 22 УК РФ, представляющие собой «переводы» норм, устанавливающих ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не являются преступлениями, посягающими на общественные отношения в исследуемой сфере, в другие главы, далеко не исчерпывающие. На наш взгляд, указанному переводу должны подвергнуться не только обозначенные ранее, но и иные нормы, составляющие Главу 22.

Таким образом, основным направлением совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, следует рассматривать перевод

из Главы 22 УК РФ в иные его главы норм, запрещающих деяния, которые по своей правовой природе не представляют собой посягательства на общественные отношения в данной сфере. Одновременно с целью устранения законодательных пробелов не исключается и криминализация

новых форм проявления недобросовестной конкуренции. Также с целью сокращения уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу возможна и декриминализация отдельных деяний, запрещаемых нормами, составляющими Главу 22 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54–56.
2. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27–29.
3. Аристархов А.Л., Зяблина М.В. Актуальные проблемы выявления и расследования фактов воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 58–60.
4. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
5. Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля // Законность. 2020. № 5. С. 45–49.
6. Ляскало А.Н. Экономическая тайна: уголовно-правовая характеристика // Законодательство. 2020. № 1. С. 40–46.
7. Корчагин Е.В. Определение места совершения преступления, предусмотренного ст. 194 УК // Законность. 2020. № 5. С. 52–54.
8. Маркелов Р. Заём на долгий срок // Российская газета. 2019. 29 ноября. С. 2–5.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

On Improving the Criminal Legislation of Russia Protecting Public Relations in Economic Activities

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 24–31. DOI: 10.17223/23088451/18/5

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

Keywords: criminal legislation of Russia, public relations in the field of economic activity.

The article analyses the changes in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of RF Federal Laws No. 500-FZ of December 27, 2019, No. 73-FZ of April 1, 2020, and No. 352-FZ of October 27, 2020. As it has been established, these changes are not enough to improve Chapter 22, since they affect only an insignificant part of its norms. The changes under discussion have expanded the scope of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, since the new version provides for liability for not only illegal traffic in precious metals, natural precious stones or pearls, but also for illegal traffic in amber, jade or other semiprecious stones. In addition, its Part 1 now contains an administrative prejudice. Similar to Part 1 of Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, the above changes have resulted in administrative prejudice in Part 1 of Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation. Its new edition provides for wider evaluative features, such as “on a massive scale” and “in especially big amount”. As a result, its scope has narrowed, which can be considered as the liberalization of criminal legislation that protects public relations in economic activity. The legislator has precisely determined the “massive” and “especially big” amounts in relation to Articles 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented by Article 200.7, which provides for liability for bribery of an arbitrator, which indicates the “expanded” criminal law intervention in economic activity. The purpose of this “expansion” is to eliminate the legislative gap in the Chapter under discussion. Despite the changes, the problem of improving the Chapter has not been resolved, as it can be seen from the shortcomings of the legislative structures of Articles 169, 178, 183, 189, 190, 194 of the Criminal Code of the Russian Federation. The comparative analysis of the other norms that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown that most of these norms provide for criminal liability for acts that, by their legal nature, do not constitute an encroachment on public relations in economic activity. Thus, in order to improve the criminal legislation protecting these social relations, the norms prohibiting the commission of acts that are not encroachments on these relations should be “transferred” from Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation to its other Chapters. As a result, it has become possible to establish correctly the range of crimes against social relations in economic activity. They include crimes prohibited by Articles 171, 171.2, 171.3, 171.4, 172, 172.1, 172.2, 172.3, 178, 183, 195, 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation. By their legal nature, these acts are various manifestations of unfair competition. Therefore, the considered improvement should include the criminalization of new forms of its manifestation, such as discrediting the business reputation of legal entities, misleading consumers, and illegal issuance of all types of loans. The decriminalization of certain acts prohibited by the norms that constitute Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation can be considered as a way to improve the criminal legislation protecting public relations in economic activity.

References

1. Lyubyy, I.A. (2019) On the issue of responsibility for abuses in the field of state and municipal procurement. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 54–56. (In Russian).
2. Lyubyy, I.A. (2020) Problematic issues of the subjective content of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 27–29. (In Russian).
3. Aristarkhov, A.L. & Zyablina, M.V. (2020) Topical problems of detection and investigation of the facts of obstruction of lawful business or other activity. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 58–60. (In Russian).
4. Lozinsky, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative techniques in the field of combating economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yani, P.S. (2020) Problemy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii kartelya [Problems of the criminal legal qualifications of the cartel]. *Zakonnost'*. 5. pp. 45–49.

6. Lyaskalo, A.N. (2020) Ekonomicheskaya tayna: ugovno-pravovaya kharakteristika [Economic secret: criminal law characteristics]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 40–46.
7. Korchagin, E.V. (2020) Opredelenie mesta soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo St.194 UK [Determination of the crime site under Article 194 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 5. pp. 52–54.
8. Markelov, R. (2019) Zaem na dolgiy srok [The long-term loan]. *Rossiyskaya gazeta*. 29 November. pp. 2–5.

Received: 10 September 2021

УДК 343.027.21

DOI: 10.17223/23088451/18/6

В.Д. Филимонов**ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА
И МЕТОДОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ**

Рассматриваются методология уголовно-правового регулирования и методология науки уголовного права, направленная на изучение и внедрение его предписаний в законотворческую и правоприменительную деятельность. Определяются уровни формирования и реализации методологии уголовного права. Обосновывается определяющая роль в методологии уголовного права философских законов и категорий, роль эвристических алгоритмов и деятельности, осуществляемой на неалгоритмической основе, в методологии формирования норм уголовного права и практики их применения. Определяются понятия методологии науки уголовного права и методологии уголовного права как правовой отрасли.

Ключевые слова: *наука, методология, отрасль права, уголовное право, уголовно-правовое регулирование*

Приступая к изучению методологии науки уголовного права, следует обратить внимание прежде всего на необходимость выделения двух направлений ее исследования и использования в практической деятельности.

Существует методология, лежащая в основе самого процесса регулирования общественных отношений, уже осуществляемого уголовным правом, или, иначе говоря, лежащая в основе правового механизма регулирования общественных отношений, связанных с совершением преступлений и применением уголовной ответственности. Одновременно существует и методология самой науки, изучающей правовые нормы, составляющие содержание этой отрасли права, и механизм осуществляемого ею правового регулирования. Методология науки необходима для того, чтобы на основе изучения преступности разрабатывать и выявлять наиболее эффективные правовые способы предупреждения преступлений.

При изучении методологии механизма уголовно-правового регулирования необходимо иметь в виду, что основными его составными частями являются: во-первых, содержащийся в юридических нормах запрет, соединенный с угрозой наказания за совершение конкретных общественно опасных деяний, и, во-вторых, преобразование обязанности лиц воздерживаться от совершения преступных деяний в их обязанность подвергнуться реальному наказанию – в случае нарушения этой обязанности.

Предусмотренное правовыми нормами в случае совершения преступления преобразование функций уголовного права реализует не только замену в каждом конкретном случае одной функции уголовного права другой его функцией, но и заключенную в ней методологию уголовно-правового регулирования. Она выражается во внедренной в требования механизма уголовно-правового регулирования совокупности таких методов и способов воздействия на поведение субъектов соответствующих общественных отношений, которые способны сформировать необходимую его социальную направленность.

Чем отличается методология механизма уголовно-правового регулирования от методологии науки уголовного права?

Методология механизма уголовно-правового регулирования – это совокупность воплощенных в правовых нормах методов и способов реального воздействия их требований на сознание участников общественных отношений, а методология науки уголовного права – это совокупность методов и способов изучения способности заключенного в правовых нормах механизма регулирования общественных отношений выполнять стоящие перед ним задачи. Изучение этой способности предполагает выявление и обоснованности тех уголовно-правовых методов и способов регулирования общественных отношений, которые составляют содержание методологии уголовного права как правовой отрасли и которые заключены в требованиях образующих ее правовых норм.

Методология науки уголовного права, таким образом, направлена на исследование не только самого механизма уголовно-правового регулирования. Специфика этого вида методологии состоит в том, что предметом ее исследования, наряду с указанным механизмом, является еще и заключенная в механизме определенная методология его функционирования.

Имеется еще одно существенное отличие методологии механизма уголовно-правового регулирования от методологии науки уголовного права. В методологии механизма уголовно-правового регулирования воплощена такая закономерность развития правового регулирования, которая носит объективный характер. Ее содержание определяется не законодателем, оно обусловливается самой предназначенностью уголовно-правового регулирования – ее направленностью на предупреждение преступности. Иных методов и способов противостояния преступному поведению, чем те, которые внедрены в существующий механизм уголовно-правового регулирования, представить практически невозможно.

Для того чтобы быть способным предупреждать совершение преступлений, уголовно-правовое регулирование поведения людей должно сначала угрожать им наказанием за совершение преступных деяний, определяя преступное поведение на основе его типичных при-

знаков, а в случаях невыполнения требований правовых норм применять к ним наказание с учетом конкретных обстоятельств совершения преступлений.

Роль законодателя в этих условиях состоит лишь в выявлении объективных закономерностей механизма уголовно-правового регулирования и в воплощении этих закономерностей в содержании норм и институтов уголовного права. Перед ним не стоит задача придумать механизм эффективного регулирования поведения людей. Перед законодателем стоит задача открыть этот механизм подобно тому, как многие другие отрасли знания не создают, а открывают объективно существующие закономерности развития природы и общества.

Поэтому методология как учение о методах и способах познания и преобразования действительности предъявляет определенные требования прежде всего именно к той совокупности методов и способов воздействия на поведение людей, которая внедрена в закрепленный в законодательстве механизм уголовно-правового регулирования. Но при выявлении и решении уголовно-правовых проблем она определяет содержание и двух видов человеческой деятельности: во-первых, законотворческой деятельности в области уголовного права и, во-вторых, правоприменительной деятельности суда по возложению и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Средства правового регулирования общественных отношений, используемые в процессе осуществления той и другой деятельности, во многих случаях совпадают. Они могут быть простыми и сложными. Соответственно, и методы познания и преобразования действительности могут подвергаться такой же классификации.

Методы – как воплощенные в различных средствах правового регулирования, так и используемые в законотворческой и правоприменительной деятельности – могут объединять в своем содержании частные средства регулирования поведения людей и деятельности государственных органов. Наиболее сложными методологическими методами являются механизмы выявления свойств уже существующих и созидания новых объектов объективной действительности. Их отличительная особенность состоит в том, что они в процессе своей реализации осуществляют функцию преобразования познавательной или созидательной деятельности.

Разработка уголовного законодательства по своей методологии принципиально не отличается от методологии правотворческой деятельности в других отраслях права. Ее особенность определяет предмет правового регулирования и необходимость учитывать при определении содержания правовых норм те диалектические закономерности развития регулируемых ими общественных отношений, а также требования философской теории познания, которые имеют прямое отношение к анализу и конструированию именно уголовно-правовых образований.

Своей спецификой обладает методология и правоприменительной деятельности. Если в процессе законотворчества методологический подход проявляется преимущественно в виде определения оснований и критериев учета тех явлений, которые необходимы для

установления методов и способов регулирования поведения участников общественных отношений, то методология правоприменительной деятельности проявляет свое существование в реальном использовании судом определенных предусмотренных законом методов и способов уголовно-правового регулирования самой практической деятельности.

Можно выделить следующие уровни формирования и реализации методологии науки и самого уголовного права.

Прежде всего – криминологический уровень. Объясняется это тем, что существование уголовного права и соответствующей ему методологии обусловлено необходимостью разрешения тех социальных противоречий, которые порождают преступность.

Наука, именуемая криминологией, предметом своего исследования имеет причины преступности, условия, способствующие совершению преступлений, и меры предупреждения преступного поведения. Уголовное право является одним из важнейших средств, предназначенных для предупреждения преступности, поэтому оно при определении методов и способов уголовно-правового регулирования поведения субъектов общественных отношений не может не учитывать причины преступности, особенности преступного поведения лиц и обстоятельства, при которых совершаются преступления. Криминологические особенности общественно опасных деяний и различных по содержанию мер карательно-воспитательного воздействия на осужденных лежат в основе определения признаков составов преступлений и различных видов уголовного наказания. Определенный порядок преобразовательной деятельности суда в процессе назначения наказания (механизм назначения наказания) может рассматриваться в качестве способа определения вида и размера соответствующего вида мер государственного принуждения. Уголовно-правовая методология – это методология разрешения противоречий, порождающих преступное поведение, и противоречий, возникающих при определении уголовно-правовых мер предупреждения преступлений.

Наряду с криминологическим уровнем в методологии уголовного права следует выделить общенаучный и философский уровни формирования и реализации его предписаний, а также уголовно-правовую методологию исследования и конструирования правовых образований, создаваемых в процессе законотворческой деятельности и правоприменительной деятельности суда.

Уголовно-правовой механизм регулирования общественных отношений как развивающееся явление воплощает в своих преобразованиях законы и категории диалектики, а также общенаучные методы и способы исследования и конструирования правовых образований. Необходимые для борьбы с преступностью законотворческая и правоприменительная виды деятельности государственных органов осуществляются в соответствии с общенаучными и философскими закономерностями. Так, в частности, на основе использования диалектических категорий целого и части при определении признаков составов преступлений, составлений перечней смяг-

чающих и отягчающих обстоятельств и их учета при назначении наказания применяются в процессе законотворческой деятельности дедуктивные и индуктивные методы отбора и учета общих и индивидуальных особенностей общественно опасных деяний.

Реализацию дедуктивных и индуктивных общенаучных методов исследования и преобразовательной деятельности государственных органов можно обнаружить в результатах законотворческой деятельности, в процессе которой путем обобщения конкретных признаков преступных деяний формируются типичные признаки составов преступлений, а индивидуализация наказания в процессе правоприменительной деятельности приводит к конкретизации регулирующих ее правовых предписаний.

Учет диалектических законов и категорий, определяющих содержание законотворческой и практической деятельности суда, можно обнаружить при изучении каждого конкретного уголовного дела. Например, при рассмотрении обычного дела о групповой драке (со смертельным исходом), требующего выявления причинной связи между действиями отдельных ее участников и гибелью человека. Методологическую функцию этой диалектической категории можно обнаружить как в самом механизме уголовно-правового регулирования, так и в упомянутых ранее процессах законотворческой и правоприменительной деятельности.

С позиции методологии механизма уголовно-правового регулирования причинная связь как признак состава преступления выступает в этом случае в роли составной части одного из его звеньев. С точки зрения законодателя, включение причинной связи в число признаков состава преступления представляет собой один из результатов использования методов законотворческой деятельности, необходимой для правового предупреждения убийств и других видов преступного поведения. С позиции деятельности суда, устанавливающего наличие или отсутствие причинной связи поведения каждого участника драки со смертельным ее исходом, – это способ выявления лица, виновного в совершении убийства.

В чем состоит смысл выделения различных уровней методологии уголовного права? Его основное предназначение состоит в том, чтобы определить особенности их функциональных свойств.

Криминологический уровень уголовно-правовой методологии имеет своей целью выявление материального и социального содержания тех явлений объективной действительности, которые заключают в себе противоречия, порождающие преступность. Эти противоречия позволяют также определить криминологические методы и способы их разрешения и реализовать направленность выработанных методов и способов на предупреждение преступлений.

Уголовно-правовой уровень методологии имеет своей целью – путем установления соответствующих тому или иному уровню структуры и динамики преступности, а также определенных прав и обязанностей некоторых категорий участников общественных отношений и определенного порядка их осуществления –

определить прежде всего юридический механизм регулирования их поведения. Такой механизм, который воплощает в своих составных частях правовые методы и способы разрешения противоречий в системе нравственно-психологических свойств человека и направлен на оказание исправительного и иного предупредительного воздействия на сознание лиц, способных совершить или уже совершивших общественно опасные деяния. Другой своей целью уровень уголовно-правовой методологии имеет выявление и использование в законодательной и правоприменительной деятельности таких методов и способов познания и преобразования регулируемых уголовным правом общественных отношений, которые способны раскрыть содержание механизма уголовно-правового регулирования и реализовать его требования в практике соответствующих государственных органов.

Определяющую роль в формировании методологии уголовного права играют философские методы ее реализации.

Поскольку уголовное право и заключенная в нем методология уголовно-правового регулирования общественных отношений направлены на преодоление социальных противоречий, постольку входящие в нее методы и способы познания и преобразования действительности могут решить стоящие перед ними задачи лишь при условии выполнения требований философского закона диалектической противоречивости. При выполнении его требований они не могут не учитывать их роли в процессе реализации и другого философского закона – закона диалектического синтеза.

Методы и способы разрешения криминологических противоречий должны соответствовать свойствам отрицающих друг друга явлений. Они должны учитывать, в частности, что общественная опасность преступлений должна определяться их отрицанием утвердившейся в государстве системы общественных отношений, а меры наказания, применяемые к лицам, совершившим преступления, должны рассматриваться как меры государственного принуждения, отрицающие преступное поведение. Для того чтобы эти меры могли выполнить свои криминологическую и уголовно-правовую функции, они должны конструироваться законом и судом таким образом, чтобы обрести соответствующую этим задачам качественную определенность, а следовательно, реализовать в процессе своего созидания требования диалектического закона перехода количества в качество.

Уголовно-правовые методы и способы регулирования общественных отношений, предусмотренные в законе и используемые в практической деятельности суда, формируются также на основе диалектических категорий причины и следствия, необходимости и случайности, сущности и явления, возможности и действительности и целого ряда других.

Свой вклад в методологию уголовного права вносит и синергетика, особенно в формирование методов и способов исследования и преобразования носящей эволюционный характер правоприменительной деятельно-

сти суда. Но если диалектические законы и категории определяют главным образом социальное и юридическое содержание ее методов и способов, то синергетические закономерности обуславливают развитие того мыслительного процесса, который лежит в основе правоприменительной деятельности суда и участвует в формировании избираемых судом методов и способов ее осуществления.

Синергетическая самоорганизация явлений в системе общественных отношений отличается от самоорганизации природных явлений участием в ней сознательной деятельности людей. Как отметил Г.И. Рузавин, «...фундаментальное различие природных и общественных систем заключается в том, что самоорганизация последних дополняется *сознательной организацией*. Поскольку в обществе действуют люди, одаренные волей и сознанием, преследующие те или иные интересы и ставящие себе определенные цели, они могут влиять на стихийные процессы, совершающиеся в обществе, корректировать и предупреждать их негативные последствия» [1. С. 302].

Эта особенность синергетической самоорганизации общественных отношений проявляется в правоприменительной деятельности суда. В частности, в осуществляемых им методах и способах выявления и синтеза криминологических признаков преступлений, криминологических и аксиологических свойств личности преступников, виновных в их совершении, и преобразования их в основания назначения им уголовного наказания. Методы и способы осуществления этой деятельности вырабатываются в сознании судей в результате характерного для эволюционного процесса накопления знаний о свойствах преступлений и личности тех, кто их совершил. На основе этих знаний под воздействием требований, исходящих от норм уголовного права, в сознании судей формируются диссипативные структуры, точки бифуркации, и появляются связанные с ними различные варианты дальнейшей деятельности суда.

В ряду общенаучных методов и способов, составляющих содержание методологии уголовного права, наряду с философскими категориями, которые в известном смысле также могут рассматриваться в качестве общенаучных средств познания и преобразования действительности, часто используются дедукция и индукция. Они реализуют в необходимых случаях переход в исследовательской деятельности от рассмотрения общих признаков явлений к их конкретному содержанию и осуществление деятельности в противоположном направлении. Нередко используются также такие методы и способы исследовательской работы, как мысленные эксперименты, создание гипотез возможного развития и преобразования явлений и моделирование различных выявляемых и создаваемых конструкций.

Составляющие методологию науки уголовного права *методы и способы регулирования общественных отношений на всех уровнях ее реализации содержат в себе алгоритмы решения возникающих перед ними задач*.

Теория уголовного права не относится к числу так называемых точных наук. Нормы уголовного права не

в состоянии регулировать поведение людей с учетом всех конкретных обстоятельств совершения преступлений. В своих предписаниях они опираются на типичные признаки преступного поведения. Поэтому заключенные в нормах уголовного права методы и способы разрешения противоречий выражены, как правило, в таких алгоритмах, которые в работах по философии именуются «эвристическими алгоритмами».

В Википедии эвристический алгоритм определяется как «алгоритм решения задачи, правильность которого для всех возможных случаев не доказана, но про который известно, что он дает достаточно хорошее решение в большинстве случаев» [2].

Такой вид алгоритма используется, в частности, в нормах уголовного права, регулирующих назначение наказания. Например, в норме, закрепленной в ст. 67 УК РФ, которая предписывает суду при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитывать «характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда».

Специфика методологии уголовного права не исчерпывается структурными особенностями алгоритмов, воплощенных в методах и способах исследования и созидания уголовно-правовых конструкций. Неотъемлемой частью ее содержания являются такие виды мыслительной деятельности человека, которые осуществляются и на неалгоритмической основе. В процессе правоприменительной деятельности суду постоянно приходится прибегать к дедуктивно-логическим и индуктивно-логическим способам смыслового перехода (от рассмотрения одних и тех же явлений, их обобщенных представлений – к конкретному выражению и от конкретного выражения – к выделению их общих признаков), что, в свою очередь, предполагает их интеграцию и дифференциацию.

Без этих способов мыслительной деятельности, осуществляемой за пределами использования заранее разработанных алгоритмов, трудно представить преобразовательную деятельность суда. Суд при назначении наказания не может обойтись без выявления криминологических свойств личности преступника (с учетом юридической квалификации преступного деяния), без их синтеза и дальнейшего использования в качестве основания определения вида и размера назначаемой им меры государственного принуждения.

Эта деятельность связана с той отраслью знаний, которая именуется «герменевтикой» и которая в представлениях современных философов не ограничивается исследованием понимания различных текстов, в том числе текстов законов.

Как пишет философ П.В. Алексеев, «понимание связано с раскрытием уникальности событий и учетом специфики человеческой деятельности» и добавляет: «Для философов такой способ познания не ограничен литературными текстами, взятыми из истории философии, – он охватывает все, во что вложены человеческие действия,

мысль и чувства, жизненный опыт самого философа и других людей, осмысливаемый философом, тоже осваивается посредством герменевтики» [3. С. 99]. Подобная трактовка понимания имеет значение как для исследовательской деятельности в области теории уголовного права, так и для правоприменительной деятельности суда. Она предполагает существенную роль в осуществлении этих видов деятельности и творческого начала.

В итоге рассмотрения содержания и взаимосвязи структурных элементов методологии уголовного права мы приходим к следующему ее определению. *Методология науки уголовного права представляет собой совокупность таких методов и способов исследования и преобразования объективной действительности, которые на алгоритмической основе, а в необходимых случаях и на неалгоритмической основе способны обеспечить разрешение порождающих преступность социальных противоречий с использованием достигнутого уровня знаний и учетом общенаучных, философских, криминологических и уголовно-правовых закономерностей развития изучаемых явлений.*

Методологию науки уголовного права можно представить в двух ипостасях: как совокупность связанных друг с другом различных методов, способов и других

средств познания и формирования уголовно-правовых образований и как предмет изучения теории уголовного права. В этом последнем случае уголовное право предстает в виде социального инструмента, воплощающего в своем содержании обусловленный результатами научных исследований правовой механизм регулирования определенной группы общественных отношений. Поэтому методологию науки уголовного права не следует полностью отождествлять с методологией уголовного права.

Понятие методологии уголовного права является более объемным. Если методология науки направлена на выявление средств и способов изучения и созидания уголовно-правовых образований, то методология уголовного права как отрасли права включает в свое содержание еще те средства и способы воздействия на поведение субъектов общественных отношений, которые уже нашли юридическое воплощение в закреплённом в законодательстве механизме уголовно-правового регулирования. Необходимо считаться с тем, что уголовное право с теоретической точки зрения – это не только объект познания и формирования, но и действующий инструмент в системе общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философия* / под ред. проф. О.А. Митрошенкова. М. : Гардарики, 2004. 655 с.
2. *Википедия*. Эвристический алгоритм. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.11.2021).
3. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. 4-е изд. М. : Проспект, 2007. 588 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Methodology of the Science of Criminal Law and Methodology of Criminal Law as a Branch

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 32–36. DOI: 10.17223/23088451/18/6

Vadim D. Filimonov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

Keywords: science, methodology, branch of law, criminal law, criminal law regulation.

The methodology of criminal law science is a combination of such methods of research and transformation of objective reality, which, on an algorithmic and, if necessary, on a non-algorithmic basis, are able to ensure the resolution of social contradictions that give rise to crime using the achieved level of knowledge and taking into account general scientific, philosophical, criminological and criminal law patterns of development of the studied phenomena. The methodology of criminal law science can be presented in two forms: as a set of various methods and other means of cognition and formation of criminal law formations connected with each other, and as a subject of studying the theory of criminal law. In the latter case, criminal law appears as a social instrument that embodies the legal mechanism for regulating a certain group of social relations, conditioned by the results of scientific research. Therefore, the methodology of criminal law science should not be completely identified with the methodology of criminal law, which is more voluminous. If the methodology of science is aimed at identifying the means and methods of studying and creating criminal law formations, then the methodology of criminal law as a branch of law includes those means and methods of influencing the behavior of subjects of public relations that have already found legal embodiment in the mechanism of criminal law regulation in the legislation. It is necessary to reckon with the fact theoretically, criminal law is not only an object of knowledge and formation, but also an operating tool in the system of social relations.

References

1. Mitroshenkov, O.A. (2004) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Gardariki.
2. Wikipedia. (n.d.) *Evristicheskiy algoritm* [Heuristic algorithm]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed: 6th November 2021).
3. Alekseev, P.V. & Panin, A.V. (2007) *Filosofiya* [Philosophy]. 4th ed. Moscow: Prospekt.

Received: 10 September 2021

А.В. Шеслер, В.А. Шеслер

ОБЪЕКТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ХИЩЕНИЙ

Рассматривается объект специальных видов хищений (ст. 164, 221, 226, 229 УК РФ). Обращается внимание на отличие объекта специальных видов хищений от объекта хищений, предусмотренных ст. 158–162 УК РФ. Указывается, что специальные хищения могут и не посягать на имущественные отношения либо такое посягательство незначительно выражено. На основании этого делается вывод, что имущественные отношения не являются обязательным объектом специальных хищений.

Ключевые слова: объект, хищение, специальный вид

В науке уголовного права существуют различные подходы к пониманию объекта преступления. Высказываются точки зрения о том, что объектом преступления является человек [1. С. 60–64], охраняемым правом – интересы или блага [2. С. 147–149], материальное выражение соответствующих общественных отношений, имущество в смысле совокупности вещей [3. С. 46; 4. С. 17] и др.

Недостаток названных подходов заключается в том, что благо, интерес, человек или имущество не могут существовать сами по себе, вне общественных отношений [5. С. 72]. Посягательство на них происходит прежде всего через социальное взаимодействие, в которое вступает лицо с другими людьми, должностными или юридическими лицами, иными субъектами [6. С. 21]. Поэтому если рассматривать в качестве объекта преступления благо, интерес, человека или имущество, то понять социальную сущность преступления невозможно. В частности, если считать объектом преступления психотропное вещество, то невозможно уяснить, какой вред причиняется похищенному веществу, которое очищается, разделяется на дозы, удобные для потребления [7. С. 52]. Неясным остается и вопрос, какой вред причиняется похищенному оружию, которое впоследствии приводится в рабочее состояние, усовершенствуется, бережно хранится. Более того, можно говорить и о том, что как при хищении оружия, так и при хищении психотропных веществ, находящихся в незаконном обороте, их фактическому владельцу вообще никакой вред не причиняется. В некотором смысле такой владелец остается даже в более выгодном положении, так как освобождается от опасных свойств этих предметов, последствий их незаконного владения или использования. Например, лицо, у которого похитят оружие, не сможет совершить убийство с его помощью. Лицо, у которого похитят наркотики, не сможет их употребить, тем самым сохранит свое здоровье, и т.д. Исходя из приведенных аргументов, авторы придерживаются традиционного понимания объекта преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений, причем от наиболее существенного причинения им вреда [8. С. 106–107; 9. С. 82–83; 10. С. 153].

В литературе классификация объектов преступлений как общественных отношений осуществляется по

различным основаниям. В первую очередь объекты преступлений различаются по степени обобщенности общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Исходя из этого, выделяют общий, родовый, видовой и непосредственный объекты преступления. В качестве общего объекта преступления выступают все отношения, охраняемые уголовным законом. Родовым объектом преступления признаются однородные группы отношений, взятые под охрану. Видовой объект конкретизирует группу однородных отношений. Непосредственный объект указывает на определенные отношения, для охраны которых создана конкретная норма закона [11. С. 40–44].

Ответственность за деяния, предусмотренные ст. 158–162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), установлена в целях уголовно-правовой охраны имущественных отношений, которые выступают непосредственным объектом этих преступлений. В тех случаях, когда такие преступления сопряжены с посягательством не только на имущественные, но и на иные отношения, они содержат дополнительный объект, оценка посягательства на который, как правило, осуществляется через квалифицирующие признаки конкретного состава преступления. Например, в качестве дополнительного объекта кражи, сопряженной с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), выступают отношения, обеспечивающие установленную в ст. 25 Конституции Российской Федерации гарантию неприкосновенности жилища проживающих в нем лиц. Дополнительным объектом грабежа, связанного с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), выступают отношения, обеспечивающие телесную или психическую неприкосновенность личности. Дополнительным объектом присвоения чужого имущества (ст. 160 УК РФ) – нормальная деятельность организации, и т.д.

Дополнительный объект в имущественных хищениях преимущественно связан с каким-либо способом посягательства или особыми свойствами субъекта хищения. Однако дополнительный объект хищений может быть не связан с такими обстоятельствами. На дополнительный объект хищения могут влиять и особенности его предмета. Если предмет хищения составляет не просто имущество, а имущество, обладающее осо-

быми свойствами, то его объектом выступают различные общественные отношения. Причем имущественные отношения могут трансформироваться из основного объекта хищения в дополнительный, если предмет хищения обладает особыми свойствами. Более того, не всякая вещь выступает объектом гражданских прав, в связи с чем в результате ее противоправного изъятия из чужого владения имущественные отношения могут и не нарушаться.

Поэтому особые свойства отдельных предметов (исторически ценных документов, оружия, ядерных материалов, наркотических средств и др.) побудили законодателя предусмотреть уголовную ответственность за их хищения в отдельных нормах УК РФ (ст. 164, 221, 226, 229). Такие хищения в литературе принято именовать специальными, по отношению к хищениям, предусмотренным ст. 158–162 УК РФ [12].

Так, за хищение предметов, имеющих особую ценность, предусмотрена ответственность в ст. 164 УК РФ. Расположение ст. 164 УК РФ в главе 21 УК РФ (преступления против собственности) позволяет делать вывод о том, что непосредственным объектом этого хищения выступают имущественные отношения, а то, что к предмету этого преступления отнесены предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, дает основания утверждать, что его непосредственным объектом выступают не только имущественные отношения, но и отношения, обеспечивающие сохранность исторического, научного, художественного и культурного наследия [13. С. 19]. Это означает, что в хищении, предусмотренном ст. 164 УК РФ, два объекта – имущественные отношения и иные отношения, обеспечивающие сохранность определенного наследия. При этом говорить о том, какой из этих непосредственных объектов является основным, а какой дополнительным, весьма затруднительно, так как в практике применения уголовного закона встречаются решения, в которых имущественный вред весьма выражен, и решения, в которых этот вред незначителен или не выражен вообще.

Например, Советским районным судом г. Уфы Республики Башкортостан К. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ в связи с тем, что отколол от памятника «Вечный огонь» фрагмент в виде звезды и впоследствии сдал в пункт приемки металла за 90 руб. [14] Отсутствие в данном примере особых свойств у предмета хищения позволило бы квалифицировать действия виновного как административное правонарушение по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ (в случае тайного изъятия) либо вести речь о малозначительности деяния (при открытом изъятии).

Напротив, в другом судебном решении имущественный ущерб при хищении предметов, имеющих особую ценность, получил безусловное выражение. Кировским районным судом г. Саратова П. осужден по ч. 1 ст. 164 УК РФ в связи с тем, что похитил коллекцию метрических книг церквей Саратовской губернии на сумму 1 234 121 350 руб. [15]

Явная выраженность имущественного ущерба в результате хищения предметов, имеющих особую ценность в одних случаях, и недостаточная или незначительная выраженность в других послужили почвой для дискуссии о вынесении нормы о хищении культурных ценностей из числа имущественных преступлений, расположенных в главе 21 УК РФ [16]. Но если этого не произошло, с целью адекватной характеристики объекта рассматриваемого хищения следует утвердить, что у этого преступления – два основных непосредственных объекта: имущественные отношения и отношения, обеспечивающие охрану культурных, исторических, духовных и иных ценностей.

Необходимо обратить внимание на то, что в ст. 164 УК РФ законодатель не отягчает наказание за рассматриваемое хищение при его сопряженности с посягательством на дополнительный объект. Это означает, что корректная уголовно-правовая оценка хищений предметов, имеющих особую ценность, сопряженных с посягательством на охраняемые законом отношения, не указанные в ст. 164 УК РФ, должна осуществляться по совокупности преступлений. Например, при хищении ценных предметов с незаконным проникновением в жилище – по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 164 и ст. 139 УК РФ. При хищении ценных предметов с применением насилия или угрозой ее применения – по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, и преступлений, предусмотренных ст. 119, 115, 112, 111, 105 УК РФ, исходя из характера примененного насилия или угрозы его применения, и наступивших последствий.

Следующие специальные виды хищений имеют отличную конструкцию от хищений, предусмотренных ст. 158–162 УК РФ, и отличную от хищения, указанного в ст. 164 УК РФ. Хищения, предусмотренные ст. 221, 226, 229 УК РФ, имеют много общих признаков, таких как схожесть законодательной конструкции, квалифицирующих признаков, отсутствие дифференциации ответственности исходя из способа (формы) хищения. Однако они имеют и отличия, одним из которых, и самым основным, выступает то, на какие общественные отношения они посягают. Именно особенностью непосредственного объекта этих хищений послужили основой для вынесения их за пределы главы 21 УК РФ.

Статьи 221 и 226 УК РФ расположены в главе 24 УК РФ (преступления против общественной безопасности). Это объясняется тем, что и хищение ядерных материалов, и хищение оружия посягают на общественную безопасность. Вместе с тем посягают эти преступления на общественную безопасность по-разному, характер посягательства определяют особенности их предмета.

Вред или ущерб, который может быть нанесен человеку и окружающей среде в результате хищения ядерных материалов или радиоактивных веществ, является существенным и часто необратимым. Это связано прежде всего с тем, что они имеют свойство радиоактивности [17. С. 10]. Не случайно оборот ядерных материалов имеет довольно жесткую правовую регла-

ментацию. Места хранения этих предметов оборудуются системами наблюдения и устройствами индикации вмешательства [18]. Выход данных предметов из законного контроля, в том числе в результате их хищения, представляет угрозу общественной безопасности, так как может повлечь необратимые и непредсказуемые последствия. Поэтому основным объектом хищения, предусмотренным ст. 221 УК РФ, выступают отношения, обеспечивающие общественную безопасность от радиоактивного воздействия ядерных материалов и радиоактивных веществ.

Факультативным объектом этого хищения могут выступать различные общественные отношения. При его сопряженности с насилием – отношения, обеспечивающие жизнь или здоровье человека. При хищении ядерных материалов специальным субъектом – отношения, обеспечивающие нормальную деятельность соответствующего учреждения. В качестве факультативного объекта этого хищения могут выступать и имущественные отношения, но в том случае, если похищенный предмет имеет законный источник происхождения, а его стоимостное выражение возможно к установлению. При хищении ядерных материалов или радиоактивных веществ, имеющих незаконный источник происхождения, вред имущественным отношениям не причиняется, так как незаконное завладение этими предметами не порождает право собственности на них. В связи с чем следует не согласиться с теми исследователями, которые считают, что имущественные отношения выступают дополнительным объектом рассматриваемого хищения [19. С. 35].

К предмету хищения, предусмотренного ст. 226 УК РФ, отнесены огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства. Эти предметы обладают такими особыми свойствами, как, например, возможность поражения живой силы противника на расстоянии, посредством выстрела или взрыва. Не вдаваясь в такие технические характеристики этих предметов, как, например, дальность полета пули, объем магазина, сила взрывной волны, укажем, что опасность этих предметов для населения, и те негативные последствия, вызванные их использованием (применением), наглядно демонстрируют конкретные ситуации, происходящие, к сожалению, с некоторой периодичностью.

Следует отметить, что оружие похищается, как правило, для совершения других преступлений. Поэтому само по себе нахождение предметов, перечисленных в ст. 226 УК РФ, в незаконном обороте, представляет опасность для общества. Наглядным тому примером служит судебная практика. Так, Верховным Судом Республики Крым К. осужден по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ, ч. 1 ст. 226 УК РФ. К. совершил хищение пистолета конструкции Макарова «ПМ», который впоследствии использовал для разбойного нападения на водителя такси и его убийства [20].

В одной из монографий, посвященных уголовной ответственности за хищение оружия, отмечается, что непосредственным объектом этого преступления вы-

ступают отношения, регулирующие охрану общественной безопасности в связи с деятельностью субъекта по поводу существования и сохранности оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и обеспечивающие правоохраняемые интересы личности, экономики, государственной власти, военной службы, мира и безопасности человека [21. С. 57]. На наш взгляд, такое определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, недостаточно удачно. Во-первых, оно терминологически перегружено, что не дает уяснить, для охраны каких отношений создана эта норма. Во-вторых, такое определение не учитывает, что оружие может похищаться и из незаконного владения (ранее похищенного), когда деятельность субъектов по поводу существования и сохранности оружия уже не осуществляется. И наконец, это определение не учитывает, что может быть похищено оружие, произведенное кустарным способом, оборот которого никак не контролировался. Думается, что определение объекта рассматриваемого хищения как общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной безопасности от незаконного (неконтролируемого) оборота оружия, будет более полно отражать то, каким отношениям причиняется вред этим хищением.

Факультативный объект хищения оружия боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств могут составлять, прежде всего, имущественные отношения. Это обусловлено тем, что оружие может находиться у военнослужащих, должностных лиц или граждан на законном основании, иметь законный источник происхождения и соответственно рыночную цену. Причем стоимость оружия может быть весьма значительна. Например, цена карабина Steyr Mannlicher Pro Hunter Sport FS A1 308 Win составляет 1 151 700, сверхдальнобойной винтовки СВЛК-14С Twilight (Сымрак) 408С – 3 264 000, карабина Fuchs Fine Guns 375 H&N Mag – 10 000 000 [22]. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, имеющие незаконный источник происхождения (изготовлены кустарным способом), не порождают право собственности, поэтому в результате их хищения имущественные отношения не нарушаются.

Факультативный объект хищения, предусмотренного ст. 226 УК РФ, может быть представлен нормальной деятельностью организации по законному обороту оружия в случае хищения оружия лицом с использованием своего служебного положения (п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ). В качестве факультативного объекта этого хищения могут выступать отношения, обеспечивающие телесную, психическую неприкосновенность личности, при его хищении открытым способом, путем применения насилия, не опасного или опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ).

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, выступает часть общественной безопасности в виде состояния защищенности здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков [23]. Это обусловлено тем, что неконтролируемый

оборот наркотиков поддерживает общее состояние наркотизации населения, а одним из способов введения наркотиков в такой оборот является их хищение. Хищение, предусмотренное ст. 229 УК РФ, не рассматривает дополнительный объект преступления ни в качестве единственного, ни в качестве альтернативного, так как вред остальным общественным отношениям (помимо безопасности здоровья населения от немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ) может не причиняться. В качестве примера посягательства только на здоровье населения можно привести приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми, которым, Р. осуждена по ч. 1 ст. 229 УК РФ за то, что похитила незаконно хранящееся наркотическое средство у знакомых [24]. В результате действий Р. не был причинен вред здоровью конкретных людей, так как хищение было совершено без насилия или угрозы его применения. Не был также причинен имущественный ущерб незаконному владельцу наркотического средства, так как уголовный закон охраняет только законное владение этими предметами.

В силу того, что насилие, а также угроза его применения при хищении наркотических средств или психотропных веществ образуют квалифицирующие признаки (п. «г» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ), отношения, обеспечивающие телесную и психическую неприкосновенность человека, безопасность его жизни и здоровья, являются факультативными объектами преступления [7. С. 141]. Вместе с тем при конкретном посягательстве на эти объекты они (в силу соответствующего указания в законе на способ хищения) являются дополнительными вместе с основным объектом преступления в виде безопасности здоровья населения от немедицинского потребления наркотических средств или психотропных веществ. Это означает, что при конкретном насильственном хищении наркотиков его основным объектом является здоровье населения, а дополнительным – здоровье конкретного человека, в отношении которого осуществляется насилие.

В качестве факультативного объекта преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, помимо указанных отношений могут выступать самые разнообразные общественные отношения, признаки которых в этой статье не приводятся. В первую очередь в качестве такого объекта может выступать собственность в тех случаях, когда хищение наркотических средств или психотропных веществ происходит из законного оборота. Это связано с тем, что собственность всегда предполагает нахождение имущества у определенного лица на законном основании. Некоторые наркотические средства

и психотропные вещества, разрешенные в гражданском обороте, являются объектами гражданских прав как вещи [25. С. 104], в отношении которых определенным субъектам дозволено совершение сделок по специальному разрешению (ст. 129 ГК РФ). Эти средства и вещества могут находиться в собственности юридических лиц только для определенных целей – научных, учебных, лечебных, для проведения оперативно-розыскных мероприятий и пр.

Право собственности всегда предполагает, что имущество находится у лица на законном основании [26. С. 31]. Наркотические средства или психотропные вещества, находящиеся в незаконном обороте, не являются объектами гражданских прав, несмотря на то что они имеют определенную цену на черном рынке. При их приобретении лицо передает сбытчику оговоренную сумму, однако эта сделка в силу ст. 167 ГК РФ является ничтожной, на основании чего не влечет юридических последствий и недействительна с момента ее совершения. В результате такая сделка не порождает последствий в виде возникновения права собственности. Право собственности не возникает и в случае самовольного сбора наркосодержащих растений или их частей, поскольку обращение в собственность общедоступных для сбора вещей разрешается только в специально установленных законом случаях (ст. 221 ГК РФ).

Таким образом, находящиеся в незаконном обороте наркотические средства и психотропные вещества в правовом смысле не могут быть в собственности и, соответственно, отношения по поводу этих средств и веществ не подлежат охране. Фактическое незаконное владение, пользование и распоряжение указанными средствами и веществами можно назвать квазисобственностью, или псевдособственностью, или иначе, однако к числу задач, перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, охрана таких отношений не отнесена. Уголовное законодательство берет под охрану лишь те объекты, которые признаны ценными в рамках того или иного общества [27. С. 112].

Таким образом, специальные виды хищений (ст. 164, 221, 226, 229 УК РФ) отличаются от хищений, предусмотренных ст. 158–162 УК РФ, в первую очередь тем, что они посягают не только на имущественные отношения, но и на иные отношения, охраняемые законом. Более того, в отдельных случаях специальные хищения могут и не посягать на имущественные отношения либо такое посягательство может быть незначительно (минимальная стоимость вещи). На основании этого следует утверждать, что имущественные отношения не являются обязательным объектом специальных хищений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2001. 208 с.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : Изд-во БЕК, 1996. 560 с.
3. Михайлов М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. По советскому праву. М. : Госюриздат, 1958. 155 с.
4. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. М., 1970. 672с.
5. Плохова В.И. Признаки видового или непосредственного объекта закреплены в статье УК? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 11, № 4. С. 71–78.
6. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 198 с.

7. Ролик А.И., Романова Л.И. Наркопреступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Владивосток : Изд. Дом Дальневост. фед. ун-та, 2016. 445 с.
8. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 755 с.
9. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 349 с.
10. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 284 с.
11. Шеслер А.В. Состав преступления. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2016. 91 с.
12. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск : Омская акад. МВД России, 2001. 256 с.
13. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. Новосибирск : ООО «Альфа-Порте», 2014. 112 с.
14. Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2vdFboP2Ohmj/> (дата обращения: 13.06.2021).
15. Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 04 апреля 2017 года по делу № 1-76/2017.: URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2vdFboP2Ohmj/> (дата обращения: 13.06.2021).
16. Хилута В.В. К вопросу о хищении культурных ценностей (на примере уголовного права России и Беларуси). Гродно : Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы, 2012. 45 с.
17. Ковалева Р.Р. Уголовная ответственность за преступления, связанные с оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ : автореф. дис. ... кан. юрид. наук. Казань, 2004. 28 с.
18. Федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии НП-030-01 «Основные правила учета и контроля ядерных материалов» (утв. постановлением Госатомнадзора РФ от 9 июля 2001 г. № 7). URL: http://www.gosnadzor.ru/activity/control/acts/nuclear/nuclear_fnp/ (дата обращения: 06.11.2021).
19. Векленко В.В., Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищений. Омск : Омская акад. МВД России, 2009. 275 с.
20. Приговор Верховного Суда Республики Крым от 26 марта 2019 года. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/0gHVuHSZFpgH/> (дата обращения: 01.07.2021).
21. Мальков С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : Красноярск : СибЮИ МВД России, 2002. 231 с.
22. Оружейный магазин AIR-GUN. URL: https://www.air-gun.ru/nareznoe_oruzhie/ (дата обращения: 01.07.2021).
23. Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика : учеб.-метод. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 214 с.
24. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми по делу № 1-36/2018 от 07.06.2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Q0dtI8bTvMV9/> (дата обращения: 29.03.2020).
25. Болотин В.С. К вопросу о содержании понятия гражданского оборота наркотических средств или психотропных веществ // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 101–108.
26. Матышевский П.С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев : Вицшак., 1983. 175 с.
27. Бикеев И.И. Уголовная ответственность за незаконное обращение с предметами вооружений. Казань : Познание, 2007. 143 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Object of Special Theft

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 37–42. DOI: 10.17223/23088451/18/7

Aleksandr V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Viktor A. Shesler, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: victor444@inbox.ru

Keywords: object, theft, special type.

Ownership always assumes that a person legally possesses a certain property. Trafficked narcotic drugs or psychotropic substances are not subject to civil rights, though they have a certain price on the black market. When purchasing them, the person transfers the agreed amount of money to the distributor; however, this transaction by Art. 167 of the Civil Code of the Russian Federation is void, on the basis of which it does not entail legal consequences and is invalid from the moment of its commission. As a result, such a transaction does not give rise to consequences in the form of property rights. The right of ownership does not arise even in the case of unauthorized collection of narcotic plants or their parts, since appropriation of things publicly available for collection is allowed only in cases specially established by law (Article 221 of the Civil Code of the Russian Federation). In the legal sense, the narcotic drugs and psychotropic substances in illicit traffic cannot be owned and, accordingly, relations regarding these drugs and substances are not subject to protection. The actual illegal possession, use, and disposal of the indicated means and substances can be called quasi-property or pseudo-property, or otherwise, but among the tasks listed in Part 1 of Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation, the protection of such relations is not included. Criminal legislation takes under protection only the objects recognized as valuable within the framework of a particular society. Special types of theft (Articles 164, 221, 226, 229 of the Criminal Code of the Russian Federation) differ from thefts provided for in Art. 158–162 of the Criminal Code of the Russian Federation, primarily by the fact that they infringe not only on property relations, but also on other relations protected by law. Moreover, in some cases, special theft may not infringe on property relations, or such infringement may be insignificant (the minimum value of the thing). Based on this, it should be argued that property relations are not a mandatory object of special theft.

References

1. Novoselov, G.P. (2001) *Uchenie ob ob"ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty* [The Doctrine of the Object of Crime. Methodological Aspects]. Moscow: Norma.
2. Naumov, A.V. (1996) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. The General Part]. Moscow: BEK.

3. Mikhaylov, M.P. (1958) *Ugolovnaya otvetstvennost' za krazhu lichnogo imushchestva i razboy. Po sovetskomu pravu* [Criminal Liability for Theft of Personal Property and Robbery. According to Soviet Law]. Moscow: Gosyurizdat.
4. Belyaev, N.A., Shargorodskiy, M.D. (eds) (1970) *Kurs Sovetskogo ugolovnogogo prava. Chast' Osobennaya* [Soviet Criminal Law. Special Part]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].
5. Plokhova, V.I. (2015) Priznaki vidovogo ili neposredstvennogo ob'ekta zakrepleny v stat'e UK? [Are the signs of a specific or immediate object enshrined in the article of the Criminal Code?]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 11(4). pp. 71–78.
6. Filimonov, V.D. (2003) *Okhranitel'naya funktsiya ugolovnogogo prava* [Protective Function of Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
7. Rolik, A.I. & Romanova, L.I. (2016) *Narkoprestupnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problem* [Drug crime: criminal law and criminological problems]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
8. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Property Crimes]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Kadnikov, N.G. (2002) *Klassifikatsiya prestupleniy po ugolovnomu pravu Rossii* [Classification of crimes in the criminal law of Russia]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Prokhorova, M.L. (2002) *Narkotizm: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Drug addiction: criminal law and criminological research]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
11. Shesler, A.V. (2016) *Sostav prestupleniya* [Corpus Delicti]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
12. Veklenko, V.V. (2001) *Kvalifikatsiya khishcheniy* [Theft Qualification]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
13. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2014) *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty prestupleniy protiv sobstvennosti* [Criminal and Criminological Aspects of Crimes Against Property]. Novosibirsk: Al'fa-Porte.
14. USSR. (n.d.) *Prigovor Sovetskogo rayonnogo suda g. Ufy Respubliki Bashkortostan* [The verdict of the Soviet District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/2vdFboP2Ohmj/> (Accessed: 13th June 2021).
15. USSR. (2017) *Prigovor Kirovskogo rayonnogo suda g. Saratova ot 04 aprelya 2017 goda po delu № 1-76/2017* [The verdict of the Kirovsky District Court of Saratov of April 4, 2017, Case No. 1-76/2017]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/2vdFboP2Ohmj/> (Accessed: 13th June 2021).
16. Khilyuta, V.V. (2012) *K voprosu o khishchenii kul'turnykh tsennostey (na primere ugolovnogogo prava Rossii i Belarusi)* [On theft of cultural property (a case study of the criminal law of Russia and Belarus)]. Grodno: Grodno State University.
17. Kovaleva, R.R. (2004) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, svyazannye s oborotom yadernykh materialov i radioaktivnykh veshchestv* [Criminal liability for crimes related to the circulation of nuclear materials and radioactive substances]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
18. Russian Federation. (2001) *Federal'nye normy i pravila v oblasti ispol'zovaniya atomnoy energii NP-030-01 "Osnovnye pravila ucheta i kontrolya yadernykh materialov"* (utv. postanovleniem Gosatomnadzora RF ot 9 iyulya 2001 g. № 7) [Federal norms and rules in the field of atomic energy use NP-030-01 "Basic rules for accounting and control of nuclear materials" (approved by Resolution No. 7 of Gosatomnadzor of the Russian Federation of July 9, 2001)]. [Online] Available from: http://www.gosnadzor.ru/activity/control/acts/nuclear/nuclear_fnp/ (Accessed: 6th November 2021).
19. Veklenko, V.V. & Nikolaev, K.D. (2009) *Otyagchayushchie obstoyatel'stva khishcheniy* [Aggravating circumstances of embezzlement]. Omsk: Omsk Academy Ministry of Internal Affairs of Russia.
20. Russian Federation. (2019) *Prigovor Verkhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26 marta 2019 goda* [Verdict of the Supreme Court of the Republic of Crimea of March 26, 2019]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/0gHVuHSZFpgh/> (Accessed: 1st July 2021).
21. Malkov, S.M. (2002) *Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv* [Criminal liability for theft of weapons, ammunition, explosives and explosive devices]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
22. Anon. (n.d.) *Nareznoe oruzhie* [Rifle weapon]. *Oruzheynyy magazin AIR-GUN*. [Online] Available from: https://www.air-gun.ru/nareznoe_oruzhie/ (Accessed: 1st July 2021).
23. Romanova, L.I. (2009) *Narkoprestupnost': kriminologicheskaya i ugolovno-pravovaya kharakteristika* [Drug Criminality: Criminological and Legal Characteristics]. Vladivostok: Far East University.
24. Russian Federation. (2018) *Prigovor Sytyvkar'skogo gorodskogo suda Respubliki Komi po delu № 1-36/2018 ot 07.06.2018* [The verdict of the Sytyvkar City Court of the Komi Republic, Case No. 1-36/2018 of June 7, 2018]. [Online] Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/Q0dtI8bTvMV9/> (Accessed: 29th March 2020).
25. Bolotin, V.S. (2011) *K voprosu o sodержanii ponyatiya grazhdanskogo oborota narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv* [On the content of the concept of civil circulation of narcotic drugs or psychotropic substances]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 4. pp. 101–108.
26. Matyshevskiy, P.S. (1983) *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sotsialisticheskoy sobstvennosti* [Responsibility for crimes against socialist property]. Kiev: Vishchashk.
27. Bikeev, I.I. (2007) *Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe obrashchenie s predmetami vooruzheniy* [Criminal liability for illegal handling of weapons]. Kazan: Poznanie.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343/13

DOI: 10.17223/23088451/18/8

Д.И. Гаврилов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА, ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЗАЛОГА

Рассмотрен важный институт государственной деятельности, направленный на применение дополнительных мер по защите прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Раскрывается статус сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, исполняющих меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в случае одновременного применения мер государственной защиты к подозреваемым (обвиняемым), состоящим на учете.

Ключевые слова: *государственная защита, меры пресечения, меры безопасности, домашний арест*

Государство выступает гарантом обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, содержащихся в нормах Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Граждане в процессе взаимодействия с различными субъектами правоотношений получают разные функции в зависимости от вида правоотношений, в которые они вступили по своей воле или вовлечены различными властными субъектами.

Наиболее строгими с точки зрения ограничения конституционных прав являются уголовно-процессуальные правоотношения. Участие в производстве по уголовному делу необратимо связано с угрозой личной безопасности со стороны криминогенных субъектов. Наиболее уязвимыми участниками уголовного процесса являются свидетели, потерпевшие, а также иные участники уголовного судопроизводства, имеющие значение для производства уголовного дела.

Правовая база обеспечения мер государственной защиты участников уголовно-процессуальной деятельности впервые была внедрена в США. WITSEC (государственная программа защиты свидетелей) была сформирована в США в рамках Закона о борьбе с организованной преступностью в 1970 г. В рамках данной программы государством сформирован эффективный инструмент борьбы с крупными преступными синдикатами и организованной преступностью в целом. Всего два учреждения наделены полномочиями по осуществлению защиты – Служба судебных marshалов и Федеральное бюро тюрем. Судебные marshалы осуществляют меры безопасности на досудебных и судебных стадиях, обеспечивают жильем, медицинской помощью, помогают с трудоустройством, осуществляют замену удостоверений личности и т.д. Сотрудники Федерального бюро тюрем осуществляют меры безопасности в местах лишения свободы, основное средство защиты – это перемещение защищаемого лица в безопасное место [1].

В Канаде, как и в США, законодательно закреплены меры обеспечения безопасности свидетелей, имеющих

ключевое значение при обвинении. Основным органом, обеспечивающим меры безопасности, является управление по борьбе с наркотиками Королевской канадской конной полиции. Меры обеспечения безопасности аналогичны мерам, применяемым в США, исключительной мерой при угрозе жизни и здоровья защищаемого лица является изменение идентификационных данных. Взятое под защиту лицо охраняется до конца жизни или до момента самостоятельного отказа от применения мер безопасности.

В отечественном законодательстве институт государственной защиты впервые получил свое отражение в Законе СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (далее – Закон № 1556-1) [2]. Указанным нормативным актом внесены изменения в «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г. Изменения предлагали использование уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение безопасности свидетелей, их родственников и иных участников. Данные меры предусматривали осуществление следственных действий с сохранением в тайне персональных данных лица, взятого под государственную защиту, и еще ряд мер, направленных на охрану жизни и здоровья.

С распадом СССР Закон № 1556-1 утратил свою силу, а вместе с ним и нормы, регламентирующие порядок обеспечения безопасности. Однако взятый курс развития института государственной защиты нашел свое отражение в законах союзных республик (Республика Азербайджан, Республика Таджикистан, Республика Беларусь) [3].

В связи с тем, что в УПК РСФСР от 1960 г. [4] не вносились изменения о порядке обеспечения безопасности лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, институт государственной защиты был забыт до 1995 г. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ [5] установил меры государственной защиты

судей, должностных лиц правоохранительных органов и контролирующих органов. Стоит отметить, что Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса» был принят спустя десять лет [6].

До утверждения ФЗ № 119, был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 [1], в котором законодатель предусмотрел меры безопасности, содержащиеся в ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Предусмотренные меры безопасности применяются процессуальными субъектами в рамках проведения следственных действий, без дополнительного привлечения сил специальных подразделений и дополнительных затрат федерального бюджета. Кроме того, в указанном кодексе предусматривалось применение меры пресечения в виде домашнего ареста, однако до 2012 г. обновленный институт проходил адаптацию к современной правовой системе и не имел механизмов законодательного регулирования. Незрелость института домашнего ареста послужила его невключению в ФЗ № 119, что, на наш взгляд, является существенным упущением законодателя.

Однако существующий в нашей стране Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», вступивший в действие с 1 января 2005 г., и ряд норм УПК РФ даже в своей совокупности еще не образуют требуемую систему государственной защиты указанных лиц. Создание системы требует в первую очередь регулирования тех правоотношений, которые складываются при соприкосновении разных отраслей права. Так, до настоящего момента не разработаны на федеральном уровне и не внесены изменения в законы о порядке взаимодействия органов, осуществляющих непосредственный контроль над лицами с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога, и органов, обеспечивающих безопасность в уголовном процессе и государственную защиту.

Меры безопасности дополнительно находят свое отражение в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [7], также с 2006 г. Правительством РФ утверждалась Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в настоящее время действует Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» [8].

Перед утверждением государственной программы инициатором приводится анализ статистических данных, характеризующих предыдущий этап реализации программы. Стоит отметить, что данные анализируются несистемно, а это наводит на мысль о формальном подходе к организации и ежегодного контроля, и разработки необходимых изменений в действующую программу. На мой взгляд, институт мер государственного принуждения должен обязательно учитываться в подобном рода программах, так как применение мер пре-

сечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога непосредственно связано с ограничением прав и свобод человека, гражданина, а применение мер государственной защиты приводит к дублированию мер, направленных на ограничение прав. Дополнительно затрагивает и служебную деятельность органов, непосредственно осуществляющих контроль и исполнение мер пресечения. Применение мер государственной защиты к подозреваемым, обвиняемым с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога, в какой-то степени дезорганизует деятельность учреждений УИИ, связанных с осуществлением полноценного контроля за соблюдением запретов, возложенных судом.

За период с 2006 по 2008 г. к 3 296 лицам, или 5,5% прогнозируемого уровня, были применены меры государственной защиты. Стоит отметить, что в рассматриваемый период еще не были образованы специализированные органы, обеспечивающие меры государственной защиты. Зачастую меры государственной защиты, применялись к свидетелям (63,2%), потерпевшим (23%), подозреваемым и обвиняемым (3,12%) [8]. В 2012 г. охвачены мерами государственной защиты 2 800 участников, что на 17% больше, чем в 2011 г. [9]. В период с 2014 по 2017 г. число участников уголовного процесса, находившихся под защитой, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год [8]. Проведя анализ статистических данных по применению мер государственной защиты, можно прийти к выводу о неэффективных механизмах реализации государственной программы. Между тем на применение мер государственной защиты государством дополнительно выделяются значительные денежные средства из федерального бюджета.

Однако при разработке новой программы не учитываются и не фиксируются случаи осуществления двойного контроля за лицами с мерами пресечения и одновременным применением мер государственной защиты, хотя ФСИН России в 2019 г. внесены изменения в формы статистической отчетности для фиксации подобных фактов. Однако фиксация данных фактов не имела официальных комментариев.

Согласно статистическим данным, ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве [8].

Проведенный в период с 2006 по 2020 г. анализ прямо указывает, что институт применения мер государственной защиты в современных условиях развития российской государственности не востребован должным образом.

Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства Внутренних Дел РФ» (далее – Указ Президента № 1316) в структуре МВД России созданы центры по обеспече-

нию безопасности лиц, подлежащих государственной защите. На основании Указа Президента № 1316 при главных управлениях территориальных органов МВД образованы оперативно-розыскные части обеспечения госзащиты (далее – ОРЧ ОГЗ).

ОРЧ ОГЗ в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ, федеральными законами о государственной защите, ФЗ № 103-ФЗ от 15.07.1995 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ФЗ № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности», а также нормативными правовыми актами МВД России.

Осуществление данными подразделениями деятельности по защите жизни, здоровья и (или) имущества требует безукоризненного выполнения комплекса мер, направленных на обеспечение безопасности. Однако даже в открытом доступе имеется информация о гибели граждан, находящихся под государственной защитой.

В результате бездействия и халатного отношения заместителя начальника отдела ОРЧ ОГЗ МВД по Республике Дагестан по обеспечению мер государственной защиты в отношении судьи Верховного суда Республики Дагестан 15 января 2013 г. совершено убийство Магомедова М.Г. Следствием установлено, что Магомедов М.Г. с 20 декабря 2012 г. находился в ежегодном отпуске и не находился при исполнении служебных обязанностей, в связи с чем к нему не применялся весь комплекс мер государственной защиты [10].

Кроме того, в судебной практике встречаются прецеденты использования должностного положения для присвоения денежных средств, выделяемых для обеспечения безопасности.

Согласно приговору Кировского районного суда г. Астрахани к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 159 УК РФ привлечен старший оперативный уполномоченный ОРЧ (ОГЗ) УМВД России, который в ходе осуществления мер безопасности присвоил определенную сумму денежных средств, предназначенных для аренды квартиры для проживания лица, находящегося под государственной защитой [11]. Преступный умысел данной категории лиц ставит под угрозу не только жизнь защищаемого лица, но и интересы государства, выражаемые в сохранении информации, позволяющей изобличить лиц, причастных к совершению тяжких и особо тяжких преступлений.

Имеется и прецедент в отказе применения мер государственной защиты по заявлению потерпевшей Володиной В.И., причем официального ответа по поводу рассмотрения заявления заявитель так и не получил. Володина В.И. направила жалобу в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) [12].

В результате проведенного судебного заседания ЕСПЧ признал не правомерным отсутствие официального отказа в применении мер государственной защиты и непредоставлении статуса потерпевшей.

На основе решений ЕСПЧ можно выделить ряд проблем в области обеспечения безопасности лицам на стадии проверки сообщения о преступлении. Согласно УПК РФ, из всех участников уголовного судопроиз-

водства только потерпевший (в соответствии с п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетель (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) имеют право ходатайствовать о применении мер безопасности в отношении них. В части отсутствия полномочий по защите лиц до возбуждения уголовного дела нормы УПК РФ и нормы ФЗ № 119 аналогичны. До возбуждения уголовного дела гражданин, находящийся под угрозой, но владеющий информацией (оказывающий содействие) в изобличении виновных лиц, не может рассчитывать на меры безопасности в рамках уголовного процесса, равно как и на меры государственной защиты. Среди прав других участников уголовного судопроизводства, указанных в гл. 5–8 разд. 2 УПК РФ, аналогичного требования не предусмотрено.

На этапе проверки сообщения о совершенном преступлении в рамках ст. 144 УПК РФ у большинства задержанных лиц в уголовном процессе отсутствует процессуальный статус. В свою очередь, указанной выше нормой предусмотрено применение мер безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц. В данном случае важно понимать, в каком контексте законодателем употреблен термин «иных участников». Если речь идет об иных участниках, закрепленных в гл. 8 УПК РФ, то большая часть нуждающихся в обеспечении безопасности лиц юридически не смогут на это рассчитывать. В случае если «иные участники» употребляются законодателем в значении «другие», тогда вовсе возникает вопрос о целесообразности перечисления процессуальных статусов участников процесса.

Заметим, что применение уголовно-процессуальных мер безопасности для государства значительно выгоднее с экономической точки зрения, нежели применение специализированных мер государственной защиты, поскольку не требует дополнительного финансирования. Применяемые уголовно-процессуальные меры безопасности требуют лишь волевого решения должностных лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и в отличие от мер безопасности, регламентированных в Федеральном законе № 119, могут быть исполнены указанными должностными лицами самостоятельно. Кроме того, применение уголовно-процессуальных мер к лицам с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога не отменяет полномочия сотрудников УИИ в части исполнения постановлений, направленных на контроль за исполнением возложенных запретов.

В разное время развития института государственной защиты в России проводили исследования А.Б. Ширитов, Д.С. Соколов, В.И. Крайнов, А.В. Лукинский, Л.В. Брусницын, А.Ю. Епихин, О.А. Зайцев, О.В. Левченко, А.В. Москаленко, М.П. Фадеева, О.В. Кириловский и др. Однако в своих исследованиях ученые не рассматривали меры государственной защиты с точки зрения учреждений и органов, участвующих в обеспечении безопасности, и их полномочий и статуса. Учеными всесторонне рассматривался институт государственной защиты. В 2021 г. О.В. Кириловским была защищена докторская диссертация, связанная с

деятельностью ФСИН. В ней раскрыты исключительно механизмы применения мер государственной защиты к сотрудникам УИС, но не задеты вопросы осуществления контроля за лицами с мерами пресечения, находящимися под госзащитой.

Необходимо отметить, что меры государственной защиты имеют свои особенности в субъектном составе участников, обеспечивающих комплекс мер по применению мер защиты, решений об осуществлении государственной защиты, органов, осуществляющих меры безопасности, и органов, осуществляющих меры социальной защиты.

Осуществление мер безопасности возлагается на органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц из числа военнослужащих осуществляются также командованием соответствующих воинских частей и вышестоящим командованием.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Органами, обеспечивающими безопасность, могут выступать учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, за исключением уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ). Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 7294, в соответствии с которыми УИИ являются учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога.

Согласно ФЗ № 119 сотрудники УИИ не могут выступать органом, обеспечивающим меры безопасности, в случае если лицу, находящемуся под государственной защитой, избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога. Кроме того, ФЗ № 119 не устанавливает основания участия в обеспечении безопасности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, за исключением ограничения свободы. Деятельность сотрудников УИИ не вписывается в требования ч. 6 ст. 3 ФЗ № 119.

Постановлением Центрального районного суда г. Барнаула обвиняемому В. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с установлением мер государственной защиты. В постановлении суда указаны осно-

вания для избрания меры пресечения: признал вину в совершаемых им преступлениях; раскаялся в содеянном; активно способствует раскрытию и расследованию преступлений; дает правдивые показания о лице, имеющем лидирующее положение в преступной иерархии Алтайского края. Кроме того, обвиняемый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. К тому же существует реальная угроза жизни и здоровью со стороны соучастников, совместно содержавшихся в следственном изоляторе (материалы получены при прохождении службы в территориальном органе в должности инспектора).

Отметим, что меры государственной защиты применили к обвиняемому за день до избрания домашнего ареста. Суд указывает на ценность предоставляемых показаний, которые будут способствовать раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений.

В постановлении суда не указан адрес жилого помещения, на которое распространяются установленные запреты в соответствии с ст. 97, 105.1 УПК РФ, так как жилое помещение предоставляется ГУ МВД по Алтайскому краю и является конфиденциальной информацией в рамках осуществления мер государственной защиты. Как было сказано выше, УИИ не является органом, осуществляющим меры безопасности, а выступает контролирующим органом, обеспечивающим исполнение возложенных судом запретов по месту жительства.

Исходя из сущности государственной защиты, сотрудники филиала, которые осуществляют контроль, не могут указывать проверяемый адрес. Кроме того, при постановке обвиняемого на учет оформление документов, в соответствии с совместным приказом [13], не может быть обеспечено в полном объеме, так как на сотрудников филиала не распространяются меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, содержащиеся в действующем законе.

Также возникает вопрос по осуществлению доставки лица на судебное заседание. Суд указал на выезды лиц, находящихся под государственной защитой, только в сопровождении сотрудников полиции, обеспечивающих меры безопасности, по аналогии и посещение медицинских учреждений – с сотрудниками полиции. Обязанности инспекции по осуществлению доставки фактически не исполнима.

В постановлении суд дает разрешение на осуществление видеонаблюдения по месту нахождения обвиняемого, но не урегулирован порядок предоставления видеозаписей в рамках контроля за возложенными запретами и доказывания фактов нарушений подучетным лицом.

Аналогичная ситуация, только при осуществлении контроля за условно осужденным, имела место быть в ФКУ УИИ ГУФСИН России по Приморскому краю. При поступлении приговора сотрудники ОРЧ по ОГЗ УМВД России по Приморскому краю отобрали подписку о неразглашении сведений о защищаемом лице у начальника филиала, в итоге фактически осужденный не проверялся по месту жительства, профилактические мероприятия по пресечению повторных преступлений с ним не осуществлялись, приговор суда не исполнен.

В результате совмещения мер государственной защиты, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, возникают вопросы, которые не урегулированы законом и требуют внесения изменений в совместный приказ и статьи УПК РФ, регламентирующие комплекс процессуальных мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Необходимо законодательное закрепление порядка взаимодействия сотрудников УИИ с органами, осуществляющими меры государственной защиты. Кроме того, необходимо включить сотрудников УИИ в перечень органов, обеспечивающих меры безопасности, а также рассмотреть вопрос внесения изменений в ст. 14 ФЗ № 119 в части дополнения: «защищаемого лица с мерой пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога и осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы». Предложенные изменения имеют большое значение в настоя-

щее время, на фоне возросшего количества случаев применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

На наш взгляд, важным изменением в ФЗ № 119 является внесение дополнительной формулировки: «меры государственной защиты в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, которые способствуют предупреждению или раскрытию преступления, в необходимых случаях должны быть применены до возбуждения уголовного дела». Применение данной формулировки при обеспечении мер безопасности в рамках уголовно-процессуального закона возможно, но необходима разработка мер, направленных на обеспечение безопасности лиц, не имеющих процессуального статуса до возбуждения уголовного дела.

Предложенные выше изменения значительно увеличат гарантии безопасности вступающих в уголовный процесс лиц, положительно скажутся на динамике раскрываемости преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступающими в силу с 07.03.2021) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
2. Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 495 (утратил силу).
3. Юрист. Официальный сайт. URL: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (дата обращения: 31.03.2021).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
5. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
6. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
7. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
8. Постановление Правительства РФ от 25.10.2018 № 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
9. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 (ред. от 31.10.2018) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
10. Мурада Алиева. Убит Федеральный судья // Махачкалинские известия. 2013. 15 март. № 10. С. 2–9.
11. Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0nWD66EJ34NR> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Постановление ЕСПЧ от 09.07.2019 «Дело «Володина (Volodina) против Российской Федерации» (жалоба № 41261/17) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4.
13. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Current Issues of the Application of State Protection Measures in the Execution of Precautionary Measures in the Form of Home Confinement, Prohibition of Certain Actions and Bail

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 43–48. DOI: 10.17223/23088451/18/8

Denis I. Gavrilov, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ya.den-gavrilov-14@yandex.ru

Keywords: state protection, preventive measures, security measures, home confinement.

Currently, the State Program “Ensuring the Safety of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings for 2019–2023” is in force. Before approving the state program, the initiator provided an analysis of statistical data relating to the previous stage of the program implementation. However, since the data was not analyzed systematically, it suggests a formal approach to organizing annual control and the need to develop necessary changes to the current program. Such programs must take into account the measures of

public enforcement, since the preventive measures in the form of home confinement, prohibition of certain actions and bail are directly related to the restriction of the rights and freedoms of a person and citizen. The application of state protection measures leads to the duplication of measures aimed at limiting rights and affects official activities of the bodies responsible for the control and enforcement of preventive measure. The application of state protection measures to suspects and accused with measures of restraint in the form of home confinement, prohibition of certain actions and bail disorganizes the activities of penitentiary institutions related to the implementation of full control over the imposed prohibitions. From 2006 to 2008, measures of state protection were applied to 3,296 persons (5.5% of the projected level). It should be noted that during the period under review, there were no specialized bodies to provide state protection measures. State protection measures were frequently applied to witnesses (63.2%), victims (23%), suspects and accused (3.12%). In 2012, 2,800 participants were covered by state protection measures, which is 17% more than in 2011. From 2014 to 2017, the number of participants in criminal proceedings who were under protection averaged from 3.3 to 3.9 thousand people per year. After analyzing the statistical data on the application of state protection measures, it can be concluded that there are ineffective mechanisms for the implementation of the State Program. In turn, it should be noted that the state has allocated additional significant funds from the federal budget for the application of state protection measures.

References

1. Russian Federation. (2001) *“Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii” ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 24.02.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.03.2021)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on February 24, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on March 7, 2021)]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
2. USSR. (1990) *Zakon SSSR ot 12 iyunya 1990 g. № 1556-1 “O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Osnovy ugolovnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik”* [Law No. 1556-1 of the USSR of June 12, 1990, “On Amendments and Additions to the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics”]. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 26. Art. 495 (invalidated).
3. *Yurist*. Official site. [Online] Available from: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (Accessed: 31st March 2021).
4. USSR. (1960) *“Ugolovno-protsessual’nyy kodeks RSFSR” (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) (s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 01.07.2002)* [The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 29, 2001, as amended on November 26, 2002) (as amended and supplemented, coming into force on July 1, 2002)]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
5. Russian Federation. (1995) *Federal’nyy zakon ot 20.04.1995 № 45-FZ (red. ot 30.12.2020) “O gosudarstvennoy zashchite sudey, dolzhnostnykh lits pravookhranitel’nykh i kontroliruyushchikh organov”* [Federal Law No. 45-FZ of April 20, 1995 (revised from December 30, 2020) “On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory bodies”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
6. Russian Federation. (2004) *Federal’nyy zakon ot 20.08.2004 № 119-FZ (red. ot 07.02.2017) “O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inyykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva”* [Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on February 7, 2017) “On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
7. Russian Federation. (2010) *Federal’nyy zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ (red. ot 09.11.2020) “O bezopasnosti”* [Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (as amended on November 9, 2020) “On Security”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
8. Russian Federation. (2018) *Postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 25.10.2018 № 1272, Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy “Obespechenie bezopasnosti poterpevshikh, svideteley i inyykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva na 2019–2023 gody”* [Decree No. 1272 of the Government of the Russian Federation of October 25, 2018, On approval of the State program “Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2019–2023”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
9. Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 13.07.2013 № 586 (red. ot 31.10.2018) “Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy ‘Obespechenie bezopasnosti poterpevshikh, svideteley i inyykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva na 2014–2018 gody’* [Decree No. 586 of the Government of the Russian Federation of July 13, 2013 (revised on October 31, 2018), On approval of the State program “Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2014–2018”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
10. *Makhachkalinskije izvestiya*. (2013) *Ubit Federal’nyy sud’ya* [Federal judge killed]. 15th March. pp. 2–9.
11. Russian Federation. (n.d.) *Prigovor № 1-454/2016 ot 3 noyabrya 2016 g. po delu № 1-454/2016* [Sentence No. 1-454/2016 of November 3, 2016, Case No. 1-454/2016]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/OnWD66EJ34NR> (Accessed: 6th November 2021).
12. ECHR. (2020) *Postanovlenie ESPCh ot 09.07.2019 Delo “Volodina (Volodina) protiv Rossiyskoy Federatsii” (zhaloba № 41261/17)* [Resolution of the ECHR of July 9, 2019, Case “Volodina v. Russian Federation” (Application No. 41261/17)]. *Byulleten’ Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie*. 4.
13. Russian Federation. (2020) *Order No. 189 of the Ministry of Justice of Russia No. 603 the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 87 of the SK of Russia, No. 371 of the FSB of Russia of August 31, 2020, “On approval of the Procedure for monitoring the location of suspects or accused persons at the place of execution of a preventive measure in the form of home confinement and by the court of prohibitions by suspects or accused, in respect of whom the prohibition of certain actions, home confinement or bail was chosen as a preventive measure” (Registered as No. 59635 in the Ministry of Justice of Russia as of September 3, 2020)*. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021). (In Russian).

УДК 343.152.9

DOI: 10.17223/23088451/18/9

Ю.В. Деришев

ИНСТИТУТ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

Исследуются правотворческие и правоприменительные проблемы института процессуальных издержек, который представляется как средство достижения целей уголовного судопроизводства, а также как гарант реализации прав его участников. На основе сравнительно-правового анализа зарубежного законодательства, научных исследований, законодательных предложений и правоприменительной практики определяются правовая природа процессуальных издержек, современные проблемы реализации и направления совершенствования данного института.

Ключевые слова: *эффективность, процессуальные издержки, уголовное судопроизводство, законопроект, права личности*

Общепризнанно, что *эффективный* – это тот, кто дает действенный эффект [1. С. 761; 2. С. 1528; 3. С. 914], т.е. быстро приводящий к нужному искомому результату [4. С. 1076]. Иными словами, это оптимальное достижение поставленных целей с наименьшей затратой сил и средств. Применительно к юриспруденции, *эффективность права* – это соотношение его намеченных целей (целеполагания) и полученных результатов (целедостижения) [5. С. 265; 6. С. 36–37; 7. С. 499]. В общих чертах эффективность права следует рассматривать как *результативность его воздействия на общество*, как соотношение цели и результата, а также затраченных для целедостижения ресурсов.

Соответственно, аксиологическая сущность *эффективности уголовного судопроизводства* как части общей правовой системы определяется его способностью и возможностью обеспечить и поддержать баланс интересов общества, личности и государства [8. С. 164]. С другой стороны, это и *публичная, специальная* оценка плодотворного процесса достижения целей уголовного судопроизводства при оптимальном ограничении прав и законных интересов лиц, вовлеченных в данную деятельность, а также результатов данной деятельности и затрат на нее.

Более ста лет назад, выделяя экономическую составляющую эффективности правосудия, Н.М. Коркунов констатировал, что «уголовная репрессия слишком дорого обходится обществу и материально, и нравственно, а вместе с тем уголовная кара не уничтожает совершившегося правонарушения, сама по себе не восстанавливает попранные права, не возмещает причиненного преступником вреда... Поэтому в применении уголовной репрессии надо соблюдать должную экономию» [9. С. 694].

Эту идею, уже в рамках советского и постсоветского уголовного процесса, развил В.Т. Тomin, представляя принцип «процессуальной экономии» в качестве самостоятельного начала современного уголовного судопроизводства. Как утверждал автор, «достижение поставленной законодателем цели уголовного процесса (исполнение назначения уголовного судопроизводства) осуществляется в пределах выделенных государством сил и средств и без превышения установленных зако-

ном сроков. *Bis dat qui cito dat!* Это раз. И два: никто не освобождал юристов считать государственные деньги. Впрочем, и деньги участников процесса желательно считать тоже. По различным соображениям. И в различных аспектах [10. С. 64].

Безусловно, «уголовное судопроизводство связано с материальными затратами, понесенными государством» [11. С. 81]. Так, эксперты в 2012 г. оценили стоимость одного уголовного дела на в 248 781 руб. [12. С. 80–83]. Есть обоснованные опасения, что эти затраты (с учетом инфляционных процессов) за десять лет еще более возросли.

В связи с этим представляется, что эти проблемы в полной мере отражаются и при реализации несколько преданного забвению научным сообществом *института процессуальных издержек* в уголовном судопроизводстве. Целеполагание данного института в полной мере совпадает с общим назначением уголовного судопроизводства, хотя его специальные задачи связаны в первую очередь с реализацией конкретного правоотношения, возникающего в связи с исчислением и возмещением расходов, выплатой вознаграждения, возложением процессуальных издержек [13. С. 12].

Действительно, с одной стороны, институт процессуальных издержек – это важная гарантия охраны прав участников уголовного процесса, одно из «правовых средств уменьшения вреда, причиненного преступлением, посредством частичного восстановления имущественной сферы одних субъектов за счет уменьшения имущества других» [14. С. 104], с другой – «важное средство, обеспечивающее эффективное производство по уголовным делам» [15. С. 69]. В связи с этим эксперты сравнивают данный институт со своеобразным гражданским иском к участникам уголовного судопроизводства со стороны государства [14. С. 104].

По мнению К.Н. Емельянова, «под процессуальными издержками следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом расходы субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство (органов дознания, предварительного следствия и суда), а также других участников на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по установлению факта и обстоятельств преступного нарушения охраняемых

уголовным законом правоотношений, взыскиваемые с лица, признанного виновным в совершении преступления, и (или) иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, а в ряде случаев – относимые на счет государства» [16. С. 7]. При этом автор классифицирует все процессуальные расходы на *компенсационные*, т.е. суммы, выплачиваемые участникам на покрытие понесенных расходов, и *бенефициарные* – суммы, представляющие собой вознаграждение, выплачиваемое за исполнение обязанностей в ходе уголовного судопроизводства [16. С. 7].

Согласно ч. 1 ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками являются связанные с производством по уголовному делу расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства. К процессуальным издержкам ч. 2 ст. 131 УПК РФ относит: суммы, выплачиваемые потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, эксперту, специалисту, переводчику, понятым, а также адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные)); суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего; суммы, выплачиваемые работающим и имеющим постоянную заработную плату потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым в возмещение недополученной ими заработной платы за время, затраченное ими в связи с вызовом в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд; суммы, выплачиваемые не имеющим постоянной заработной платы потерпевшему, свидетелю, их законным представителям, понятым за отвлечение их от обычных занятий; вознаграждение, выплачиваемое эксперту, переводчику, специалисту за исполнение ими своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания; суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению; суммы, израсходованные на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку (транспортировку) вещественных доказательств, а также на перевозку (транспортировку) трупов и их частей; суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в экспертных учреждениях; ежемесячное государственное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, выплачиваемое обвиняемому, временно отстраненному от должности в порядке, установленном ч. 1 ст. 114 УПК РФ; суммы, связанные с уведомлением близких родственников, родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании и месте нахождения; иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу и предусмотренные УПК РФ.

Представленный перечень действительно впечатляет, хотя и постоянно корректируется в пользу расширения. Более того, перед наукой и практикой правоприменения остается вопрос: а все ли издержки, связанные с производством по уголовному делу, прописаны в УПК РФ? [11. С. 81].

Действительно, на «процессуальной карте» Европы можно найти нормы, которые более расширительно толкуют перечень процессуальных издержек, чем представленный УПК РФ. Так, уголовно-процессуальные кодексы Республики Беларусь (п. 9 ч. 1 ст. 162) [17], Республики Узбекистан (п. 7 ст. 318) [18] и Республики Казахстан (п. 9 ч. 1 ст. 177 УПК РФ) [19] к процессуальным издержкам также относят расходы, связанные с розыском и приводом подозреваемого (обвиняемого). В свою очередь уголовно-процессуальные кодексы Австрии и Германии предусматривают штрафные санкции на свидетеля, уклоняющегося от явки в орган предварительного расследования и в суд. Все издержки, связанные с принудительным приводом, возлагаются на нарушителя процессуального порядка [20. С. 27; 21].

А.В. Чуркин предлагает включить в перечень процессуальных издержек, изложенный в ч. 2 ст. 131 УПК РФ, «суммы, израсходованные в связи с розыском подозреваемого и (или) обвиняемого, скрывшегося от органа уголовного преследования и (или) суда, а равно понесенные при приводе лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 113 УПК РФ». Кроме того, автором предполагается эту же норму дополнить новым пунктом следующего содержания: «суммы, выплачиваемые гражданам, специалистам и адвокатам, участвующим в проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий, которые по своей юридической сути идентичны процессуальным издержкам, предусмотренным пунктами 1–4 части 2 статьи 131 настоящего Кодекса» [11. С. 74, 83].

Интересны соображения А.В. Чуркина, призывающего участников уголовного судопроизводства «добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами и не допускать злоупотребления своими правами», что необходимо отразить в новой ч. 1.1 ст. 11 УПК РФ, а также предложения автора дополнить ст. 132 УПК РФ «Взыскание процессуальных издержек» пунктом 6.1 следующего содержания: «При прекращении уголовного дела или уголовного преследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования суд, следователь и дознаватель вправе освободить лицо полностью или частично от уплаты процессуальных издержек, если лицо добросовестно пользовалось своими процессуальными правами и не препятствовало в любых его формах производству по делу» [11. С. 81].

В свою очередь К.Н. Емельянов предлагает «дополнить перечень процессуальных издержек, предусмотренный ст. 131 УПК РФ, следующими элементами: суммы, израсходованные на возмещение материальных потерь, понесенных в результате проведения следственных действий потерпевшим, свидетелем и иными лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство; суммы, израсходованные на применение мер безопас-

ности в отношении участников уголовного судопроизводства и иных лиц, способствующих предупреждению, раскрытию преступления, а также их близких родственников, родственников и близких лиц; суммы, затраченные на выплату единовременного денежного пособия в случае гибели (смерти) защищаемого лица, либо в случае причинения лицу телесного повреждения или иного вреда его здоровью в связи с участием в уголовном судопроизводстве» [16. С. 7–8].

6 ноября 2019 г. МВД России вынесло на общественное обсуждение проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования института процессуальных издержек» [22].

Согласно пояснительной записке к экспертируемому законопроекту, его разработка в первую очередь связана с необходимостью: устранения обусловленных несовершенством норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации правоприменительных проблем, касающихся отнесения расходов, фактически осуществляемых правоохранительными органами в ходе досудебного производства по уголовным делам, к соответствующим процессуальным издержкам; снижения затрат средств федерального бюджета на осуществление уголовного судопроизводства; установления дополнительных возможностей по возмещению расходов, понесенных правоохранительными органами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Разработка законопроекта, по мнению авторов, обусловлена необходимостью: устранения правовых пробелов и коллизий в нормах УПК, предусматривающих понятие, виды процессуальных издержек и порядок их возмещения; обеспечения возмещения расходов средств федерального бюджета, затрачиваемых на уголовное судопроизводство [22].

В связи с этим были предложены изменения в УПК РФ, определяющие порядок решения вопроса о процессуальных издержках на различных стадиях уголовного судопроизводства (в ходе предварительного расследования, подготовки к судебному заседанию, судебного разбирательства и исполнения приговора), а также при проведении отдельных его процедур (производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности).

Ряд принципиальных положений, направленных на устранение правовых пробелов и коллизий в нормах УПК РФ, регулирующих институт процессуальных издержек и порядок их возмещения, а также на обеспечение возмещения расходов средств федерального бюджета, затрачиваемых на уголовное судопроизводство, заслуживает внимания и одобрения.

Отличительной особенностью предложенного законопроекта выступает существенное расширение содержания процессуальных издержек. Новая редакция ч. 1 ст. 131 УПК РФ рассматривает в качестве процессуальных издержек все расходы, связанные с уголовным судопроизводством, но не с производством по

уголовному делу. Вследствие этого, как уже отмечалось выше, следует полностью согласиться с предложениями авторов законопроекта об отнесении к процессуальным издержкам расходов, связанных с уголовным производством в целом, т.е. понесенных, в том числе и до возбуждения уголовного дела. Действительно, в соответствии с п. 56 ст. 5 УПК РФ уголовное судопроизводство – это досудебное и судебное производство по уголовному делу, а согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство – это *уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу*.

При буквальном толковании ч. 1 ст. 131 УПК РФ в состав процессуальных издержек входят лишь расходы, связанные с производством исключительно по возбужденному уголовному делу. Вместе с тем современная стадия возбуждения уголовного дела, открывающая досудебную фазу уголовного процесса, действительно в последние годы превратилась в крайне затратное производство. Правоприменительная практика с подачи законодателя, под формой так называемой доследственной проверки фактически сформировала производство самостоятельного уровня, предшествующее формальному предварительному расследованию. Проверка сообщений о преступлении предусматривает осуществление достаточно обширного перечня следственных и иных процессуальных действий, с затратными процедурами и широким кругом участников, аналогичным средствам стадии предварительного расследования, что требует и серьезных процессуальных расходов. Эта ситуация требует реакции законодателя.

Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ ст. 131 УПК РФ в системе действующего регулирования не препятствует отнесению к числу процессуальных издержек различных расходов, связанных с производством по уголовному делу, понесенных не только потерпевшим, но и иными заинтересованными лицами *на любой стадии уголовного судопроизводства, при условии их необходимости и оправданности* [23]. Аналогичные разъяснения дал Пленум Верховного суда РФ, который в пункте 2 постановления от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» констатирует: «исходя из положений п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ *перечень видов процессуальных издержек не является исчерпывающим*. К иным расходам, понесенным в ходе производства по уголовному делу, относятся, в частности, расходы, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств и предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (например, расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий). Кроме того, к ним относятся подтвержденные соответствующими документами расходы потерпевшего на участие представителя, расходы иных заинтересованных лиц на любой стадии уголовного судопроизводства при условии их необходимости и оправданности» [24].

Законопроектом предлагается также признать утратившим силу установленное ч. 10 ст. 316 УПК РФ ограничение на взыскание процессуальных издержек с лиц, в отношении которых итоговое судебное решение принято в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ. Как справедливо отмечается в пояснительной записке, почти в 70% случаев с лиц, совершивших преступления, но уголовные дела в отношении которых рассмотрены в особом порядке, не взыскиваются процессуальные издержки, причем образовавшиеся не только в судебном, но и в досудебном производстве по уголовному делу, которое проводится по единым правилам и не зависит от применения положений гл. 40 УПК. По мнению авторов законопроекта, «это ставит лиц, в отношении которых итоговое судебное решение принято в особом порядке судебного разбирательства, в более выгодное положение по отношению к лицам, уголовные дела в отношении которых рассмотрены судом в общем порядке». При этом следует признать, что «подсудимый, согласившийся с обвинением и ходатайствовавший об особом порядке принятия судебного решения, создает тем самым предпосылки для отказа от проведения судебного разбирательства в общем порядке (ч. 1 ст. 316 УПК РФ), а значит для минимизации (или исключения) образующихся в суде процессуальных издержек, которые в том числе могут быть взысканы с него самого» [25].

Вместе с тем адвокат Е.Б. Назаров, довольно критически воспринявший анализируемый законопроект, видит в этом нововведении откровенные противоречия. Так, если авторы законопроекта предлагают распространить взыскание судебных издержек на подсудимого, уголовное дело в отношении которого рассматривается в порядке гл. 40 УПК РФ (особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением), то одновременно не рассматривают эту возможность в случаях, предусмотренных ст. 226.9 УПК РФ (особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме) [26]. Действительно, при едином усеченном порядке судебного разбирательства, установленном ст. 316 и 317 УПК РФ, правовые последствия различные!

Более того, отдельные положения, высказанные в исследуемом законопроекте, требуют, как представляется, уточнений и дополнительной оценки с точки зрения системности и соответствия нормам Конституции РФ и действующего уголовно-процессуального права.

Авторами проекта закона, движимыми «намерением распространить монетизацию процессуальных издержек на дополнительную категорию лиц» [26], предлагается предусмотреть в УПК РФ порядок взыскания процессуальных издержек с лиц, в отношении которых *уголовное дело или уголовное преследование прекращено по основаниям, не влекущим возникновения права на реабилитацию*. В связи с этим также предполагается дополнить УПК новой ст. 132.1 о порядке взыскания процессуальных издержек в случае принятия данного решения.

Введение данных изменений в УПК РФ аргументировано, казалось бы, достаточно обстоятельно. Действительно, согласно позиции Конституционного суда РФ, поскольку прекращение уголовного дела представляет собой целостный правовой институт (т.е. систему норм, регулирующих как основания, условия и процессуальный порядок прекращения уголовного дела, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, так и его юридические последствия), несогласие обвиняемого (подсудимого) с возможностью взыскания с него вреда, причиненного преступлением, как последствия прекращения уголовного дела, – учитывая системный характер, неразрывную связь и взаимообусловленность складывающихся при этом правоотношений, – равнозначно несогласию с применением к нему института прекращения уголовного дела в целом [27].

Пленум Верховного суда РФ в п. 1 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 разъясняет, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица) [28].

Это позволило авторам законопроекта утверждать, что «возможность взыскания процессуальных издержек с лиц, в отношении которых уголовное дело или уголовное преследование прекращено по основаниям, не влекущим возникновения права на реабилитацию, является таким же юридическим последствием освобождения от уголовной ответственности, как и обязательства возместить вред, причиненный преступлением» [25].

Более того, с учетом конституционных гарантий права собственности (ст. 35 Конституции РФ), а также правовой позиции Конституционного суда РФ о невозможности принятия решения о взыскании процессуальных издержек с обвиняемого без проведения судебного заседания [29] законопроектом предлагается судебный порядок взыскания процессуальных издержек, а также своевременное уведомление лица о таком последствии прекращения в его отношении уголовного дела или уголовного преследования.

Вместе с тем общеизвестна устоявшаяся позиция Конституционного суда РФ, согласно этой позиции и в соответствии со ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ виновность лица и наличие всех признаков состава преступления в его действиях *устанавливаются только при вынесении обвинительного приговора*. Никакое иное решение органов уголовного судопроизводства данный судебный акт заменить не может, в связи с чем только на основании обвинительного приговора возможно и наступление сопутствующей уголовной материальной ответственности лица, куда следует отнести и взыскание с виновного судебных издержек.

Так, постановлением Конституционного суда РФ от 8 ноября 2016 г. № 22-П оспоренные нормативные положения были признаны не соответствующими Конституции РФ, как допускающие возможность привлечения лица к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава

преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым – фактического признания его виновным в совершении преступления), *иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением*. Как указал Конституционный суд РФ, данное положение касается и постановления суда, принятого в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом [30].

При этом отмечено, что «данные предварительного расследования не имеют преюдициального значения для гражданского судопроизводства: в соответствии с ч. 4 ст. 61 ГПК РФ только приговор суда по уголовному делу, вступивший в законную силу, обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен, и только по вопросам, имели ли место соответствующие действия и совершены ли они этим лицом... Соответственно, при рассмотрении гражданского дела о взыскании материального ущерба с лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено на стадии досудебного производства, суд не вправе давать оценку его действиям (бездействию) как содержащим или не содержащим признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, и, ссылаясь на нашедшие отражение в решении о прекращении уголовного дела фактические обстоятельства, установленные органом предварительного расследования, на его выводы относительно содеянного этим лицом, высказывать суждение о его виновности в совершении преступления. Иной подход не отвечал бы принципам справедливого правосудия, включая принцип презумпции невиновности, а также приводил бы к ограничению фундаментального права на судебную защиту (ст. 46, чч. 1 и 2 ст. 49 Конституции РФ)» [30].

Иными словами, *постановление органов досудебного производства не может иметь преюдициального значения для любого иного судебного решения*. Соответственно, предложенный в законопроекте механизм взыскания процессуальных издержек в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 132.1 законопроекта) не соответствует Конституции РФ и действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Более того, законопроектом допускается отмена судом без проведения судебного заседания вынесенного ранее постановления о полном или частичном удовлетворении ходатайства и взыскании процессуальных издержек в случае отмены прокурором или руководителем следственного органа постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Данный процедурный режим неизвестен современному уголовному судопроизводству. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, *только суд (вышестоящий, по смыслу закона) правомочен отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом*.

Продолжая оценивать анализируемый законопроект, адвокат Е.Б. Назаров отметил, что предлагаемые нововведения преследуют лишь цель максимального возмещения расходов бюджета, связанных с осуществлением уголовного судопроизводства, и практически игнорируют гарантии реализации предусмотренного Конституцией РФ права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. По мнению автора, расширение субъектного состава потенциальных должников, к которым (в отличие от действующей редакции) помимо осужденных предлагается также отнести лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям, противоречит действию принципа презумпции невиновности. В связи с этим возложение обязанности по возмещению процессуальных издержек на лицо, чья вина не установлена вступившим в законную силу приговором суда, нельзя признать правомерным и обоснованным, что, по мнению эксперта, вытекает из п. 22 постановления Пленума Верховного суда РФ № 42 от 19 декабря 2013 г., который гласит: «судья не вправе возложить обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам, на обвиняемого, поскольку в отношении него не был постановлен обвинительный приговор» [26].

Вместе с тем в пояснительной записке к законопроекту авторы приводят убедительную статистику по динамике института прекращения уголовного преследования, согласно которой доля лиц, в отношении которых прекращены уголовные дела по результатам предварительного расследования, в последние годы не превышает 15–16%. Соответственно в уголовном досудебном производстве данный институт почти не действует и основная нагрузка принятия подобных решений перемещается в судебное производство, повышая тем самым и судебные расходы.

Как уже отмечалось, в современном отечественном уголовном процессе со всей очевидностью на базе стадии возбуждения уголовного дела сформировалось самостоятельное, относительно квалифицированное производство по уголовному делу в форме предварительного расследования *первого уровня*, за которым идет собственно предварительное расследование (*окончательного уровня*) [31. С. 81–83]. Внесенные в УПК РФ изменения, расширяющие полномочия следователей и органов дознания на стадии проверки сообщения о преступлении, превратили ее, по мнению экспертов, в «квазирасследование», функционально подменяющее следующую за ней стадию [32. С. 85–90].

Положение усугубляется системным запретом на уровне Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ и Следственного департамента МВД России прекращать органам предварительного расследования возбужденные уголовные дела (именно эту ситуацию подтверждает приведенная выше статистика). Правоприменитель вынужден, используя доследственное производство, наряду с установлением оснований к возбуждению уголовного дела, определять также *наличие судебной перспективы* по каждому проверяемому материалу.

В связи с этим серьезно увеличиваются процессуальные сроки стадии возбуждения уголовного дела, растут ресурсные и финансовые затраты доследственного производства. Вполне очевидно, что *наведение процессуального порядка в данной сфере может стать серьезным резервом сокращения процессуальных издержек досудебного производства по уголовным делам.*

Законопроект предусматривал также возмещение процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета в случае имущественной несостоятельности лица, с которого они должны быть взысканы, а также в случае освобождения судом лица (полностью или частично) от уплаты процессуальных издержек, если их взыскание может существенно отразиться на материальном положении иждивенцев данного лица. Аналогичную норму содержит и действующая ст. 132 УПК РФ. Вместе с тем, как представляется, в законопроекте необходимо рассматривать имущественную несостоятельность лица не как оценочное понятие, а через введение определенных критериев и требований, например, обязанности представления документов о доходах, об иждивенцах, состоянии здоровья и т.п.

Как известно, Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» предпринял попытку в данном направлении. Согласно постановлению, если суд при решении вопроса о процессуальных издержках придет к выводу об имущественной несостоятельности осужденного, то в силу положений ч. 6 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки должны быть возмещены за счет средств федерального бюджета. При этом следует иметь в виду, что отсутствие на момент решения данного вопроса у лица денежных средств или иного имущества само по себе не является достаточным условием признания его имущественно несостоятельным [24].

Нельзя не согласиться с мнением адвоката К.В. Махова, признавшего, что законопроект призван изменить процедуру взыскания и возмещения процессуальных издержек и минимизировать современные проблемы с выплатами адвокатам, переводчикам, участвующим в уголовном судопроизводстве по назначению следователя, дознавателя, суда, так как сроки невыплат явно затягиваются. При этом справедливы сомнения эксперта, что предлагаемые поправки позволят решить данную проблему, поскольку далеко не у всех обвиняемых могут иметься средства, способные покрыть указанные расходы. Более того, целью поправок автор видит необходимость переложить обязанность выплат процессуальных издержек с плеч федерального бюджета на плечи обвиняемого [26].

Вместе с тем, подводя итоги своим наблюдениям, адвокат высказал несколько парадоксальную идею, заявив, что «когда принимаются новые законы, требуется некоторое время, чтобы понять, как они реализуются на практике, и этот законопроект не исключение. Только после применения поправок на практике будут очевидны их недостатки, которые впоследствии будут устранены путем внесения соответствующих изменений в законодательство» [26]. Безусловно, продуктивность «тестирования» законопроектов путем их «проверки боем» вполне очевидна, как одновременно практически утопичен данный механизм их оценки. Законопроект подвергается объективной эвальной оценке только в процессе его реализации в качестве вступившего в силу закона, что в свою очередь сохраняет высочайшую ответственность законотворцев за качество, обоснованность и эффективность правовых инициатив. Вместе с тем также очевидно, что поиск «слабых мест» в современном уголовно-процессуальном праве, в том числе и в целях совершенствования института процессуальных издержек, должен продолжаться не менее наступательно, но более взвешенно и кропотливо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М. : Эксмо, 2006. 921 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Инст. рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. СПб. : ДИЛЯ, 2006. 1136 с.
5. Сырых В.М. Логические основания общей теории государства и права : в 3 т. М., 2004. Т. 2. 560 с.
6. Кудрявцев В.И., Самоценко И.С., Никитинский В.Н., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М. : Юрид. лит., 1980. 280 с.
7. Лапаева В.В. Эффективность действия права. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. академика РАН, д-р юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. 832 с.
8. Смирнова И.Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 158–168.
9. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная / под ред. и с доп. М.Б. Горенберга. 6-е изд. СПб., 1909. 749 с.
10. Томин В.Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные особенности и законодательство // Российский криминологический взгляд. 2007. № 1 (9). С. 106–139.
11. Чуркин А.В. Процессуальные издержки как стимул для добросовестного пользования процессуальными правами // LEX RUSSICA. 2017. № 4 (125). С. 74–88.
12. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.
13. Сидорова Н.А. Судебные издержки в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1987. 23 с.
14. Сидорова Н.А. Судебные издержки в уголовном процессе // Правоведение. 1993. № 6. С. 104.

15. Кудряшова Ю.А. Процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве и определение их размера // Законодательство. 2005. № 11. С. 69–76.
16. Емельянов К.Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 19 с.
17. Кодексы Республики Беларусь // Национально-правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: pravo.by/main.aspx?guid=6361 (дата обращения: 09.08.2021).
18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=111463 (дата обращения: 09.08.2021).
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 09.08.2021).
20. Бутков В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 200 с.
21. Федеративная Республика Германия. Уголовно-процессуальный кодекс / пер. с нем. и предисл. Б.А. Филимонова. М. : Манускрипт, 1994. 204 с.
22. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования института процессуальных издержек» (подготовлен МВД России, ID проекта 01/05/09-19/00095157) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.11.2019). URL: <http://www.doclist.ru/news/politics/2402773.html> (дата обращения: 25.07.2021).
23. Определение Конституционного суда РФ от 5 марта 2013 г. № 297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Ирины Александровны на нарушение ее конституционных прав статьей 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.07.2021).
24. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.07.2021).
25. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования института процессуальных издержек» (подготовлен МВД России, ID проекта 01/05/09-19/00095157) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.11.2019). URL: <http://www.doclist.ru/news/politics/2402773.html> (дата обращения: 27.07.2021).
26. МВД предлагает новый порядок взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mvd-predlagaet-novyy-poryadok-vzyiskaniya-protsessualnykh-izderzhek-v-ugolovnom-sudoproduktse/> (дата обращения: 21.07.2021).
27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П по делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 30.07.2021).
28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 27.07.2021).
29. Определение Конституционного Суда РФ от 12 ноября 2008 г. N 1074-О-П «По жалобе гражданина Магденко Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.07.2021).
30. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона “О материальной ответственности военнослужащих” в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.07.2021).
31. Деришев Ю.В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91.
32. Маслов И.А., Новиков А.М. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5. С. 85–90.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Institution of Procedural Costs: Problems of Implementation and Ways of Optimization

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 49–57. DOI: 10.17223/23088451/18/9

Yuriy V. Dervishev, Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

Keywords: effectiveness, procedural costs, criminal proceedings, bill, individual rights.

The article raises a less noticeable problem, which, however, has permanent law enforcement relevance. Since the effectiveness of law is the most productive opportunity to influence the processes in society at the lowest cost, the costs of court proceedings should be optimal. In this regard, the institution of procedural costs is an effective means of achieving the goals of criminal proceedings and, at the same time, a guarantor of the rights and procedural capabilities of its participants. The article analyzes the international experience, as well as theoretical and legislative proposals for improving this institution of criminal justice, based on which certain directions of its optimization are determined. The author concludes about the need for further search for the most effective functioning of the institution of procedural costs.

References

1. Lopatin, V.V. & Lopatina, L.E. (2006) *Russkiy tolkovyy slovar'* [Russian Explanatory Dictionary]. Moscow: Eksmo.
2. Kuznetsov, S.A. (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.

3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
4. Skvortsov, L.I. (2006) *Bol'shoy tolkovyy slovar' pravil'noy russkoy rechi* [A Large Explanatory Dictionary of Correct Russian Speech]. St. Petersburg: DILYa.
5. Syrykh, V.M. (2004) *Logicheskie osnovaniya obshchey teorii gosudarstva i prava* [Logical Foundations of the General Theory of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Yustitsinform.
6. Kudryavtsev, V.I., Samoshchenko, I.S., Nikitinskiy, V.N. & Glazyrin, V.V. (1980) *Effektivnost' pravovykh norm* [Effectiveness of Legal Norms]. Moscow: [s.n.].
7. Lapaeva, V.V. (2004) *Effektivnost' deystviya prava. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva* [Effectiveness of the Action of Law. Problems of the General Theory of Law and State]. Moscow: Norma.
8. Smirnova, I.G. (2014) Effektivnost' ugovnogo sudoproizvodstva kak odno iz obyazatel'nykh usloviy formirovaniya ugovno-protsessual'noy strategii: v razvitie idey I. V. Smol'kovoy [The effectiveness of criminal proceedings as one of the prerequisites for the formation of criminal procedural strategy: in the development of I.V. Smolkova's ideas]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. 2(6). pp. 158–168.
9. Korkunov, N.M. (1909) *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. Vol. 2. 6th ed. St. Petersburg: [s.n.].
10. Tomin, V.T. (2007) Printsipy otechestvennogo ugovnogo protsessa kak otrasli gosudarstvennoy deyatelnosti: ponyatie, znachenie i sistema; doktrinal'nye osobennosti i zakonodatel'stvo [The principles of domestic criminal procedure as a branch of state activity: concept, meaning and system; doctrinal features and legislation]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad – Russian Criminological Outlook*. 1(9). pp. 106–139.
11. Churkin, A.V. (2017) Protsessual'nye izderzhki kak stimul dlya dobrosovestnogo pol'zovaniya protsessual'nymi pravami [Procedural costs as an incentive for the fair use of procedural rights]. *LEX RUSSICA*. 4(125). pp. 74–88.
12. Volevodz, A.G. (2014) Uprazhdenie stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela: tsena voprosa [Abolition of the stage of a criminal case initiation: the price of the issue]. *Ugovnyy protsess*. 1. pp. 80–83.
13. Sidorova, N.A. (1987) *Sudebnye izderzhki v ugovnom sudoproizvodstve* [Legal costs in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Leningrad.
14. Sidorova, N.A. (1993) Sudebnye izderzhki v ugovnom protsesse [Legal costs in the criminal process]. *Pravovedenie*. 6. pp. 104.
15. Kudryashova, Yu.A. (2005) Protsessual'nye izderzhki v ugovnom sudoproizvodstve i opredelenie ikh razmera [Procedural costs in criminal proceedings and the determination of their size]. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 69–76.
16. Emelyanov, K.N. (2009) *Protsessual'nye izderzhki v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve* [Procedural costs in the Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
17. Belarus. (n.d.) *Kodeksy Respubliki Belarus'* [Codes of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: pravo.by/main.aspx?guid=6361 (Accessed: 9th August 2021).
18. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Ugovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Uzbekistan* [Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan]. [Online] Available from: http://lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=111463 (Accessed: 9th August 2021).
19. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Ugovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (Accessed: 9th August 2021).
20. Butov, V.N. (1988) *Ugovnyy protsess Avstrii* [Criminal process of Austria]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
21. Germany. (1994) *Federativnaya Respublika Germaniya. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks* [Federal Republic of Germany. Code of Criminal Procedure]. Translated from German by B.A. Filimonov. Moscow: Manuscript.
22. Russian Federation. (2009) *Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to improve the institution of procedural costs" (prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia, project ID 01/05/09-19/00095157) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of November 6, 2019)*. [Online] Available from: <http://www.doclist.ru/news/politics/2402773.html> (Accessed: 25th July 2021).
23. Russian Federation. (2013) *Opredelenie Konstitutsionnogo suda RF ot 5 marta 2013 g. № 297-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Ivanovoy Iriny Aleksandrovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav stat'ey 131 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution No. 297-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 5, 2013, "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Irina Aleksandrovna Ivanova on violation of her constitutional rights by Article 131 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 27th July 2021).
24. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2013 g. № 42 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o protsessual'nykh izderzhkakh po ugovnym delam"* [Resolution No. 42 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013, "On the practice of the courts' application of legislation on procedural costs in criminal cases"]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 27th July 2021).
25. Russian Federation. (2019) *Poyasnitel'naya zapiska k Proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v tselyakh sovershenstvovaniya instituta protsessual'nykh izderzhek" (podgotovlen MVD Rossii, ID proekta 01/05/09-19/00095157) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 06.11.2019)* [Explanatory note to the Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to improve the institution of procedural costs" (prepared by the Ministry of Internal Affairs of Russia, project ID 01/05/09-19/00095157) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of November 6, 2019)]. [Online] Available from: <http://www.doclist.ru/news/politics/2402773.html> (Accessed: 27th July 2021).
26. Pavlova, Z. (2019) *MVD predlagayet novyy poryadok vzyiskaniya protsessual'nykh izderzhek v ugovnom sudoproizvodstve* [The Ministry of Internal Affairs proposes a new procedure for the recovery of procedural costs in criminal proceedings]. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mvd-predlagayet-novyy-poryadok-vzyiskaniya-protsessualnykh-izderzhek-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (Accessed: 21st of July 2021).

27. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2017) *Resolution No. 39-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2017, on verifying the constitutionality of the provisions of Articles 15, 1064 and 1068 of the Civil Code of the Russian Federation, Subparagraph 14 of Paragraph 1 of Article 31 of the Tax Code of the Russian Federation, Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part One of Article 54 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints of Citizen G.G. Akhmadeeva*. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 30th July 2021). (In Russian).
28. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 iyunya 2013 g. № 19 "O primenении sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti"* [Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013, "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability"]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 27th July 2021).
29. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2008) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 12 noyabrya 2008 g. No. 1074-O-P "Po zhalobe grazhdanina Magdenko Aleksandra Mikhaylovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 131 i 132 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution No. 1074-O-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 12, 2008, "On the complaint of Citizen Alexander Mikhailovich Magdenko about violation of his constitutional rights by provisions of Articles 131 and 132 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 26th July 2021).
30. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 8 noyabrya 2016 g. № 22-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa tret'ego stat'i 5 i punkta 5 stat'i 8 Federal'nogo zakona o material'noy otvetstvennosti voennosluzhashchikh v svyazi s zhaloboy grazhdanina D. V. Bataragina"* [Resolution No. 22-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 8, 2016, "On checking the constitutionality of Paragraph 3 of Article 5 and Paragraph 5 of Article 8 of the Federal Law On material liability of military personnel in connection with the complaint of Citizen D.V. Bataragin"]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 7th July 2021).
31. Derishev, Yu.V. (2019) About modern national criminal procedure science generally and organizations of the investigative device in particular. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 31. pp. 74–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/7
32. Maslov, I.A. & Novikov, A.M. (2011) Nereshennye problemy stadii возбуждения уголовного дела pri rassmotrenii soobshcheniy o nalogovykh prestupleniyakh [Unsolved problems of the stage of initiation of a criminal case when considering reports on tax crimes]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 85–90.

Received: 10 September 2021

А.В. Петрякова

ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

Анализируется становление и трансформация института следственных судей на постсоветском правовом пространстве. Основной вектор современного развития института следственных судей – от процессуальной фигуры следственного судьи к обособленному специализированному следственному суду. По мнению автора, возможно формирование на базе данного правового института структуры следственно-пенитенциарного суда, а в перспективе – национального суда по правам человека.

Ключевые слова: *следственный судья, следственный суд, институт следственных судей, институт следственного судьи, национальный суд по правам человека, российский суд по правам человека, пенитенциарный судья, специализация судей, специализация судов, судебная специализация, специализация судебной деятельности, судоустройство, судебный контроль в уголовном судопроизводстве, дежурный судья*

Реформирование судебной системы и введение в нее новых правовых институтов (в качестве примера – институт следственных судей) неразрывно связано с теоретическими вопросами судебной специализации.

Универсализация и специализация представляют собой, по сути, две противоположные модели организации судебной деятельности. В судебных системах мира практически не встречается модель судоустройства исключительно с универсальными судьями. Обычно выбирается некий баланс специализации и универсализации в судебной деятельности, некий рациональный смешанный вариант. Как пишут авторы монографии «Правосудие в современном мире», государства постоянно находятся в поиске оптимальной модели судоустройства; при этом прослеживается явная тенденция к расширению судебной специализации. [1. С. 511]

Кандидат юридических наук Дмитрий Михайлович Замышляев определяет специализацию как основную форму развития судебной системы [2. С. 124]. В диссертационном исследовании он рассматривает преимущества и недостатки специализации в судебной деятельности, в целом оценивая судебную специализацию как позитивное (в ряде случаев – неизбежное) явление, но указывая на значительные трудности при организации работы вновь созданных судов. Ключевым, по его мнению, является вопрос целесообразности введения новых институтов судебной системы (институциональной специализации) или специализированных судей (функциональной специализации).

Неоднократно положительно за введение института следственных судей в судебную систему России высказывались представители судейского сообщества: Председатель Конституционного суда Российской Федерации Валерий Дмитриевич Зорькин, Председатель Верховного суда Российской Федерации Вячеслав Михайлович Лебедев, заместитель Председателя Верховного Суда Владимир Александрович Давыдов и многие другие; представители адвокатского сообщества (в частности, адвокат Генри Маркович Резник эту тему озвучил на встрече Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с членами Совета по пра-

вам человека при Президенте в декабре 2019 г.). Потребности в институте следственных судей видят ученые-правоведы Тамара Георгиевна Морщакова, Александр Сергеевич Александров, Олег Анатольевич Степанов, Владимир Ильич Руднев, Владимир Маирович Бозров, Николай Николаевич Ковтун, Александр Витальевич Смирнов и многие другие. В России сформировались правовые школы, которые поддерживают идею формирования в судебной системе России отдельного института следственных судей [3].

Данный правовой институт был обозначен впервые в России времен перестройки и нашел юридическое закрепление в Концепции судебной реформы 1991 г., разработанной (как и Закон «О статусе судей в Российской Федерации») коллективом ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

В настоящий момент идея введения в Российской Федерации института следственных судей находится в стадии научной проработки. Продолжается научная дискуссия о месте этого правового института в судебной системе и его функциональном назначении.

Исследователи Вячеслав Борисович Евдокимов, Олег Анатольевич Степанов пишут, что «особая (контрольная) власть» предполагает существование обособленных органов государства, осуществляющих этот контрольный вид деятельности и не подчиненных при этом другим органам [4. С. 227]. Из этой формулы следует, что функцию судебного контроля в уголовном судопроизводстве также должны осуществлять обособленные судебные органы.

Большинство ученых, общественных и политических деятелей, поддерживающих идею введения в судебную систему Российской Федерации института следственных судей, единодушны во мнении, что институт следственных судей будет наделен полномочиями по осуществлению судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Следовательно, этот институт требует институционального (не функционального) обособления.

Ученые Владимир Александрович Давыдов, Оксана Валентиновна Качалова указывают, что институт след-

ственных судей достаточно успешно проявляет себя в странах со схожей с Российской Федерацией правовой и судебной системой, и предлагают, изучив зарубежный опыт (например, опыт Республики Казахстан), ввести этот институт, «закрепив законодательно фактически наметившуюся специализацию судей» [5. С. 75].

Рассмотрим в этой связи становление и развитие института следственных судей в Республике Казахстан.

Институт следственных судей был выделен функционально в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан с 1 января 2015 г. На должность следственного судьи назначался один из судей суда первой инстанции председателем этого суда; «при необходимости замены» следственный судья переназначался.

Как пишет ученый Ерлан Илишевич Идиоров, законодатель не закрепил правовой статус следственного судьи как постоянную и несменяемую должность, а обозначил его «как процессуальную фигуру в уголовном судопроизводстве» [6. С. 54]. К должности следственного судьи не предъявлялись какие-либо квалификационные требования, им мог быть назначен любой судья соответствующего суда на усмотрение его председателя. Более того, исполнение полномочий следственного судьи не подразумевало освобождение от исполнения обязанностей судьи первой инстанции.

Аналогичные процессуальные модели института следственных судей были введены в Республике Молдове, Республике Украине и некоторых других постсоветских государствах.

Такой способ формирования института следственных судей (следственный судья – один из «ординарных» судей, временно назначенный председателем суда на должность следственного судьи) вызывал некоторые критические замечания. Кандидат юридических наук Сергей Геннадьевич Коновалов в диссертационном исследовании указывает на появление «специального наименования» для обозначения досудебной деятельности судьи, специального термина. По его мнению, «такое изменение само по себе не может считаться реформой»: действительного обособления, специализации следственного судьи не произошло [7].

Думается, что следственный судья в таком случае немногим отличается от российской практики назначения председателями судов дежурных судей, выполняющих функции судебного контроля (преобладающая функция следственного судьи в постсоветских государствах) в соответствующий день/неделю/месяц по графику дежурств. В этой связи позволим себе заявить о том, что в России также функционирует институт следственных судей, но называется он «дежурные судьи».

Правовой институт дежурных судей и процесс дежурства судей никогда ранее не становился объектом научного исследования. А между тем это достаточно интересный, на наш взгляд, правовой феномен, требующий внимательного рассмотрения и дальнейшего изучения.

Во-первых, у мировых судей и у федеральных судей районных судов (например, города Москвы) есть часы дежурства – приемные часы (понедельник с 14.00 до

18.00, четверг с 9.00 до 13.00), в которые судьям запрещается рассматривать находящиеся в их производстве дела. Они обязаны лично осуществлять прием посетителей (запрещается осуществлять прием посетителей сотрудникам аппарата суда). Сделаем небольшое замечание в этой связи. Не очень, на наш взгляд, данная практика коррелирует с принципами осуществления правосудия, в частности, с принципом гласности, равноправия сторон. Судья непосредственно осуществляет прием граждан, общается с ними во внесудебном (внепроцессуальном) порядке, принимает от них документы, и данный факт непосредственного общения и обсуждения обстоятельств дела с потенциальной стороной по делу способен, на наш взгляд, формировать позицию судьи по делу, которое, возможно, еще только поступило или даже поступит в будущем на рассмотрение этого суда (судьи), или влиять на ход дела, уже находящегося в производстве.

Во-вторых, дежурство судей проводится в выходные и праздничные дни. Так, в период нерабочих дней, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, в судах работали дежурные судьи.

Третий вариант «дежурства судьи», наиболее важный с точки зрения темы данного исследования, – назначение председателями районных судов дежурных судей, которые в определенные дни рассматривают жалобы, ходатайства, заявления в порядке осуществления функции судебного контроля. График дежурства составляется в рабочем порядке, согласовывается с судьями соответствующего районного суда, как правило, на оперативном совещании. В дежурные дни судьи не рассматривают по существу дела, находящиеся в их производстве, занимаясь исключительно дежурством. Наряду с осуществлением функций судебного контроля дежурные судьи могут осуществлять полномочия организационно-распорядительного характера. Так, в соответствии с Инструкцией по организации внутриобъектового режима и установления единого порядка прохода в здания районных судов и судебных участков мировых судей города Москвы дежурные судьи выдают письменные распоряжения на проход в здание суда во вне рабочее время.

Институт судебного дежурства, когда дежурный судья определяется председателем районного суда и временно осуществляет дежурство по установленному графику с преобладающей функцией осуществления судебного контроля в рамках уголовного судопроизводства, в значительной степени похож на институт следственных судей, который изначально сформировался в Республике Казахстан и действует сейчас во многих государствах, ранее входивших в состав СССР.

В качестве отличия следует отметить, что в приоритете у следственных судей, временно назначаемых на эту должность председателем суда (правовая модель, сформировавшаяся изначально в Республике Казахстан), – рассмотрение вопросов, отнесенных к их компетенции именно в качестве следственного судьи.

У российских дежурных судей основные (приоритетные) дела – дела, находящиеся в их производстве и рассматриваемые ими по существу; необходимое де-

журство по графику как бы отвлекает от рассмотрения основных дел, по которым формируется статистическая отчетность показателей деятельности судьи, влияющая на его дальнейшую карьеру в судебной системе. И в этой связи уместно привести замечание ученого Владимира Ильича Руднева, что зачастую имеют место ситуации, когда функцию судебного контроля по уголовным делам выполняет дежурный судья, специализирующийся на рассмотрении гражданских дел [8].

В российском судостроительстве законодательно не обозначена судебная специализация судей районных судов, но на практике действительно имеет место разграничение федеральных судей на судей по гражданским делам и судей по уголовным делам, т.е. сформировалась функциональная специализация судей [9]. И действительно, как указывает Владимир Ильич Руднев, федеральный судья районного суда, специализирующийся на рассмотрении гражданских дел, будучи дежурным судьей, вынужден снимать с рассмотрения назначенные на день дежурства гражданские дела, находящиеся в его производстве, и выполнять функции дежурного судьи, рассматривая жалобы, заявления, ходатайства в сфере уголовного судопроизводства. Некорректно было бы говорить, что федеральные судьи, специализирующиеся на рассмотрении гражданских дел, менее компетентны в уголовном судопроизводстве: все судьи имеют высшее юридическое образование, необходимый для назначения стаж работы по юридической профессии, сдают комплексный экзамен по вопросам, требующим в обязательном порядке глубоких знаний уголовного права и уголовного процесса, регулярно проходят повышение квалификации по комплексной программе. Но следует согласиться с мнением ученого в том, что такая деятельность для судьи по гражданским делам является специфической, нестандартной.

Возвращаясь к исследованию правового опыта Республики Казахстан, определим, что изначально следственные судьи в Республике Казахстан были только формально выделены из общего состава судей судов первой инстанции; при изложенных выше обстоятельствах сложно с точки зрения теории судебной специализации говорить о полной функциональной, и тем более институциональной специализации.

Формировался процессуальный статус следственного судьи без оформления правового статуса. Фигура следственного судьи появилась только в качестве участника уголовного судопроизводства на уровне ч. 3 ст. 54 УПК РК, изначально изложенной следующим образом: «следственный судья – судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве. При необходимости замены следственного судьи он может быть переназначен».

Следует отметить, что в настоящее время лишь в некоторых единичных государствах можно говорить о полном организационном обособлении следственных судей, в связи с чем выводы ученых Игоря Анатолие-

вича Зинченко, Лидии Михайловны Фетищевой о том, что этот институт «возрожден» [10], представляются спорными. Терминологически в судопроизводственном законодательстве многих государств действительно присутствует фигура следственного судьи (наименование должности может различаться, но преобладающая функция – осуществление судебного контроля). Но в судостроительном законодательстве специализированный следственный судья (суд) присутствует лишь в единичных случаях.

10 января 2018 г. указом Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева «Об образовании специализированных следственных судов Республики Казахстан и некоторых кадровых вопросах судов Республики Казахстан» были образованы 14 областных специализированных следственных судов и 2 специализированных межрайонных следственных суда и даны указания Верховному Суду и Высшему Судебному Совету Республики Казахстан принять указ к исполнению.

Как указывает ученый Сагынган Игенович Молбасин, данный указ был принят «в целях обеспечения независимости следственных судей посредством полной автономизации их от судов общей юрисдикции и выделения в отдельный аппарат». Он считает, что институт следственных судей с момента его введения в судопроизводство Республики Казахстан и до настоящего времени претерпел значительные качественные изменения: от следственных судей – судей судов первой инстанции – до следственных судей специализированных следственных судов [11].

В качестве примера рассмотрим созданный 31 июля 2018 г. Специализированный следственный суд города Кокшетау Акмолинской области. Согласно официальной информации [12], суд является двусоставным судом первой инстанции, состоит из двух судей (председателя и судьи); при этом судьи данного суда назначаются на должность Указом Президента Республики Казахстан [13].

Практика назначения следственных судей председателями судов исчерпала себя; с момента формирования обособленных специализированных следственных судов судьи назначаются Президентом Республики Казахстан непосредственно в указанные суды. Соответствующие изменения внесены в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (ч. 3 ст. 54); исключено: «Следственный судья (судьи) назначается из числа судей председателем этого суда» [14]. При этом следственные судьи именуются теперь «судья специализированного следственного суда города Кокшетау» (в рассматриваемом примере). В этой связи представляется, что правовой статус данного судьи не отличается от правового статуса иных судей, регламентированного судостроительным законодательством Республики Казахстан [15].

О деятельности специализированных следственных судов Республики Казахстан информация размещена в сети Интернет, оперативно созданы необходимые цифровые платформы. Безбумажное судебное делопроизводство введено и в деятельность этих судов.

Как пишут авторы монографии «Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации», прошел пилотную апробацию и перешел на постоянное функционирование электронный сервис «Электронное санкционирование», используемый специализированными следственными судами Республики Казахстан [16. С. 210].

Республика Казахстан стоит у истоков создания специализированных следственных судов.

Сам факт, что институт следственных судей, изначально введенный в уголовное судопроизводство в качестве процессуальной фигуры, развивается, получил новое правовое содержание, обособился институционально от общей системы судов, говорит, на наш взгляд, о том, что проанализированный опыт функционирования этого правового явления в Республике Казахстан показал его высокую эффективность и значительный потенциал. Восприняв некоторые критические замечания, в том числе со стороны Венецианской комиссии Совета Европы [17], Республика Казахстан не отказалась от самой идеи следственного судьи, а выбрала направление преобразования этой идеи в самостоятельный судебный орган.

Предполагаем, что возможно в дальнейшем концепция специализированного следственного суда в Республике Казахстан будет дорабатываться и изменяться. Так, Майя Муратовна Кулбаева намечает некоторые проблемные точки: несоответствие правового статуса следственного судьи, обозначенного ч. 3 ст. 54 УПК РК, Конституционному закону Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» в части нарушения принципов несменяемости и независимости судей [18] (сохранена возможность переназначения следственного судьи: «При необходимости замены следственного судьи он может быть переназначен»).

В этой связи следует сказать, что, на наш взгляд, судоустройственное и судопроизводственное законодательства Республики Казахстан, вероятно, будут гармонизированы. Сам термин «следственный судья», используемый в УПК РК, уже не соответствует новому «судья специализированного следственного суда». И в этой связи, вероятно, будут доработаны основы правового статуса специализированного следственного суда и судей данного суда (не только на уровне гармонизации правовой терминологии, но и сущностно). Прогнозируемо также формирование специализированных следственных судов по пересмотру вынесенных судебных решений (специализированных следственных судов апелляционной, кассационной инстанций).

Рассматривая возможность институционального обособления следственных судей (дежурных судей) в специализированный следственный суд (систему судов) в Российской Федерации и проведения в этой связи правовых и организационных изменений, следует отметить, что в дальнейшем представляется целесооб-

разным эволюционное развитие и наращивание компетенции этого органа (системы органов), наделение его новыми полномочиями.

Функция судебного контроля выполняется судами не только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и при исполнении вступивших в силу судебных актов. В соответствии с утвержденными Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации формами статистической отчетности суды ведут единую форму статистической отчетности по рассмотрению представлений, ходатайств и жалоб как в ходе досудебного производства, так и на стадии исполнения приговоров [19]. В поддержку идеи введения в судебную систему Российской Федерации пениitenciарных судей неоднократно высказывались российские ученые [20]. Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. (члены рабочей группы: Сергей Ефимович Вицин, доктор юридических наук; Александр Михайлович Ларин, доктор юридических наук; Инга Борисовна Михайловская, доктор юридических наук; Тамара Георгиевна Морщакова, доктор юридических наук; Р.В. Назаров, член Московского областного суда; Сергей Анатольевич Пашин, кандидат юридических наук; Игорь Леонидович Петрухин, доктор юридических наук; Юрий Исаакович Стецовский, доктор юридических наук), наряду с введением института следственных судей по участковому принципу – как специализации мировых судей, предполагала также введение аналогичным образом пениitenciарных судей [21]. В этой связи представляется возможным в дальнейшем наделить специализированные следственные суды дополнительно полномочиями пениitenciарных судей.

На встрече Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшейся 10 декабря 2020 г., была высказана идея создания российского суда по правам человека [22]. Эта идея уже исследуется учеными-юристами [23]. Предполагаем возможным использовать в дальнейшем организационно-правовую модель следственно-пениitenciарного суда для формирования национального суда по правам человека. Традиционно суды по правам человека создаются и функционируют на наднациональном уровне. Национальный суд по правам человека – правовое явление, скорее уникальное. Здесь в первую очередь важен вопрос функционального содержания данного судебного органа. И по этому критерию следственно-пениitenciарный суд вполне возможно именовать национальным судом по правам человека, поскольку именно в сфере уголовного судопроизводства наиболее остро нуждаются в защите права и законные интересы граждан. В дальнейшем возможно эволюционно наращивать компетенцию данного суда, выводя ее за пределы уголовно-правовой сферы деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Правосудие в современном мире* / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. изд-во «Норма», 2017. 784 с.

2. Замышляев, Д. М. Судебная специализация: проблемы понятийного аппарата // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 122–130.
3. Петрякова А.В. Организационно-правовые вопросы в связи с введением института следственных судей в Российской Федерации // Администратор суда. 2021. № 1. С. 8–12. DOI: 10.18572/2072-3636-2021-1-8-12
4. Евдокимов В.Б., Степанов О.А. О конституционно-правовом закреплении особенностей деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 225–228. DOI: 10.17223/15617793/461/27
5. Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78. DOI: 10.17223/22253513/29/6
6. Идиоров Е.И. Правовой статус следственного судьи в Республике Казахстан // Юридические исследования. 2016. № 9. С. 53–57. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.9.19996
7. Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 220 с.
8. Руднев В.И. О необходимости введения в УПК РФ должности следственного судьи // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 105–107.
9. Официальный сайт Останкинского районного суда города Москвы. Состав суда. URL: http://ostankinsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=16 (дата обращения: 10.06.2021).
10. Зинченко И.А., Фетищева Л.М. Следственный судья как участник досудебного уголовного производства (компаративистский взгляд) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С. 41–44.
11. Молбасин С.И. Развитие института следственных судей как фактор укрепления судебной власти в Республике Казахстан // Очерки новейшей камералистики. 2018. № 4. С. 37–38.
12. Специализированный следственный суд г. Кокшетау Акмолинской области Республики Казахстан. URL: <https://akm.sud.kz/rus/sub/invest/istoriya-suda-2> (дата обращения: 27.05.2021).
13. Указ Президента Республики Казахстан от 28 июня 2018 г. № 708 «Об образовании, переименовании некоторых районных судов Республики Казахстан и кадровых вопросах судов Республики Казахстан». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=32509343#pos=0;0 (дата обращения: 27.05.2021).
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=33736800#activate_doc=2&pos=1405;-104&pos2=1330;-64 (дата обращения: 27.05.2021).
15. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан / Конституционный закон Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164#pos=5;-106 (дата обращения: 27.05.2021).
16. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев [и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Контракт, 2019. 212 с.
17. Фокин Е.А. Венецианская комиссия о проблемах правосудия в современном мире: исследования продолжаются // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 130–136. DOI: 10.12737/art.2019.2.18
18. Кулбаева М.М. Процессуальные и судостроительные гарантии независимости следственного судьи // Наука. 2020. № 3. С. 122–128. DOI: 10.47450/2306-451X-2020-66-3-122-128
19. Приказ Судебного департамента при ВС РФ от 11.04.2017 № 65 (ред. от 12.05.2020) «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217817/ (дата обращения: 27.05.2021).
20. Руднев В.И. Пенитенциарный судья. К вопросу о судебном контроле за исполнением наказаний // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 32–34.
21. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801–1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
22. Стенограмма встречи Президента Российской Федерации В.В. Путина с членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 г. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6513/> (дата обращения: 27.05.2021).
23. Затулина Т.Н. Институт прав человека: от концепции до конвергенции в формате Национального суда по правам человека // Российский судья. 2021. № 5. С. 49–53. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-5-49-53

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Institution of Investigating Judges: Genesis and Transformation of the Legal Model

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 58–64. DOI: 10.17223/23088451/18/10

Antonina V. Petryakova, Moscow International University (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonina_moscow@mail.ru

Keywords: investigating judge, investigative court, institute of investigating judges, national court of human rights, Russian court of human rights, penitentiary judge, specialization of judges, specialization of courts, judicial specialization, specialization of judicial activity, judicial system, judicial control in criminal proceedings, duty judge.

The judicial reform in Russia goes on and many provisions of the Concept of Judicial Reform of 1991 have been implemented. However, the institutions of investigating and penitentiary judges, provided by the Concept as a specialization of justices of the peace, have not yet been introduced. Academic and public discussion about the institution of investigative judges has intensified since 2014. Nowadays, there are several procedural models of this legal institution. However, the legal status of the investigating judge appears to be insufficiently developed. Using comparative and formal legal methods of research, the author examines the legal experience of post-

Soviet states that declare the formation of the institution of investigating judges in their judicial system to conclude that an investigating judge in many states has become a participant in criminal proceedings, but the institution of investigative judges has not been segregated into a separate judicial body, so the legal status of the investigating judge has not formed. In this regard, the author examines the institution of investigative judges of the Republic of Kazakhstan, in which it has undergone a significant transformation: from an investigating judge as a procedural figure to separate specialized investigative courts. Having studied the experience and recommendations of international expert organizations, the Republic of Kazakhstan is developing the idea of the institution of investigating judges in some possible perspective directions: finalization of the legal status of a judge of a specialized investigative court, harmonization of judicial and procedural legislation. Projecting the Kazakh model of a specialized investigative court onto the Russian judicial system, it is proposed to introduce specialized investigative courts in the Russian Federation with functionality that predominantly involves the exercise of judicial control functions. At the same time, the author notes that judicial control takes place both at the pre-trial stages of criminal proceedings and at the stage of execution of the judicial verdict. In this regard, it seems expedient to further build up the competence of a specialized investigative court and, on its basis, create a specialized investigative and penitentiary court, which in the future can become the basis for the formation of a national human rights court, the creation of which was proposed at a meeting of President of the Russian Federation V.V. Putin with members of the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights, held in December 2020.

References

1. Lebedev, V.M., Khabrieva, T.Ya., Avtonomov, A.S. et al. (2017) *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the Modern World]. 2nd ed. Moscow: Norma.
2. Zamyshlyayev, D.M. (2015) Judicial Specialization: Issues in Terminology. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2. pp. 122–130. (In Russian).
3. Petryakova, A.V. (2021) Organizational and legal issues related to the introduction of the investigating judge institution in the Russian Federation. *Administrator suda*. 1. pp. 8–12. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-3636-2021-1-8-12
4. Evdokimov, V.B. & Stepanov, O.A. (2020) On the Constitutional and Legal Consolidation of the Features of the Prosecution Bodies' Activities in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 225–228. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/27
5. Davydov, V.A. & Kachalova, O.V. (2018) Current trends of development of the Russian criminal legal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/6
6. Idivov, E.I. (2016) The legal status of an investigating judge in the Republic of Kazakhstan. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*. 9. pp. 53–57. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-7136.2016.9.19996
7. Kononov, S.G. (2018) *Elementy germanskoj modeli dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse postsovetsskikh gosudarstv* [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Rudnev, V.I. (2015) The necessity of introduction of the post of investigating judge in the CPC of the RF. *Vestnik Nizhegorodskoy pravovoy akademii*. 5(5). pp. 105–107. (In Russian).
9. *The Ostankino District Court of the City of Moscow*. Official website. [Online] Available from: http://ostankinsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=16 (Accessed: 10th June 2021).
10. Zinchenko, I.A. & Fetishcheva, L.M. (2015) Sledstvennyy sud'ya kak uchastnik dosudebnogo ugolovnogo proizvodstva (komparativistskiy vzglyad) [The investigating judge as a participant in pre-trial criminal proceedings (a comparative view)]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia*. 3. pp. 41–44.
11. Molbasin, S.I. (2018) Razvitiye instituta sledstvennykh sudey kak faktor ukrepleniya sudebnoy vlasti v Respublike Kazakhstan [Development of the institution of investigating judges as a factor in strengthening the judiciary in the Republic of Kazakhstan]. *Ocherki novykh kameralistiki*. 4. pp. 37–38.
12. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Spetsializirovannyi sledstvennyy sud g. Kokshetau Akmolinskoy oblasti Respubliki Kazakhstan* [Specialized Investigative Court of the City of Kokshetau, Akmola region of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://akm.sud.kz/rus/sub/invest/istoriya-suda-2> (Accessed: 27th May 2021).
13. The Republic of Kazakhstan. (2018) *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 28 iyunya 2018 g. № 708 “Ob obrazovanii, pereimenovanii nekotorykh rayonnykh sudov Respubliki Kazakhstan i kadrovyykh voprosakh sudov Respubliki Kazakhstan”* [Decree No. 708 of the President of the Republic of Kazakhstan of June 28, 2018, “On the formation, renaming of some district courts of the Republic of Kazakhstan and personnel issues of the courts of the Republic of Kazakhstan”]. [Online] Available from: http://continent-online.com/Document/?doc_id=32509343#pos=0;0 (Accessed: 27th May 2021).
14. The Republic of Kazakhstan. (2014) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 g. № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 02.01.2021)* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014, No. 231-V (with amendments and additions as of January 2, 2021)]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=33736800#activate_doc=2&pos=1405;-104&pos2=1330;-64 (Accessed: 27th May 2021).
15. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *O sudebnoy sisteme i statuse sudey Respubliki Kazakhstan / Konstitutsionnyy zakon Respubliki Kazakhstan* [On the judicial system and the status of judges of the Republic of Kazakhstan / Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164#pos=5;-106 (Accessed: 27th May 2021).
16. Golovanova, N.A., Gravina, A.A., Zaytsev, O.A. et al. (2019) *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal jurisdictional activity in the context of digitalization]. Moscow: Kontrakt.
17. Fokin, E.A. (2019) Venice commission on the problems of justice in the modern world: research continues. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2. pp. 130–136. (In Russian). DOI: 10.12737/art.2019.2.18.

18. Kulbaeva, M.M. (2020) Protsessual'nye i sudoustroystvennye garantii nezavisimosti sledstvennogo sud'i [Procedural and judicial guarantees of the independence of the investigating judge]. *Nauka*. 3. pp. 122–128.
19. Russian Federation. (2017) *Order No. 65 of the Judicial Department under the Armed Forces of the Russian Federation of April 11, 2017 (as revised on May 12, 2020) "On approval of the table of statistical reporting forms on the activities of federal courts of general jurisdiction, federal arbitration courts, justices of the peace and criminal records and statistical reporting forms on activities of federal courts of general jurisdiction, federal arbitration courts, justices of the peace and convictions"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217817/ (Accessed: 27th May 2021). (In Russian).
20. Rudnev, V.I. (2001) Penitentsiarnyy sud'ya. K voprosu o sudebnom kontrole za ispolneniem nakazaniy [Penitentiary judge. On the issue of judicial control over the execution of sentences]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 32–34.
21. The Supreme Court of the Russian Federation. (1991) Postanovlenie VS RSFSR ot 24 oktyabrya 1991 g. № 1801–1 "O kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR" [Resolution No. 1801-1 of the RSFSR Supreme Council of October 24, 1991, "On the concept of judicial reform in the RSFSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 1991. 44. Art. 1435.
22. Russian Federation. (2020) *Stenogramma vstrechi Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina s chlenami Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka 10 dekabrya 2020 g.* [Transcript of the meeting of the President of the Russian Federation V.V. Putin with members of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights on December 10, 2020]. [Online] Available from: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6513/> (Accessed: 27th May 2021).
23. Zatulina, T.N. (2021) Human Rights Institute from Concept to Convergence in the Format of the National Court of Human Rights. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 5. pp. 49–53. (In Russian).

Received: 10 September 2021

Т.К. Рябинина

**К ВОПРОСУ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДА
В ПЕРВОЙ СУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2021 г. по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (№ 0851-2020-0033).

Освещаются вопросы, связанные с расширением полномочий судьи по осуществлению контрольно-проверочной деятельности по поступившему в суд уголовному делу. Предлагается дополнить перечень вопросов, подлежащих выяснению судьей при проверке материалов уголовного дела, основания назначения предварительного слушания, в котором судья с участием сторон мог бы устранять многие нарушения закона, допущенные в досудебном производстве, а не возвращать дело прокуратуре по каждому обнаруженному недостатку.

Ключевые слова: *судебная власть, полномочия судьи, предварительное слушание*

Введение

С принятием УПК РФ, обусловленным современной судебной реформой, в российском обществе произошло переосмысление предназначения суда – из государственного органа, решавшего наряду с органами предварительного расследования и прокуратуры задачи по доказыванию виновности подсудимого (в том числе и путем осуществления процессуальных действий, имеющих обвинительный характер, не совместимых с функцией разрешения уголовного дела по существу), суд, пройдя длительный, сложный путь становления как органа одной из ветвей государственной власти, в совершенно новых, наполненных демократическим духом условиях преобразуется в орган, главными функциями которого являются: защита прав и законных интересов личности, общества, а не только интересов государства, от преступных посягательств; справедливое разрешение любого правового конфликта, отнесенного к его компетенции; восстановление нарушенных прав любого лица, обратившегося в суд, умиротворение противоборствующих сторон.

При этом в сфере уголовного судопроизводства наметилась положительная тенденция – деятельность суда теперь не ограничивается только лишь судебными стадиями, власть суда распространилась и на досудебное производство – институт судебного контроля за законностью возбуждения уголовного дела и осуществления предварительного расследования прочно занял свое место в ряду гарантий отправления справедливого правосудия, не позволяющих органам обвинения в ходе своей деятельности выходить за рамки закона. В силу концепции разделения властей миссия по отправлению правосудия возложена на суд как орган, независимый от других властей, самостоятельный от какого-либо внешнего влияния в разрешении правового вопроса, конфликта или спора. Только суд, имея особый правовой статус, в особой процедуре, вправе принимать решения, затрагивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, причем независимо от стадии, в которой осуществляется производство по делу, для чего суд наделяется соответствующими полномочиями для реализации стоящих перед ним задач на конкретной стадии процесса.

Методология

Методологическую основу исследования составляет комплекс философских, общенаучных и специально-юридических методов, позволяющих обеспечить широту и полноту исследования, а также обоснованность и достоверность сделанных выводов.

С помощью всеобщего диалектического метода познания изучаемые предмет и объект были исследованы в развитии, взаимообусловленности, взаимосвязи, с использованием таких диалектических категорий, как «общее, особенное и единичное», «явление и сущность», «причина и следствие», «содержание и форма», «целое и часть» и пр., применялись также общенаучные и специально-юридические методы. Среди общенаучных методов следует отметить методы абстрагирования, анализа, синтеза, а также системный и функциональный подходы, позволившие рассмотреть, понять и объяснить соотношение таких категорий, как судебная власть, правосудие и судопроизводство, определить место стадии назначения и подготовки судебного заседания в уголовном судопроизводстве и ее значение в реализации судебной власти; рассмотреть полномочия суда в настоящей стадии процесса как важные средства реализации судебной власти.

С помощью формально-юридического метода исследовалось содержание правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность на стадии назначения и подготовки судебного заседания, с точки зрения юридической техники, значение их толкования для правоприменительной практики.

Основное исследование

Деятельность суда по назначению и подготовке судебного заседания как отправление правосудия. Исследуя вопросы о сущности стадии назначения и подготовки судебного заседания, о роли суда в решении вопроса о дальнейшем движении поступившего в суд уголовного дела, о полномочиях суда в процессе создания необходимых условий для дальнейшего рассмотрения уголовного дела по существу и принятия

окончательного решения, необходимо отметить, что одним из самых дискутируемых как в теории, так и правоприменительной деятельности является вопрос, осуществляет ли при этом суд правосудие или его полномочия ограничиваются только организационно-подготовительными действиями и решениями, насколько эти полномочия «обеспечивают саму возможность суда действовать в уголовном судопроизводстве как власть самостоятельная, независимая, государственная» [1. С. 25–26].

Отношение к характеру и функциональной направленности деятельности суда в первой судебной стадии процесса со стороны ученых разноплановое [2. С. 124–137], и данный вопрос требует самостоятельного исследования. Исходя из этого, ограничимся тем, что, поддерживая позицию авторов, считающих, что правосудие по уголовным делам как особая форма реализации судебной власти, осуществляемая единственным органом – судом, заключается как в рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, так и в решении иных правовых вопросов, требующих разрешения в судебном порядке, согласимся с мнением И.Л. Петрухина, Г.П. Батунова, Т.Г. Морщаковой о том, что правосудие – это не только акт суда, разрешающий дело по существу, но и предшествующая его вынесению процессуальная деятельность суда. Поэтому деятельность суда по проверке материалов дела, которая является контрольной по отношению к возбуждению дела и предварительному расследованию и состоит в изучении дела и выявлении оснований для передачи его в судебное разбирательство, прекращения или возвращения его прокурору, характеризуется как осуществление правосудия [3. С. 45–46].

Л.А. Воскобитова высказывает идею такого же подхода к сущности судебной деятельности: «какую бы деятельность ни выполнял суд при производстве по уголовному делу, он всегда выступает как орган судебной власти, и сама судебная власть реализуется, таким образом, в уголовном судопроизводстве», а в содержание судебной власти включаются различные виды процессуальной деятельности суда в рамках уголовного судопроизводства, для реализации которых суду предоставляются достаточно широкие и разнообразные процессуальные полномочия [4. С. 82–83].

Полномочия суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания. Необходимо обратить внимание на тот факт, что законодатель нечетко и неполно определил полномочия суда в уголовном судопроизводстве. Так, в ст. 29 УПК РФ даже не упомянуто о полномочиях суда в стадии назначения и подготовки судебного заседания, что умаляет роль и значение не только настоящей стадии процесса, но и статус суда как органа правосудия.

Между тем (в силу особого, специфического положения этой стадии в уголовном судопроизводстве, а именно промежуточного между стадиями предварительного расследования и судебного разбирательства) характер судебной деятельности в этой стадии является контрольным по отношению к досудебному производ-

ству с точки зрения соблюдения органами предварительного расследования закона в ходе доказывания виновности обвиняемого в совершении преступления, обеспечения прав и законных интересов участников процесса в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, для чего закон предоставляет суду широкие полномочия по проверке поступивших в суд материалов уголовного дела и принятию решения о движении уголовного дела в следующую стадию или иного решения, связанного с их устранением – в случае выявления каких-либо препятствий рассмотрения дела судом [5. С. 77; 6. С. 340; 7. С. 15; 8. С. 32; 9. С. 30; 10. С. 8; 11. С. 566]. Кроме того, в первой судебной стадии закон ставит перед судом еще и задачу подготовить надлежащие условия для успешного рассмотрения и разрешения уголовного дела в стадии судебного разбирательства при принятии решения о назначении судебного заседания. То есть особенное в характеристике данной стадии заключается в ее двояком характере – контрольно-подготовительном, что неразрывно с осуществлением судом функции разрешения уголовного дела по существу.

Подтверждением данному тезису могут служить те властные полномочия, которые предоставлены суду для реализации судебной власти в стадии назначения и подготовки судебного заседания. В целях выполнения первой задачи – проверки законности проведения досудебного производства – судья в настоящей стадии, являющейся барьером на пути тех уголовных дел, по которым органами предварительного расследования были допущены серьезные нарушения закона, причем как материально-правового, так и процессуального, а также ошибки, упущения, препятствующие рассмотрению уголовного дела по существу в следующей стадии процесса – судебного разбирательства, обязан отреагировать на эти недостатки, устранив их самостоятельно или, во избежание возложения на себя обвинительной функции, возвратить уголовное дело прокурору или принять другие решения, определяющие дальнейшую судьбу уголовного дела, вплоть до окончательного разрешения дела путем его прекращения. При отсутствии препятствий к рассмотрению уголовного дела по существу, что может быть установлено в результате проверки материалов поступившего в суд уголовного дела, судья принимает решение о назначении судебного заседания и проводит подготовительные мероприятия, используя для этого определенные организационно-распорядительные полномочия [11. С. 100, 103].

Осуществлять такую деятельность судья вправе только при наличии у него достаточных процессуальных средств, позволяющих ему проявить свою власть. Полномочия суда, которыми он наделяется в настоящей стадии процесса, можно сгруппировать, исходя из того, в какой форме будет принято решение по поступившему уголовному делу – в обычной, без проведения предварительного слушания, или усложненной – на предварительном слушании, с участием сторон и с учетом их мнения.

К полномочиям, которые судья вправе осуществлять без участия сторон, закон относит полномочия по выяс-

нению вопросов, не имеется ли обстоятельств, исключающих участие данного судьи в производстве по уголовному делу, переданному ему на рассмотрение; о правильности поступления уголовного дела именно в данный суд по установленным законом правилам подсудности, а также вопроса, не имеется ли оснований для назначения предварительного слушания.

Рассмотрев эти вопросы, судья вправе принять решения: о самоустранении от участия в производстве по поступившему в суд уголовному делу и возвращении его председателю суда; о направлении уголовного дела по подсудности, не дав тем самым хода уголовному делу в следующую стадию процесса. Если подобные препятствия не будут выявлены, а также если не будут установлены основания для проведения предварительного слушания, то судьей принимается решение о назначении судебного заседания.

К полномочиям, осуществляемым судьей на предварительном слушании, закон относит принятие решений: по возвращению уголовного дела прокурору; приостановлению производства по уголовному делу; прекращению уголовного дела, в том числе и по ст. 25¹ УПК РФ; отложению судебного заседания; выделению уголовного дела в отдельное производство; соединению уголовных дел в одно производство.

Наряду с этими решениями судья также вправе на предварительном слушании принять решения о самоустранении от участия в судопроизводстве или об удовлетворении ходатайства какого-либо участника предварительного слушания о его отводе, о направлении уголовного дела по подсудности и основное решение настоящей стадии – о назначении судебного заседания. Также, независимо от процедуры разрешения отнесенных к компетенции суда в настоящей стадии процесса вопросов, судья уполномочен при назначении судебного заседания для разбирательства уголовного дела по существу принять решения: о предоставлении сторонам по их просьбе возможности для дополнительного ознакомления с материалами уголовного дела; о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества; об изменении, отмене, избрании меры пресечения. Кроме того, принимая решение о назначении судебного заседания на предварительном слушании, судья обязан разрешить ходатайства сторон (при их наличии) об исключении недопустимых доказательств и отразить результат их рассмотрения в постановлении о назначении судебного заседания.

Немаловажную роль в создании эффективных условий для разрешения уголовного дела по существу играют и полномочия судьи, связанные с подготовкой судебного заседания по разбирательству уголовного дела, – по предоставлению возможности сторонам по их просьбе дополнительно ознакомиться с материалами уголовного дела; по обеспечению участия в судебном заседании сторон, прежде всего защитника, в случаях, предусмотренных законом (извещение сторон о месте, дате и времени судебного заседания, распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в постановлении о назначении судебного заседания; о

доставлении в суд подсудимого, содержащегося под стражей); о подготовке зала судебного заседания, в том числе необходимых технических средств; о принятии мер по охране свидетелей и потерпевших и пр. Эти полномочия носят в большей степени организационно-обеспечительный характер, но от того, насколько четко и в установленные ли сроки они будут осуществлены, зависит в конечном итоге и эффективность дальнейшей деятельности суда – по рассмотрению уголовного дела и принятию по нему окончательного решения.

Единственное решение, которое судья не вправе принимать в стадии назначения и подготовки судебного заседания, – это решение о виновности подсудимого, однако такое ограничение не свидетельствует об умалении роли суда как органа правосудия, а лишь подчеркивает, что для принятия такого решения необходимы особые условия для полного, всестороннего, гласного, непосредственного исследования доказательств, которые в данной стадии процесса отсутствуют. Да и задачи на данном этапе у судьи несколько иные – установить наличие достаточных оснований для назначения судебного разбирательства по поступившему в суд делу, создать надлежащие условия для его окончательного разрешения, используя имеющиеся для этого властные полномочия.

В стадии назначения и подготовки судебного заседания законодатель наделяет судью теми полномочиями, которые исходят из конкретных задач, поставленных перед ним на данном этапе уголовного судопроизводства, и обеспечивают реализацию судом своего главного предназначения – осуществления правосудия. Отправляя правосудие в настоящей стадии процесса через правоприменительную деятельность в особой процедуре, используя особые полномочия, принимая особые решения, связанные с дальнейшим движением уголовного дела, суд (через деятельность судьи) является единственным носителем судебной власти в этой стадии. Специфический, контрольно-подготовительный, характер его полномочий в данной стадии процесса, процедура осуществления такой деятельности и характер принимаемых решений в полной мере свидетельствуют о властном статусе суда [12. С. 45–47; 13. С. 96–97].

Однако нельзя не признать, что, несмотря на предпринятые российским законодателем шаги по дальнейшему реформированию уголовного судопроизводства в сторону возвращения суду истинного его предназначения, в стадии назначения и подготовки судебного заседания законодатель, напротив, сужает объем полномочий суда, сведя их, по мнению отдельных авторов, к разрешению формальных, процедурных вопросов, связанных только лишь с подготовкой к судебному разбирательству [14. С. 7; 15. С. 7; 16. С. 5–6; 17. С. 38], что порождает сомнения в том, что в этой стадии отправляется правосудие. Действительно, есть основания полагать, что многочисленные изменения и дополнения, внесенные в правовое регулирование настоящей стадии, постоянно меняющиеся правовые позиции Конституционного Суда РФ, привнесли неопределенность и нестабильность в правоприменительную практику, что негативным образом отразилось на авторитете суда.

Изменить критическое отношение к характеру судебной деятельности в стадии назначения и подготовки судебного заседания возможно только путем продолжения реформирования этой деятельности в направлении расширения властных полномочий судьи по принятию решений на данном этапе, в том числе предоставив судье большие возможности по инициированию рассмотрения отдельных вопросов, связанных с выявлением и самостоятельным устранением нарушений, допущенных в досудебном производстве, созданием эффективных условий для разрешения уголовного дела, в первую очередь обеспечивая сторонам реальные возможности влиять на характер принимаемых в этой стадии судьей решений.

В связи с этим полагаем дополнить перечень вопросов, которые судья обязан выяснить по переданному ему делу (ч. 1 ст. 228 УПК РФ), следующими: не имеется ли обстоятельств, исключающих участие судьи в производстве по уголовному делу, переданному ему на рассмотрение; допущены ли по уголовному делу нарушения уголовно-процессуального закона; обеспечено ли участие переводчика, а также перевод необходимых документов в случаях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 18 УПК РФ (соответственно дополнив ч. 2 ст. 231 УПК РФ, посвященную содержанию и структуре постановления о назначении судебного заседания, пунктом о вызове в судебное разбирательство переводчика в необходимых случаях); имеются ли в материалах уголовного дела, по которому с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, необходимые документы для его рассмотрения в особом порядке; п. 2 ч. 1 этой же статьи дополнить нормой о необходимости выяснения судьей ряда вопросов (вручена ли обвиняемому копия обвинительного постановления, копия постановления прокурора об изменении обвинения, копия постановления следователя, дознавателя о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, его защитнику и законному представителю, вручены ли прокурором защитнику обвиняемого копия обвинительного заключения (акта, постановления) в случае заявления обвиняемым ходатайства о назначении судебного заседания в его отсутствие); п. 5 ст. 228 УПК РФ целесообразно изложить следующим образом: «разъяснено ли лицу, которому причинен вред преступлением, право на возмещение вреда и предъявление гражданского иска, право заявлять ходатайство о принятии мер по обеспечению гражданского иска; предъявлен ли гражданский иск; приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества».

Предварительное слушание как оптимальная модель реализации судебной власти на стадии назначения и подготовки судебного заседания. Дифференцированный подход к регулированию деятельности суда в настоящей стадии процесса отвечает современным потребностям правового регулирования уголовно-судопроизводства. Введение предварительного слу-

шания как одного из видов судебного заседания (наряду с единоличными действиями судьи по решению вопроса о дальнейшем движении поступившего в суд уголовного дела), на котором судья с участием сторон решает спорные, сложные, важные вопросы, касающиеся обеспечения прав и законных интересов сторон на данном этапе, формирования доказательственной базы для последующего судебного разбирательства, выявления и устранения нарушений закона, допущенных в досудебном производстве, и препятствий рассмотрения дела по существу, свидетельствует о том, что усиление правозащитной роли суда и обеспечение состязательности сторон при разрешении правовых конфликтов в уголовном судопроизводстве являются главными направлениями продолжающейся судебной реформы, обеспечивающей создание надежных гарантий по отправлению правосудия. На наш взгляд, именно предварительное слушание на сегодняшний день является наиболее оптимальной формой судебной деятельности по отправлению правосудия в стадии назначения и подготовки судебного заседания, правила проведения которого в условиях состязательности необходимо шире использовать и суду, и сторонам для реализации поставленных в этой стадии задач.

Особенно важно проведение предварительного слушания в случаях необходимости возвращения уголовного дела прокурору, в первую очередь по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК (обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований настоящего Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления). Сложность применения данного основания обусловлена тем, что судами оно используется фактически во всех случаях обнаружения нарушений, допущенных органами уголовного преследования, препятствующих рассмотрению судами уголовных дел и вынесению законных, обоснованных и справедливых решений [18. С. 8–9]. Вместе с тем полномочие судьи по возвращению уголовного дела прокурору для устранения выявленных на стадии назначения и подготовки судебного заседания препятствий рассмотрения его судом, будучи действенным средством реализации судебной власти в данной стадии процесса, должно использоваться только в исключительных случаях – когда судья лишен возможности самостоятельно устранить эти препятствия иными имеющимися у него средствами на данном этапе судопроизводства.

Поэтому предлагаем исключить из закона следующие основания возвращения уголовного дела прокурору:

– «невручение копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления обвиняемому» (п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), введя процедуру вручения указанных документов прокурором на предварительном слушании;

– «есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера»

(п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), дополнив ст. 440 УПК РФ частью второй и частью первой ст. 236 УПК РФ пунктом 2¹ следующего содержания: «о возвращении уголовного дела прокурору для производства предварительного расследования в порядке, установленном разделом VIII настоящего Кодекса в случае, предусмотренном частью второй статьи 440 настоящего Кодекса», введя в связи с этим самостоятельное основание проведения предварительного слушания – в случае необходимости принятия решения, предусмотренного п. 2¹ ч. 1 ст. 236 УПК РФ, для чего ч. 2 ст. 229 УПК РФ надо также дополнить новым пунктом;

– «если при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 УПК РФ» (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), введя правило о разъяснении указанных прав на предварительном слушании.

Такие меры позволяют укрепить статус судьи как носителя судебной власти при отправлении правосудия в стадии назначения и подготовки судебного заседания путем использования широкого комплекса властных полномочий, обеспечивающих судебную защиту прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства, а также эффективное рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Выводы

В заключение подведем некоторые итоги.

1. Особенности стадии назначения и подготовки судебного заседания как переходного этапа от стадии предварительного расследования к стадии судебного разбирательства предопределили особый характер задач, стоящих перед судом, и обусловили двоякую сущность деятельности судьи на данном этапе: контрольно-проверочную и организационно-распорядительную,

что, соответственно, отразилось и на характере полномочий судьи по осуществлению каждой из этих видов деятельности.

2. Дифференцированный подход к правовому регулированию деятельности суда на первой судебной стадии нашел свое выражение во введении обычного порядка, когда судья без проведения судебного заседания принимает решение о дальнейшем движении уголовного дела, и усложненного, путем проведения предварительного слушания, – для тех случаев, когда необходимо разрешить сложные или спорные вопросы с участием сторон.

3. Характер и объем полномочий, предоставленных судье для решения вопросов, входящих в его компетенцию, а также сущность и содержание решений, принимаемых судьей по поступившему в суд уголовному делу, свидетельствуют о том, что, во-первых, независимо от характера вопросов, рассматриваемых на данной стадии, и решений, принимаемых по ним, судья осуществляет правосудие, а во-вторых, деятельность судьи в настоящей стадии независимо от процедуры, в рамках которой она осуществляется, имея властный характер, является формой реализации судебной власти.

4. Направленные на создание необходимых условий для разрешения уголовного дела по существу, полномочия судьи по назначению и подготовке судебного заседания в совокупности с иными властными полномочиями судьи являются важными средствами реализации судебной власти на данном этапе, поскольку обеспечивают достижение назначения уголовного судопроизводства – защиту прав и законных интересов участников процесса. Однако в целях укрепления судебной власти необходимо дальнейшее совершенствование правового статуса судьи в настоящей стадии процесса путем расширения объема его властных полномочий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воскобитова Л.А.* Разрешение дела судом как функция судебной власти // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М. : МГЮА, 2002. С. 25–27.
2. *Рябинина Т.К.* Стадия назначения судебного заседания как правовой институт, этап уголовного судопроизводства и процессуальная деятельность суда // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 124–137.
3. *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морицакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М. : Наука, 1979. 392 с.
4. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : Юрист, 2004. 800 с.
5. *Перлов И.Д.* Предание суду в советском уголовном процессе. М. : МЮ СССР, 1948. 200 с.
6. *Строгович М.С.* Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. М., 1946. 340 с.
7. *Лазарева В.А.* Предварительное судебное производство в уголовном процессе Российской Федерации : учеб. пособие. Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2000. 61 с.
8. *Юркевич Н.А.* Институт предания суду в России от реформы до реформы. Томск : Изд-во Том. ун-та. 102 с.
9. *Ковтун Н.Н., Юнусов А.А.* Стадия подготовки дела к судебному разбирательству: закономерный итог «закономерных реформ» // Следователь. 2005. № 5. С. 28–35.
10. *Шигуров А.В.* Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 26 с.
11. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2013. 1008 с.
12. *Рябинина Т.К.* Стадия назначения судебного заседания. Курск, 2007. 194 с.
13. *Рябинина Т.К.* Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее. М. : Юрлитинформ, 2016. 240 с.
14. *Миронова Г.И.* Подготовка к судебному заседанию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
15. *Якимович Ю.К.* Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке : учеб. пособие. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015. 124 с.

16. Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Ч. XII. Подготовка к судебному заседанию. Общие условия судебного разбирательства. М. : РТУ (МИРЭА), 2018. 110 с.
17. Кальницкий В.В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 34–41.
18. Рябинина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российский следователь. 2013. № 24. С. 6–9.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

On Strengthening the Legal Status of the Court in the First Trial Stage of the Criminal Procedure

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 65–70. DOI: 10.17223/23088451/18/11

Tatiana K. Ryabinina, Southwestern State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru

Keywords: judiciary, powers of a judge, preliminary hearing.

The article analyzes the issues related to the powers of the court at the stage of appointment and preparation of the court session, ensuring the implementation of the judiciary at the present stage of the criminal process, including the following issues: features of the control, verification, organizational, and administrative activities of the court as a form of exercising the judicial power; a differentiated approach to modern legal regulation of judicial activity in the studied stage of the process of administering justice; the need to improve the legal status of a judge as the sole bearer of judiciary by expanding the scope of their powers when deciding on a criminal case submitted to the court.

References

1. Voskobitova, L.A. (2002) Razreshenie dela sudom kak funktsiya sudebnoy vlasti [Resolution of the case by the court as a function of the judiciary]. *Materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., posvyashchennoy prinyatiyu novogo Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Proceedings of the International Conference on Adoption of the New Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: MSLA. pp. 25–27.
2. Ryabinina, T.K. (2019) Appointment of court hearing as a legal institution, stage of criminal proceedings and court procedural activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 34. pp. 124–137. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/34/12
3. Petrukhin, I.L., Baturov, G.P. & Morshchakova, T.G. (1979) *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya* [Theoretical foundations of the effectiveness of justice]. Moscow: Nauka.
4. Lupinskaya, P.A. (ed.) (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist.
5. Perlov, I.D. (1948) *Predanie sudu v sovetskom ugolovnom protsesse* [Submission to trial in the Soviet criminal process]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
6. Strogovich, M.S. (1946) *Ugolovnyy protsess: uchebnik dlya yuridicheskikh institutov i fakul'tetov* [Criminal Procedure: A Textbook for Law Institutes and Faculties]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
7. Lazareva, V.A. (2000) *Predvaritel'noe sudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Preliminary court proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation]. Samara: Samara Academy for the Humanities.
8. Yurkevich, N.A. (2003) *Institut predaniya sudu v Rossii ot reformy do reform* [Institution of Judgment in Russia from Reform to Reform]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kovtun, N.N. & Yunusov, A.A. (2005) Stadiya podgotovki dela k sudebnomu razbiratel'stvu: zakonodernyy itog “zakonomernykh reform” [The stage of preparation of the case for trial: the natural result of “regular reforms”]. *Sledovatel'*. 5. pp. 28–35.
10. Shigurov, A.V. (2004) *Podgotovka ugolovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Preparation of a criminal case for a trial in the Russian criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Izhevsk.
11. Lupinskaya, P.A. & Voskobitova, L.A. (2013) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Criminal procedure law of the Russian Federation]. 3rd ed. Moscow: Norma; INFRA-M.
12. Ryabinina, T.K. (2007) *Stadiya naznacheniya sudebnogo zasedaniya* [The stage of the court session appointment]. Kursk: Kursk State Technical University.
13. Ryabinina, T.K. (2016) *Osobennosti realizatsii sudebnoy vlasti v stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya: proshloe i nastoyashchee* [Judiciary implementation at the stage of court session appointment: past and present]. Moscow: Yurlitinform.
14. Mironova, G.I. (2005) *Podgotovka k sudebnomu zasedaniyu* [Preparation for the court session]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
15. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Rassmotrenie ugolovnykh del sudom pervoy instantsii v obychnom poryadke* [Consideration of criminal cases by the court of first instance in the usual manner]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
16. Belkin, A.R. (2018) *UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnye uluchsheniya* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: constructive criticism and possible improvements]. Moscow: RTU (MIREA).
17. Kalnitskiy, V.V. (2017) Ponyatie i znachenie stadii naznacheniya i podgotovki sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom protsesse [The concept and meaning of the stage of appointment and preparation of the trial in the criminal process]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 4(67). pp. 34–41.
18. Ryabinina, T.K. (2013) Return of the criminal case to the prosecutor: old problems in a new perspective. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 24. pp. 6–9. (In Russian).

Received: 24 September 2021.

М.К. Свиридов

ОТНОШЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Реализация принципа состязательности создает условия для обеспечения справедливого судебного разбирательства и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. Одним из проявлений указанного принципа является закрепление в УПК РФ права защитника собирать доказательства (ст. 86 УПК РФ). Автор пришел к выводу о необходимости определить механизм собирания доказательств защитником при отсутствии добровольного согласия обладающего доказательственной информацией лица (либо организации) сотрудничать с защитником.

Ключевые слова: принцип состязательности, следователь, защитник, доказывание, собирание доказательств

В соответствии со ст. 123 Конституции РФ, «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». В настоящее время состязательность как принцип уголовного судопроизводства предусмотрена ст. 15. УПК РФ. Такое нормативное закрепление не внесло ясности в вопрос о том, является ли состязательность принципом уголовного процесса в целом и на какие стадии распространяет это основополагающее положение свое действие. Одни авторы полагают, что принцип состязательности действует как в ходе досудебного, так и судебного производства [1. С. 43]. Другие считают, что принцип состязательности на стадии предварительного расследования присутствует, но реализуется не в полной мере. Подобная позиция получила широкое распространение среди ученых [2. С. 13–14; 3. С. 5; 4; 5. С. 63]. Ряд ученых полагают, что этот принцип реализуется только на судебной стадии уголовного судопроизводства и действие его в ходе досудебного производства декларативно. В свою очередь Н.П. Кириллова обращает внимание на то, что принцип состязательности не в полной мере реализуется и в ходе судебного разбирательства [6]. Между тем не вызывает спора утверждение, что реализация состязательности создает условия для обеспечения справедливого судебного разбирательства и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения.

Действительно, в розыском процессе, каким является российский уголовный процесс, в полном объеме состязательность может быть реализована в судебном производстве. Непременным условием состязательности является равенство сторон – обвинения и защиты, что, кстати, закреплено в упоминаемой ранее статье Конституции РФ, а также в ст. 15 УПК РФ, предусматривающей, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Равенство же главным образом выражается в следующем: обе стороны должны быть снабжены для состязания равными процессуальными возможностями и вполне достаточным для этого набором доказательств. Собираение доказательств по российскому уголовному процессу осуществляется в основном на предварительном расследовании. Значит, для успешного состязания в суде, еще до судебного разбирательства, во время расследования, обеим сторонам должны быть созданы максимальные условия для получения ими необходимого набора доказательств.

Таким образом, принцип состязательности, предназначенный в основном для судебного разбирательства, должен оказать влияние и на предварительное расследование.

Ранее действовавший УПК РСФСР ставил прокурора-обвинителя в существенно более выгодное положение, так как для собирания доказательств в его распоряжении находились снабженные всеми властными полномочиями следственный и оперативно-розыскной аппараты. Положение же в процессе собирания доказательств другой стороны – защиты (защитника) было совершенно иным. По УПК РСФСР, защитник, по существу, имел только одну реальную возможность собирать необходимые ему доказательства: через следователя, путем заявления последнему ходатайств, которые оценивались следователем и могли быть удовлетворены или отклонены. Защитник полностью зависел от следователя и не имел объективной возможности реализовать права в целях осуществления эффективной защиты. Собираение доказательств защитником было поставлено под контроль следователя, что значительно затрудняло возможность защитника еще до суда получить необходимый ему для будущего состязания набор доказательств. Это являлось одной из главных причин некоторого искажения выполнения их задач: вместо состязания путем представления суду оправдательных доказательств, необходимым набором которых защитник не обладал, он в основном сосредоточивал усилия на отыскании ошибок следователя.

Учитывая это, законодатель, работая над действующим уголовно-процессуальным законом, предпринял попытку внести в вышеописанную ситуацию серьезные изменения.

Во-первых, закрепляя принцип состязательности сторон в уголовном процессе, законодатель разграничил функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, предусмотрев, что они не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ст. 15 УПК РФ).

Во-вторых, в законе четко определена сущность деятельности следователя – он является органом уголовного преследования. Представляется, что таким образом законодатель попытался определить функцию следователя, упраздняя положение, при котором следователь являлся

одновременно органом уголовного преследования и фактически осуществлял защитительную функцию, собирая и обвинительные, и оправдательные доказательства (ст. 20 УПК РСФСР), что противоречило законам психологии и порождало обвинительный уклон.

В то же время следует отметить, что определив в ст. 73 УПК РФ предмет доказывания, законодатель возложил на следователя как должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование по уголовному делу, и обязанность собирать доказательства, характеризующие личность обвиняемого, исключаящие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, несмотря на отнесение следователя к стороне обвинения, за ним фактически сохранилась обязанность собирать доказательства как изобличающие виновное лицо, так и опровергающие обвинение. Периодически предпринимаются попытки нормативно закрепить существующую дихотомию статуса следователя как субъекта доказывания. В частности, речь идет о ныне уже отозванном законопроекте Следственного комитета РФ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», предполагавшем становление процессуальной фигуры следователя как «объективного исследователя», обязанного «сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании» [7].

Однако, как уже отмечалось, такое положение вещей противоречит законам психологии и логике УПК РФ, отнесшего следователя к участникам со стороны обвинения, в связи с чем подобный вектор развития уголовно-процессуального законодательства представляется нежелательным. Следует согласиться с позицией В.А. Лазаревой, согласно которой «процессуальная форма познавательной деятельности дознавателя, следователя не может претендовать на роль инструмента, обеспечивающего достоверность, правильность, объективность содержания доказательственной информации, поскольку самому субъекту познания на законодательном уровне отказано в привилегии считаться более объективным и незаинтересованным, чем вторая сторона» [8. С. 24].

В-третьих, при разработке действующего УПК РФ была предпринята попытка существенно расширить возможности защитника собирать необходимые ему доказательства до суда, при расследовании. Несмотря на то что ч. 1 ст. 86 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому сбор доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник наделен правом собирать доказательства путем опроса граждан, получения предметов и документов и иных сведений, истребования от организаций и лиц справок, характеристик и иных документов.

Казалось бы, действующий УПК РФ дает все возможности обеим сторонам – обвинителю и защитни-

ку – еще в досудебном производстве получить необходимый им набор доказательств и тем самым хорошо подготовиться к будущему судебному состязанию. Однако более глубокое изучение убеждает, что это не так. Как представляется, главным недостатком закрепленной в УПК РФ конструкции видится в следующем: в отличие от подробной регламентации деятельности следователя, закрепленные в УПК РФ довольно широкие полномочия защитника по сбору доказательств, как уже было показано, никак не подкреплены механизмом их реализации. Без отсутствия же такового они остаются благими намерениями, не имеющими возможности претвориться в жизнь. В частности, до сих пор не проработана основа механизма: с помощью каких правомочий защитник должен собирать доказательства, если встретит в этом противодействие либо даже простое нежелание обладателей доказательственной информации сотрудничать с защитником? Известно, что сбор доказательств часто сопровождается применением принуждения, которое и использует следователь, наделенный властными полномочиями. УПК РФ никакими властными полномочиями защитника не наделяет. В то же время, в отличие от следователя, защитник – не должностное лицо, не государственный служащий, и наделять его властными полномочиями недопустимо.

Таким образом, довольно широкие полномочия защитника по самостоятельному сбору доказательств могут быть реализованы при одном условии: если есть добровольное согласие обладающего доказательственной информацией лица (либо организации) сотрудничать с защитником. Если же согласия нет, то защитник оказывается бессильным самостоятельно собрать необходимый ему набор доказательств. УПК РФ предлагает защитнику прибегнуть к проверенному способу: заявить ходатайство следователю. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что «закрепленное в статье 86 УПК Российской Федерации право подозреваемого, обвиняемого, их защитников собирать и представлять доказательства является одним из важных проявлений права данных участников процесса на защиту от уголовного преследования и формой реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации). Этому праву соответствует обязанность дознавателя, следователя и прокурора в ходе предварительного расследования рассмотреть каждое заявленное в связи с исследованием доказательств ходатайство, причем в силу части второй статьи 159 УПК Российской Федерации подозреваемому или обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, установление которых они ходатайствуют, имеют значение для конкретного уголовного дела» [9].

Таким образом, исключается возможность произвольного отказа в удовлетворении такого ходатайства, но не возможность отказа в принципе, при этом следователь сам оценивает значение представленных защитником материалов для уголовного дела. В.В. Ясельская в этой связи верно отмечает, что «представляется нелогичным, когда ходатайства, направленные на получение

ние оправдательных доказательств, защитник адресует своему процессуальному противнику» [10. С. 82]. Такой механизм вновь возвращает нас к положению, от которого законодатель стремился в своей изначальной редакции уйти: защитник если не все, то большую часть доказательств собирает с помощью и под контролем следователя – органа уголовного преследования, с неизбежным появлением тех отрицательных последствий, о которых говорилось ранее.

Неодинаково решается вопрос о праве защитника собирать доказательства и в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств. Так, в УПК Республики Казахстан закреплено право защитника получать *сведения*, необходимые для осуществления защиты, представления интересов потерпевшего, посредством истребования справок, характеристик, других документов, инициирования на договорной основе производства экспертизы или направления запроса о производстве экспертизы, привлечения на договорной основе специалиста, опроса лиц с их согласия (ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан). При этом защитник вправе представлять сведения как в устной, так и письменной форме либо в форме электронного документа, а также предметы и документы для приобщения их в качестве доказательств к уголовному делу [11]. Иначе решен вопрос в УПК Республики Беларусь. В соответствии с ч. 3 ст. 103 Кодекса, «защитник вправе представлять *доказательства* и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи, путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний», часть 4 той же статьи относит защитника к числу участников, наделенных правом представления доказательств [12]. Аналогичным правом наделен защитник и по УПК Украины [13].

С учетом анализа положений уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран и противоречий в действующем отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, думается, что выход должен быть иным, нежели с применением существующего порядка, предусмотренного УПК РФ. Как представляется, он может быть выражен и в следующих выводах.

Во-первых, следователь в своей деятельности должен быть освобожден от «двуликости», даже частичной. Как субъект уголовного преследования, отнесен-

ный законодателем к участникам со стороны обвинения, следователь должен собирать только обвинительные доказательства и осуществлять другие действия обвинительного характера.

Во-вторых, реализация защитником правомочий по защите прав и интересов обвиняемого (подозреваемого) и оказанию им юридической помощи при производстве по делу не должна зависеть от лица, в производстве которого находится уголовное дело. В литературе в качестве положительных изменений в порядке уголовного судопроизводства отмечается исключение процедуры допуска защитника к участию в уголовном деле (ч. 2 и 4 ст. 49 УПК РФ) [14]. Между тем практика показывает, что фактически такое решение лица, в производстве которого находится дело, необходимо в отдельных случаях для посещения доверителя в местах содержания задержанных и находящихся в изоляции, для участия в следственных действиях.

В-третьих, защитник как субъект функции защиты должен самостоятельно, используя предоставляемые ему права, собирать необходимые ему доказательства для последующего их использования в состязании с обвинителем в суде.

В-четвертых, если защитник не может получать доказательства в силу отсутствия у него властных полномочий, ему должно быть предоставлено право обратиться за содействием к следователю. При этом следователь, в отличие от существующего положения, не должен оценивать целесообразность получения требуемого защитником доказательства, поскольку сам орган уголовного преследования. Следователь в такой ситуации, как обладатель властных полномочий, должен выступить как властный исполнитель безвластного, но равного ему по закону субъекта, иначе говоря, предоставить защитнику на время свои властные полномочия (естественно, с соблюдением всех предусмотренных законом для производства того или иного действия правил).

В-пятых, поскольку суд (судья) предварительно, еще до судебного заседания оценивает всю совокупность доказательств (в стадии подготовки к судебному заседанию либо в порядке предварительного слушания), то все полученные самим защитником доказательства, так же как и полученные с помощью следователя, должны приобщаться к делу на стадии расследования. Причем следователь должен их приобщить к делу без всякой оценки (опять-таки потому, что он – орган уголовного преследования). Оценку приобщенных к делу доказательств будет давать суд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисимбаев Д. Сущность принципа состязательности в досудебной и судебной стадии уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №1 (16). С. 43–46.
2. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и неиллюзорным // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 10–14.
3. Буфетова М.Ш., Демешко И.В. Участие защитника при производстве судебной экспертизы: проблемы доказательственного аспекта // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 3–6.
4. Ясельская В.В. Проблемы реализации принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2016. С. 122–124.

5. Отчерцова О.В. Введение института следственных судей: станет ли предварительное следствие более состязательным? // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 63–66.
6. Кириллова Н.П. Состязательность судебного разбирательства и установление истины по уголовному делу // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 1. С. 93–100.
7. Проект Федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.01.2014). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=114660#X9zYznS0LVrLCld3> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1(36). С. 22–27.
9. По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса РФ : определение Конституционного суда РФ от 21 дек. 2004 г. № 467-О // СПС Гарант (дата обращения: 12.10.2021).
10. Ясельская В.В. Реализация принципа состязательности на стадии предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 1(19). С. 82–87.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 01.11.2021).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 01.11.2021).
13. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&pos=1175;-31#pos=1175;-31 (дата обращения: 01.11.2021).
14. Гриненко А.В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 35–40.

The Relationship of the Investigator and the Defense Attorney in the Process of Collecting Evidence

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 71–75. DOI: 10.17223/23088451/18/12

Mikhail K. Sviridov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: adversarial principle, investigator, defense lawyer, proof, collection of evidence.

One of the manifestations of the adversarial principle is the legal definition of the investigator as the body of criminal prosecution. The investigator should be exempted from even the partial “two-facedness”, i.e. the investigator should collect only accusatory evidence and carry out other accusatory actions. In addition, it is necessary to determine the mechanism for collecting evidence by the defense attorney in the absence of the voluntary consent of the person (or organization) with evidentiary information to cooperate with the defense lawyer. If there is no such consent, then the defense attorney, as a subject of the defense function, must use the rights granted to him/her to collect independently the evidence necessary for the subsequent contest with the prosecutor in court. In the case when it is not possible to collect evidence due to the lack of consent of the persons in their presentation, the defense attorney should be given the right to seek assistance from the investigator.

References

1. Bisimbaev, D. (2018) The essence of the adversarial principle in the pre-trial and judicial stage of the criminal process. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika – Legal Order: History, Theory, Practice*. 1(16). pp. 43–46. (In Russian).
2. Andreeva, O.I. (2016) The right to defense should be real, feasible and not illusory. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 10–14. (In Russian).
3. Bufetova, M.Sh. & Demeshko, I.V. (2019) Participation of a Defense Attorney in Carrying out of a Forensic Examination: Issues of the Evidentiary Aspect. *Advokatskaya praktika – Advocate’s Practice*. 1. pp. 3–6. (In Russian).
4. Yaselskaya, V.V. (2016) Problemy realizatsii printsipa sostyazatel’nosti na stadii predvaritel’nogo rassledovaniya [Problems of the Adversarial Principle Implementation at the Stage of Preliminary Investigation]. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti*. pp. 122–124.
5. Otchertsova, O.V. (2015) The introduction of the institution of the investigating judges: will the preliminary investigation is more competitive? *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 8. pp. 63–66. (In Russian).
6. Kirillova, N.P. (2008) Sostyazatel’nost’ sudebnogo razbiratel’sstva i ustanovlenie istiny po ugovolnomu delu [Adversariality of the trial and the establishment of the truth in a criminal case]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. 1. pp. 93–100.
7. Russian Federation. (2014) *Proekt Federal’nogo zakona № 440058-6 “O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem instituta ustanovleniya ob’ektivnoy istiny po ugovolnomu delu” (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 29.01.2014)* [Draft Federal Law No. 440058-6 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the institution of establishing objective truth in a criminal case”]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=114660#X9zYznS0LVrLCld3> (Accessed: 2nd November 2021).
8. Lazareva, V.A. (2019) Kontseptsiya formirovaniya dokazatel’sstv v svete printsipa sostyazatel’nosti i perspektivy ee razvitiya [The concept of evidence formation from the perspective of the adversarial principle and the prospects for its development]. *Vektor nauki Tol’yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 1(36). pp. 22–27.
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) *Po zhalobe grazhdanina Pyatnichuka Petra Efimovicha na narusheniye ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 46, 86 i 161 Ugolovno-protsessual’nogo kodeksa RF: opredelenie Konstitutsionnogo suda RF ot 21 dek. 2004 g. № 467-O* [On the complaint of Citizen Pyatnichuk Pyotr Efimovich on the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 46, 86 and 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Resolution No. 467-O: Resolution No. 467-O the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2004]. [Online] Available from: SPS “Garant”. (Accessed: 12th October 2021).

10. Yaselskaya, V.V. (2016) Realization of the adversarial principle at the stage of preliminary investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1(19). pp. 82–87. (In Russian).
11. The Republic of Kazakhstan. (2014) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014, No. 231-V]. [Online] Available form: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (Accessed: 1st November 2021).
12. The Republic of Belarus. (1999) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Belarus' ot 16 iyulya 1999 goda № 295-Z* [The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999, No. 295-3]. [Online] Available form: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (Accessed: 1st November 2021).
13. Ukraine. (2012) *Ugolovnyy protsessual'nyy kodeks Ukrainy ot 13 aprelya 2012 goda № 4651-VI* [Criminal Procedure Code of Ukraine of April 13, 2012 No. 4651-VI]. [Online] Available form: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&pos=1175;-31#pos=1175;-31 (Accessed: 1st November 2021).
14. Grinenko, A.V. (2017) Parity of Rights of Parties in Pre-Trial Criminal Procedure. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 4. pp. 35–40. (In Russian).

Received: 10 September 2021

И.Н. Чеботарева, О.С. Пашутина, И.В. Ревина

ПОНЯТИЕ ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

Анализируется отказ от права с точки зрения основных понятий доктрины права в целом и уголовного процесса в частности. С этой целью субъективное право характеризуется как объект такого отказа. Исследуется, кто может быть субъектом отказа от права в уголовном процессе, рассматривается, как можно отказаться от субъективного права. Отказ от права является реализацией права на поведение как возможности субъекта удовлетворять свои личные интересы.

Ключевые слова: субъективное право, реализация права, отказ от права в уголовном процессе, отказ от реализации права в уголовном процессе

Введение

Современный уголовный процесс в России отличается расширением диспозитивности и состязательности, которые характеризуются усилением влияния личности на ход и исход дела, разнообразием возможностей и вариантов ее поведения по отстаиванию своего интереса. Участникам уголовного процесса предоставлен широкий круг прав, реализуя которые они не только достигают собственных целей, но и влияют на весь уголовный процесс, например, определяя форму судопроизводства. От волеизъявления обвиняемого зависит, в частности, будет ли его дело рассмотрено в суде в общем порядке или в особом. Расширение состязательных начал в российском уголовном процессе приводит к необходимости большей активности личности в уголовном процессе. Пассивность субъекта, выражающаяся в отказе от реализации права, в условиях состязательности может иметь для него неблагоприятные последствия.

Очевидным кажется тот факт, что участник уголовного процесса может по своей воле, исходя из собственных интересов и желаний, отказаться от принадлежащего ему права, например, не использовать свое право на профессиональную юридическую помощь и защищать себя самостоятельно или отказаться от своего права на полное судебное разбирательство и воспользоваться своим правом на особый порядок. Но в российском уголовном судопроизводстве нередки случаи нереализации субъектом права, обусловленные ненадлежащим правоприменением. Это обуславливает важность и актуальность исследования отказа от субъективного права в российском уголовном процессе.

Следует заметить, что значительное влияние на российскую правовую систему имеет и Европейский суд по правам человека, который допускает возможность того, что субъект, обладающий правом, может от него отказаться, и выработал собственное понятие отказа от права и требования к такому отказу [1. С. 3–7].

В рамках данной статьи предполагается ответить на вопрос, что такое «отказ от субъективного права» с теоретической позиции, и проанализировать отказ от

права с точки зрения основных понятий доктрины права в целом и уголовного процесса в частности.

Методология

Для того чтобы дать понятие отказа от субъективного права в российском уголовном процессе необходимо, во-первых, дать характеристику субъективного права как объекта такого отказа, т.е. ответить на вопрос: от чего можно отказаться? Во-вторых, проанализировать, кто может быть субъектом отказа от права в уголовном процессе, т.е. кто может отказаться от субъективного права. В-третьих, следует охарактеризовать отказ от права с объективной точки зрения, т.е. проанализировать, как можно отказаться от права. При проведении исследования использовались общенаучные методы дедукции и индукции, а также частнонаучные методы логического и юридического анализа и синтеза, применение которых способствовало обращению к современным проблемам уголовно-процессуального права, а также общей теории права.

Основное исследование

Субъективное уголовно-процессуальное право как объект отказа от права. Субъективное право можно рассматривать в широком смысле, как все то, что вытекает из правовых норм (объективного права) для лица и характеризует его как субъект права, и в узком – как право лица, предусмотренное правовой нормой [2. С. 119–120]. Общепризнанное в отечественной юридической доктрине на сегодняшний момент определение субъективного права было предложено в свое время С.Н. Братусем, который понимал под ним установленную и гарантированную государством меру возможного поведения лица [3. С. 33–34]. В дальнейшем «мера возможного поведения» рассматривалась авторами в разных аспектах. Одни авторы оценивали этот признак с точки зрения вариативности поведения, наличия у субъекта возможности действовать по-разному, в границах этого поведения, как его «меры». Другие акцентировали внимание на саму возможность действовать.

В этом смысле «возможное», как антоним «должного», предполагает выбор субъекта варианта дозволенного поведения. Этим субъективное право отличается от обязанности, которая представляет собой необходимость такого поведения [4]. Лицо может как воспользоваться имеющейся у него возможностью, так и не воспользоваться и таким образом отказаться от имеющегося у него права. Субъективное право – это не только право, которое принадлежит субъекту, но и которое зависит от его воли, его субъективного усмотрения [5. С. 114].

Для того чтобы субъект мог воспользоваться им, он должен обладать правосубъектностью, которая включает в себя правоспособность (способность лица иметь предусмотренные законом права и нести обязанности), дееспособность (способность лица своими действиями осуществлять свои права и исполнять обязанности). Соответственно, нельзя отказаться от права, которым не обладаешь.

Уголовно-процессуальная правоспособность и дееспособность имеют ряд специфических особенностей. Уголовно-процессуальная правоспособность – это способность лица быть субъектом уголовного судопроизводства, т.е. иметь уголовно-процессуальные права и исполнять обязанности, а уголовно-процессуальная дееспособность – способность лично и самостоятельно осуществлять в процессе указанные в законе права и обязанности. В настоящее время можно говорить об общепризнанности точки зрения, согласно которой правосубъектность выступает в качестве родового понятия и включает в себя правоспособность и дееспособность.

У всех субъектов уголовного судопроизводства есть процессуальная правоспособность, поскольку наличие прав и обязанностей с неизбежностью предполагает способность к обладанию этими правами.

Уголовно-процессуальная правоспособность участника уголовного процесса – способность иметь уголовно-процессуальные права и исполнять уголовно-процессуальные обязанности – возникает и прекращается одновременно с правовым статусом. Авторы, затрагивающие проблему правоспособности в уголовном процессе, подчеркивают, что уголовно-процессуальный закон признает правоспособность тех лиц, которые реально существуют и могут быть фактически вовлечены в уголовный процесс – непосредственно или через представителей [6. С. 99].

Уголовно-процессуальная дееспособность связана с возрастом и психическим состоянием лица, обладающего правом. Любой субъект уголовно-процессуальной деятельности обладает определенным объемом процессуальных прав и обязанностей. Ни одного бесправного участника в уголовном процессе нет. Однако способность лица осуществлять свои права в уголовном процессе дифференцирована в зависимости от возраста и психического состояния. Применительно к настоящему исследованию это означает, например, что несовершеннолетний не может отказаться от защитника и у него отсутствует право на особый порядок судебного разбирательства.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что обладатель права может от него отказаться. Отказаться от права может только лицо, которое им обладает (правосубъектен) и имеет способность его реализовывать (дееспособен).

Структурно-субъективное право включает: во-первых, право на поведение – возможность субъекта собственным поведением удовлетворять свои интересы; во-вторых, право требования – возможность субъекта требовать соответствующего поведения от правообязанного лица; в-третьих, право притязания – возможность прибегнуть к государственному принуждению в случае неисполнения обязанной стороной своих обязанностей; в-четвертых, право пользования – возможность пользоваться социальным благом [7. С. 145].

Л.Д. Кокорев, развивая мысль М.С. Строговича о сути субъективного права [8. С. 169], справедливо рассматривал субъективное уголовно-процессуальное право в трех аспектах: как закрепленное нормой уголовно-процессуального закона личное благо участника уголовного судопроизводства; как свободу поведения (поступков) участников уголовного процесса в установленных нормой уголовно-процессуального закона границах; как выраженную в законе, правовой норме возможность участника уголовного судопроизводства совершать определенные действия и требовать определенных действий от иных участников судопроизводства [6. С. 91]. При этом три аспекта субъективных прав – это не классификация их на виды; в одном и том же субъективном праве можно усмотреть каждую из его сторон, выраженную в большей или меньшей степени [6. С. 92].

Отказываясь от права, субъект может отказаться от предоставленного ему социального блага, от права требовать соответствующего поведения от обязанного лица и от права прибегнуть к государственному принуждению в случае его отсутствия. Отказ от права является реализацией права на поведение как возможности субъекта удовлетворять свои интересы.

Субъект отказа от права в уголовном процессе.

Специфика уголовного процесса состоит в том, что их участниками являются как частные лица (физические и юридические), действующие исключительно от своего имени, так и должностные лица и государственные органы, действующие от имени государства, которое в свою очередь представляет интересы общества, а также профессиональные и иные представители, действующие с целью оказания юридической помощи в интересах частных лиц, но при этом обеспечивающие и интересы общества в целом.

Существует значительная разница в осуществлении прав гражданами и использовании правомочий государственными органами и должностными лицами. Для граждан субъективные права являются способом выражения и охраны их интересов, они используют возможности, заложенные в них, или отказываются от этого в соответствии со своими желаниями и интересами. Никто не может быть принужден к использованию своего права и нести ответствен-

ность за то, что не использовал его. Особенность реализации права государственными органами и должностными лицами заключается в том, что они обязаны реализовывать предоставленные им права – полномочия, поскольку они являются не только их правами, но и обязанностями.

Несмотря на то что применительно к должностным лицам и государственным органам уголовно-процессуальный закон использует категорию «право», в данном случае речь идет не о субъективных правах, а о полномочиях. Понятие «право» законодатель использует в тех случаях, когда предоставляет должностному лицу или государственному органу при реализации его полномочий возможность дискреционного усмотрения (например, право проводить следственные действия), когда такая возможность отсутствует, употребляется категория «обязанность» в различных лингвистических формах абсолютного долженствования («обвинение должно быть предъявлено не позднее трех суток со дня вынесения постановления» и т.п.) [9. С. 108]. Участники, представляющие в уголовном процессе интересы других лиц (защитники, представители), также наделены правомочиями – особыми профессиональными обязанностями по оказанию эффективной юридической помощи соответствующим частным лицам.

Субъективные права участников уголовного процесса, не являющихся должностными лицами и органами государства, закреплены в управомочивающих нормах и реализуются в форме использования, особой формой реализации правомочий должностных лиц и органов является правоприменение.

Таким образом, отказаться от субъективного права могут только участники уголовного процесса, имеющие личный (частный) интерес.

Способы отказа от права. Реализация права на отказ от права. Отказ от реализации права. Значение права для государства и общества определяется его воплощением в поведении субъектов, которым оно адресовано. Реализация права – это претворение права в жизнь, реальное воплощение содержания норм права в фактическое поведение субъектов [10. С. 221]. Право как регулятор общественных отношений не может выполнить свое предназначение вне реализации права [11. С. 193], в результате которой воплощаются в жизни конкретные субъективные права и обязанности. В то же время управомочивающие нормы, которые закрепляют субъективные права, не могут обязывать субъектов права их использовать, поэтому субъект может бездействовать, отказаться от использования субъективного права. Данная форма допускает как активное, так и пассивное поведение субъекта (воздержание его или уклонение от совершения действий), что, по сути, представляет собой отказ от реализации права.

Реализация права – это правомерное поведение, характеризующееся рядом признаков. Рассмотрим их и проанализируем, как проявляется отказ от реализации права на уровне характеризующих реализацию признаков, поскольку нереализация права – явление, противоположное реализации.

Во-первых, реализация права – это осознанное поведение, т.е. субъект знает о предоставленных ему правах и поэтому ведет себя определенным образом. Знание права – результат внешнего влияния, которое выражается в информировании субъекта о наличии у него права и его содержания, и внутреннего осознания – психологическое отношение субъекта к этому праву (одобрительное, нейтральное, негативное), представление о ценностях (субъект оценивает, приемлемо ли какое-то его конкретное поведение в данном случае) и наличие мотива (побуждения к определенному действию) [12. С. 216]. Очевидно, что, зная о наличии у него права, оценивая его с точки зрения целесообразности или нецелесообразности для удовлетворения собственных личных интересов, субъект может как реализовать его, так и отказаться от этого. Если субъект не реализует право, потому что не знает о его наличии, это не является отказом. *Осознанность является признаком отказа от реализации права.*

Второй признак реализации права – это соответствие его нормам права, т.е. поведение человека при реализации права может быть только в области отношений, которые регулируются правом. Как нами уже было указано, *субъект может отказаться только от того права, которым он обладает.*

Третий признак реализации права – наличие правоотношений. В отечественной доктрине права существуют две противоположные позиции относительно возможности реализации права: в рамках правоотношений и вне них [11. С. 195]. Субъективному уголовно-процессуальному праву, как правило, корреспондирует уголовно-процессуальная обязанность, они реализуются в форме правоотношений. Определенная, четкая обязанность, соответствующая конкретному праву, свидетельствует о его обеспеченности [13. С. 132–133]. *Отказ от реализации права может быть как в форме правоотношений, так и вне их.* Так, для того чтобы реализовать право на заявление ходатайства, участнику уголовного процесса следует обратиться к должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, что порождает определенные правоотношения. Не реализуя указанное право, субъект не вступает в правовое отношение, отказ от реализации указанного права правоотношения не порождает. В то же время отказ от защитника порождает правоотношение: обвиняемый (подозреваемый) обращается с заявлением к должностному лицу, которое принимает или не принимает такой отказ.

Четвертый признак реализации права – правомерное поведение (правонарушения не признаются реализацией права именно потому, что они представляют собой отклонение от нормативного предписания). Вместе с тем возможность отказа от реализации права в результате неправомерного поведения признается в юридической литературе [14. С. 3]. В качестве примера приводится ситуация, когда из-за нарушения порядка в судебном заседании обвиняемый был удален из зала судебного заседания и лишился права на участие в судебном разбирательстве. Будучи пре-

дупрежденным о возможности такого исхода неправомерного поведения, он продолжил нарушать порядок, таким образом отказался от реализации своего права на участие в судебном разбирательстве. Представляется, в данном случае речь идет не об отказе лица от принадлежащего ему субъективного права – его волеизъявлении, а о лишении лица права как меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей (в данном случае – соблюдения порядка в зале судебного заседания). До тех пор, пока отказ от права не запрещен, он является правомерным поведением.

Можно ли реализовать право, не используя его? Есть ли право на неиспользование права? Некоторые авторы отрицательно отвечают на этот вопрос [11. С. 193], указывая на то, что формы (источники) права не знают права на неиспользование права, а кроме того, такие поступки не влекут за собой юридических последствий. Исходя из этого, исследователи полагают, что неиспользование права нельзя оценивать в качестве правомерного или противоправного поведения, поскольку оно юридически нейтрально. Однако отказ от права может вызвать юридически значимые последствия, выступать юридическим фактом, влекущим наступление правоотношений, их изменение или прекращение. Примером может служить отказ обвиняемого от права на помощь защитника.

Реализацию права, так же как и отказ от его реализации, можно рассматривать как процесс и как результат. Как процесс они могут быть охарактеризованы с объективной и с субъективной сторон. С объективной стороны – это определенное поведение субъекта, а с субъективной – отношение субъекта к правовым предписаниям. Поведение лица при отказе от права должно быть волевым, обусловленным желанием его самого. Отказ от права – это волеизъявление управомоченного лица.

Целью реализации субъективного права является удовлетворение личных интересов, не противоречащих общественным [7. С. 145], законных интересов, предусмотренных объективным правом [15]. В основе субъективного права лежит интерес и потребность его удовлетворения. Для того чтобы реализовать свой интерес, необходимо желание управомоченного лица на это. Субъективное право – есть власть осуществлять свой интерес, который предполагает, что человек сознает способность блага удовлетворить его потребность и поэтому стремится к ее удовлетворению этим путем [16. С. 603]. Отказ от реализации права преследует ровно те же цели – удовлетворение собственного личного интереса.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает также права, представляющие собой, по сути, правовую возможность отказаться от других прав. Например, право на отказ от защитника влечет за собой право на самозащиту, право на отказ от свидетельского иммунитета – право давать показания, право на особый порядок – отказ от права на полное судебное разбирательство, право на досудебное соглашение о сотрудничестве – отказ от права на свидетельский им-

мунитет. В данных случаях субъект, реализуя одно право, отказывается от другого.

А.С. Гамбарян под отказом от права понимает проявление лицом поведения в конкретной ситуации (правомерное и неправомерное деяние), из которого вытекает, что лицо не желает реализовать свое субъективное право или отказывается от правовой защиты этого права. Способы проявления этого, по его мнению, выступают, во-первых, отказ от реализации субъективного права, во-вторых, отказ от субъективного права, дача согласия на вмешательство в то или иное право, в-третьих, отказ от субъективного права путем совершения неправомерного (противоправного) деяния [14. С. 3]. Между тем поведение при отказе субъекта от права является внешней формой его выражения. Безусловно, оно важно для возможности толкования воле намерений лица отказаться от принадлежащего ему права. Отказ от права является проявлением воли управомоченного субъекта, неким актом волеизъявления (неиспользование права или использование права на отказ от права). Нереализация права может быть как действием (например, в вербальной форме – письменно или устно) или бездействием (например, в форме молчания). В этой связи необоснован подход автора к вычленению отказа от права в форме молчания и в форме одной из разновидностей деятельности – неправомерной деятельности – из отказа от реализации права. Как видится, они являются разными проявлениями отказа субъекта от реализации права.

Таким образом, под отказом от субъективного права понимается акт волеизъявления субъекта права, имеющий целью недопущение или прекращение правореализационного процесса, использование права, предотвращающее возможность реализации другого права.

Выводы

В заключение подведем некоторые итоги.

1. Субъективное право представляет собой установленную и гарантированную государством меру возможного поведения лица, что предполагает выбор управомоченным лицом варианта дозволенного поведения: лицо может как воспользоваться имеющейся у него возможностью, так и не воспользоваться ею и таким образом отказаться от имеющегося у него права. Это может сделать только то лицо, которое им обладает (правосубъектное) и которое имеет способность его реализовывать (дееспособное).

2. Отказываясь от права, субъект отказывается от предоставленного ему социального блага, от права требовать соответствующего поведения от обязанного лица и от права прибегнуть к государственному принуждению в случае его отсутствия.

3. Отказ от права является использованием права на поведение как возможности субъекта удовлетворять свои интересы, поэтому реализовать его могут только участники уголовного процесса, имеющие личный (частный) интерес. Особенность реализации права государственными органами и должностными лицами заключается в том, что они обязаны реализовывать предоставленные им права –

полномочия, которые являются не только их правами, но и одновременно обязанностями. В отличие от субъективного права, от обязанности отказаться нельзя.

4. Право как регулятор общественных отношений не может выполнить свое предназначение вне реализации права, поскольку при реализации права воплощаются в жизнь конкретные субъективные права и обязанности. Нереализация права – явление, противополо-

жное реализации, имеющее, тем не менее, одинаковую с ним цель – удовлетворение собственных частных интересов.

5. Под отказом от субъективного права понимается акт волеизъявления субъекта права, имеющий целью недопущение или прекращение правореализационного процесса, использование права, предотвращающее возможность реализации другого права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеботарева И.Н. Отказ от права (waiver) в прецедентной практике Европейского суда по правам человека по статье 6 Европейской конвенции (по уголовным делам) // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. № 2. С. 3–7.
2. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.А. Паюлин. М.: Наука, 1979. 229 с.
3. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 364 с.
4. Гогин А.А., Липинский Д.А., Малько А.В. и др. Теория государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016. URL: <http://study.garant.ru/#/document/57313755/paragraph/1675:0> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом. М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1971. 160 с.
7. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.
8. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. 252 с.
9. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
10. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том]. Т. 8: Учебники и учебные пособия. М.: Статус, 2010. 480 с.
11. Проблемы теории права и правореализации: учебник / отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. 384 с.
12. Основы права: учебник / под ред. В.Б. Исакова. М.: ИНФРА-М, 2017. 480 с.
13. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. 200 с.
14. Гамбарян А.С. Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Смирнова. М.: Юрлитинформ, 2018. 352 с.
15. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права России: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Право. М.: Проспект, 2019. URL: <http://study.garant.ru/#/document/77476069/paragraph/782:2> (дата обращения: 10.03.2020).
16. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 10.03.2020).

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Waiver of Subjective Right in the Russian Criminal Process

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 76–81. DOI: 10.17223/23088451/18/13

Irina N. Chebotareva, Southwestern State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: cheb_irina@mail.ru

Olesya S. Pashutina, Southwestern State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Irina V. Revina, Southwestern State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: ivrevina@mail.ru

Keywords: subjective right, exercise of right, waiver of right in criminal proceedings, waiver of exercise of right in criminal proceedings.

The article analyzes the waiver in terms of the basic concepts of the doctrine of law in general and criminal procedure in particular. Subjective right is characterized as the object of such a waiver. It is investigated who can be the subject of the waiver in criminal proceedings and how it is possible to waive a subjective right. The authors conclude that the waiver is the exercise of the right to behavior as an opportunity for the subject to satisfy their personal interests. A waiver of a subjective right is understood as an act of expression of the will of the subject of right, aimed at preventing or terminating the law enforcement process, using the right, preventing the possibility of exercising another right.

References

1. Chebotareva, I.N. (2019) Waiver in case law of the European Court of Human Rights under Article 6 of the European Convention (on criminal cases). *Mezhdunarodnoe ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law and International Justice*. 2. pp. 3–7. (In Russian).
2. Vitruk, N.V. (1979) *Osnovy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskoy obshchestve* [Fundamentals of the theory of the legal status of an individual in a socialist society]. Moscow: Nauka.
3. Bratus, S.N. (1947) *Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal entities in Soviet civil law]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
4. Gogin, A.A., Lipinskiy, D.A., Malko, A.V. et al. (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
5. Malinovskiy, A.A. (2007) *Zloupotrebleniye sub"ektivnym pravom* [Abuse of Subjective Rights]. Moscow: Yurilitinform.
6. Kokorev, L.D. (1971) *Uchastniki pravosudiya po ugovnym delam* [Participants in Criminal Justice]. Voronezh: Voronezh State University.

7. Matuzov, N.I. (1972) *Lichnost'. Prava. Demokratiya: teoreticheskie problemy sub"ektivnogo prava* [Personality. Rights. Democracy: Theoretical Problems of Subjective Right]. Saratov: Saratov State University.
8. Strogovich, M.S. (1966) *Osnovnye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti* [The main questions of Soviet socialist legality]. Moscow: Nauka.
9. Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugovnogo protsessa* [Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow: Statut.
10. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Status.
11. Bakulina, L.T. (ed.) (2017) *Problemy teorii prava i pravorealizatsii* [Problems of the Theory of Law and Legal Realization]. Moscow: Statut.
12. Isakov, V.B. (ed.) (2017) *Osnovy prava* [Fundamentals of Law]. Moscow: INFRA-M.
13. Kutsova, E.F. (1973) *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugovnom protsesse* [Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process]. Moscow: Yurid. lit.
14. Gambaryan, A.S. (2018) *Otkaz ot prava i voprosy ugovno-protsessual'nogo vmeshatel'stva* [Waiver and issues of criminal procedural interference]. Moscow: YurLitnform.
15. Marchenko, M.N. & Deryabina, E.M. (2019) *Teoriya gosudarstva i prava Rossii* [Theory of State and Law of Russia]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
16. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow: [n.d.]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/> (Accessed: 10th March 2020).

Received: 10 September 2021

УДК 343.139.1

DOI: 10.17223/23088451/18/14

М.А. Шаина

**ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЛИЦА, ВИНОВНОГО
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

В настоящее время возможность компенсации причиненного вреда потерпевшим реализуется посредством обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, в основу может быть положено постановление о прекращении уголовного дела. Данное постановление надлежит приобщить к делу как письменное доказательство в порядке части 4 статьи 61 ГПК РФ.

Ключевые слова: права и свободы потерпевшего лица, защита прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, гражданский иск, уголовное судопроизводство

В соответствии со статьей 52 Конституции РФ потерпевшему от преступления лицу гарантируется право на возмещение причиненного ему ущерба.

В силу ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Иными словами, государство прежде всего ставит перед собой задачу по защите общества от последствий совершенного уголовно наказуемого деяния, а именно – обеспечить максимально быстрое восстановление прав потерпевших лиц.

Данная задача весьма успешно реализуется при постановке обвинительного приговора, когда среди прочих вопросов суд разрешает вопрос о порядке компенсации причиненного вреда потерпевшему.

Однако случается, что виновное лицо либо не доживает до разрешения дела по существу, либо еще на этапе проверки заявления о совершенном преступлении становится известно о смерти виновного лица. Если уголовное дело уже было возбуждено, то в соответствии с требованиями УПК РФ уполномоченное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, будь то дознаватель, следователь или суд, выносит постановление о прекращении уголовного дела по основаниям п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. При прекращении уголовного дела по указанным основаниям всегда истребуется согласие близких родственников умершего. Именно такой юридический факт, как согласие близких родственников на прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, в последующем ложится в основу обязанности данных лиц компенсировать все те имущественные и неимущественные потери, которые понесло потерпевшее лицо в результате совершенного деяния.

В соответствии с предписаниями норм действующего уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 213 УПК РФ) в разрезе реализации правовой позиции Конституционного суда РФ [1], следователь при вынесении постановления о прекращении уголовного дела по названным основаниям обязан разъяснить потерпевшему право на обращение в суд в порядке гражданско-

го судопроизводства, причем такое разъяснение не должно носить формальный характер. Следовательно надлежит объяснить потерпевшему, в какой суд ему следует обратиться, разъяснить правила подсудности, срок, в течение которого его право может быть реализовано, виды вреда, о возмещении которого может тот ходатайствовать в соответствии с действующим законодательством. Если производство по уголовному делу прекращает суд, он оставляет гражданский иск без рассмотрения в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ.

Справедливости ради следует отметить, что действующий УПК РФ не содержит оснований для сохранения действия обеспечительных мер, наложенных на имущество причинителя вреда, в ходе производства по делу. То есть с даты вынесения постановления о прекращении уголовного дела в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекращают свое действие все постановления о наложении арестов на имущество подозреваемого, обвиняемого лица, в обеспечение исполнения решения об удовлетворении гражданского иска.

В данном случае следует признать, что имеет место пробел законодателя, поскольку ввиду подобного поправы не только права и интересы конкретных потерпевших лиц, но и интересы государства в целом, поскольку Конституция РФ, равно как и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, провозглашает основной задачей уголовного судопроизводства именно защиту от негативных последствий в результате совершенных преступлений и восстановление прав и интересов потерпевших лиц.

К сожалению, рекомендациями высшего правоприменителя в лице Пленума ВС РФ в постановлении № 23 от 13 октября 2020 г. «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» вопрос восстановления нарушенных имущественных прав оставлен без внимания, никаких указаний в части действий судов по разрешению имеющихся гражданских исков в случае смерти подсудимого не содержит. Представляется, что единственно верным решением данного вопроса надлежит считать применение аналогии закона, т.е. при вынесении постановления о прекращении уголовного дела в связи со смертью подсудимого гражданский иск подлежит оставлению без рассмотрения в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ. Потерпевшему должны быть разъяснены

права и порядок заявления иска о компенсации причиненного преступлением вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, факт привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, есть юридически значимое обстоятельство, с которым закон связывает возможность реализации компенсаторной функции – возмещение ущерба от преступления. То есть при обсуждении судом вопроса о возможности прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям с привлечением к участию в деле родственников умершего обвиняемого лица суд констатирует возможность возложения имущественной ответственности на наследников в порядке статьи 1175 ГК РФ. Так, все в том же определении Конституционного суда РФ сказано: способы и средства защиты прав потерпевших от преступления лиц избираются исходя из принципов демократического правового государства и с учетом гарантированных Основным Законом прав на доступ к правосудию на компенсацию причиненного ущерба.

Аналогичные правовые позиции действуют и в международном праве. Европейский суд по правам человека высказал суждение о том, что «в отличие от уголовного процесса, который не может быть продолжен после смерти обвиняемого, гражданский иск с требованием о выплате компенсации может быть подан в отношении имущества умершего обвиняемого и дело может быть разрешено на основании общих правил гражданского процесса о стандартах доказывания, действующих в гражданском судопроизводстве» [2].

Следует отметить, что в доктрине мнения относительно возможности обращения требований к наследникам виновного лица разнятся. В частности, Д. Дедов полагает, что никакой вид ответственности не может пережить ответственного лица [3]. Однако данное суждение не основано на требованиях закона. Так, в силу положений статьи 418 ГК РФ со смертью должника прекращаются лишь те обязательства, которые тесно неразрывно связаны с личностью должника. Например, обязанность компенсировать моральный вред в результате преступления переходит к наследникам только при наличии вступившего в законную силу решения суда [4], без наличия такового это недопустимо [5].

При этом в доктрине высказано суждение о необходимости дополнения действующего УПК РФ нормой о возможности постановки обвинительного приговора в отношении умершего без назначения наказания, дабы в последующем данный обвинительный приговор мог быть положен в основу гражданского иска [6]. И.О. Гаврилов же предлагает ставить вопрос о судьбе гражданского иска в ходе судебного заседания при обсуждении вопроса о прекращении уголовного дела в связи со смертью. Это, по его мнению, позволит рассматривать часть гражданских исков в ходе уголовного производства [7]. Однако представляется, предложенное не обеспечит надлежащим образом реализацию восстановительно-компенсаторной функции, ибо вряд ли наследники будут готовы принять на себя обяза-

тельства по погашению долгов наследодателя. Кроме того, для разрешения вопроса о судьбе гражданского иска суду придется устанавливать круг наследников по закону, наследственную массу и прочее, а как показывает судебная практика, именно подобная необходимость установления дополнительных обстоятельств и была положена всякий раз в основу постановлений об оставлении гражданского иска без рассмотрения с передачей на самостоятельное рассмотрение.

Полагаем, что в настоящее время возможность компенсации причиненного вреда потерпевшим может быть реализована посредством обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, в основу может быть положено постановление о прекращении уголовного дела, поскольку данное постановление (будь оно вынесено дознавателем, следователем либо судом) надлежит приобщить к делу как письменное доказательство в порядке ч. 4 ст. 61 ГПК РФ.

Соответственно, в силу положений названной нормы ГПК РФ истцы освобождаются от бремени доказывания обстоятельств совершенного в отношении них деяния, предметом доказывания будет лишь величина заявленных требований.

Представляется, что аналогичной юридической силой обладает и постановление органа дознания либо следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела в связи со смертью лица, причастного к совершенному деянию.

Презюмируя сказанное, считаем необходимым отметить, что при кажущейся простоте института гражданского иска в уголовном процессе, при обсуждении данной темы по существу, напрашивается вывод о необходимости реформирования системы правоприменения данного вопроса. Так, действующая судебная практика показывает, что, несмотря на предписания высшего правоприменителя о рассмотрении гражданских исков непосредственно при отправлении правосудия по уголовным делам, большая часть гражданских исков оставлены на самостоятельное рассмотрение. Данное неизбежно в случае смерти виновного лица. А поскольку лицо, потерпевшее от преступления, итак понесло негативные последствия в результате совершенного деяния, то повторное обращение в суд в защиту своих прав и интересов с негарантированной перспективой исполнения решения суда приведет к неосостоятельности гарантированного Конституцией РФ права каждого на компенсацию причиненного преступлением вреда.

Подводя итог, в преодоление сложившегося правового коллапса предлагается дополнить действующую правовую систему институтом бесплатной юридической помощи со стороны профессиональных участников рынка юридических услуг потерпевшим от преступлений. Необходимо разработать механизм назначения советников по правовым вопросам, которые бы оказывали квалифицированную юридическую помощь потерпевшим, обеспечивали сбор необходимых документов, составление процессуальных документов, сопровождение в ходе рассмотрения дела судом. Полагаем целесообразной организацию правовой помощи по-

терпевшим за счет средств федерального бюджета с последующим обращением требований о компенсации понесенных расходов к виновным лицам. Данное способствовало бы скорейшему восстановлению имуще-

ственных прав потерпевших лиц посредством как обращения в суд с соответствующими исковыми заявлениями, так и оказания им содействия в ходе исполнительного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Определение* Конституционного суда от 18.01.2005 № 11-О «По жалобе гражданина Озерова Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав подпунктом “д” пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”, пунктом 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “О порядке применения Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” и частью четвертой статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
2. *Постановление* от 10.01.2012 года «Вулах и другие (Vulakh and others) против России», жалоба № 33468/03 // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2021).
3. Дедов Д. Особенности судебного процесса в отношении умерших и отсутствующих // Pravo.ru – коллективные блоги. URL: <https://blog.pravo.ru/blog/7412.html> (дата обращения: 06.11.2021).
4. *Постановление* Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2021).
5. *Определение* ВС РФ от 03.02.2012 № 53-В11-19 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.11.2021).
6. Фильченко А.П. Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности // Адвокат. 2012. № 10. С. 25–32.
7. Гаврилов М.А. Гражданский иск при прекращении судом уголовного дела в связи со смертью обвиняемого // Российский судья. 2018. № 11. С. 15–21.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Reimbursement of Harm to a Victim in the Event of the Death of a Person Guilty of Committing a Crime and Termination of Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 82–85. DOI: 10.17223/23088451/18/14

Mariya A. Shaina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mshaina@yandex.ru

Keywords: rights and freedoms of the victim, protection of the rights of persons held criminally liable, civil action, criminal proceedings.

The author concludes that it is necessary to reform the system of law enforcement of this issue. Thus, the current jurisprudence shows that, despite the orders of the highest law enforcement officer on the consideration of civil claims directly in the administration of justice in criminal cases, most of the civil claims are left for independent consideration. This is inevitable in the event of the guilty person's death. Since a victim has already suffered negative consequences as a result of the committed act, a repeated appeal to the court in defense of their rights and interests with an unsecured prospect of the execution of a court decision will lead to the insolvency of everyone's right to compensation for harm caused by the crime, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The author proposes to supplement the current legal system with the institution of free legal assistance from professional participants in the legal services market to victims of crimes. It is necessary to develop a mechanism for appointing an adviser on legal issues, who would provide qualified legal assistance to victims, ensure the collection of the necessary documents, the preparation of procedural documents, and support during the consideration of the case by the court. It is expedient to organize legal assistance to victims at the expense of the federal budget with the subsequent appeal of claims for compensation for costs incurred to the perpetrators. This would contribute to the early restoration of the property rights of the victim through both filing a lawsuit with the court and providing assistance in the course of enforcement proceedings.

References

1. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) *Resolution No. 11-O of the Constitutional Court of January 18, 2005, “On the complaint of Citizen Vladimir Andreevich Ozerov about violation of his constitutional rights by Subparagraph “e” of Paragraph 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945, Clause 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, On the procedure for the application of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 years and Part four of Article 213 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*” (In Russian).
2. The European Court of Human Rights. (2012) *Postanovlenie ot 10.01.2012 goda “Vulakh i drugie (Vulakh and others) protiv Ros-sii”, zhaloba № 33468/03* [Resolution of January 10, 2012, “Vulakh and others v. Russia”, Application No. 33468/03]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 6th November 2021).
3. Dedov, D. (n.d.) *Osobennosti sudebnogo protsesssa v otnoshenii umershih i otsutstvuyushchikh* [The trial in relation to the dead and absent]. [Online] Available from: <https://blog.pravo.ru/blog/7412.html> (Accessed: 6th November 2021).
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Postanovlenie Plenuma VS RF ot 17.11.2015 № 50 “O primenении sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii nekotorykh voprosov, voznikayushchikh v khode ispolnitel'nogo proizvodstva”* [Resolution No. 50 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2015, “On the application of legislation by courts

when considering certain issues arising in the course of enforcement proceedings”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 6th November 2021).

5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Opredelenie VS RF ot 03.02.2012 № 53-V11-19* [Resolution No. 53-B11-19 of the RF Supreme Court of February 3, 2012]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 6th November 2021).
6. Filchenko, A.P. (2012) Yuridicheskoe znachenie smerti litsa, sovershivshogo prestuplenie, v mekhanizme prekrashcheniya pravootnosheniya ugovnoy otvetstvennosti [The legal significance of the death of a person who committed a crime in the mechanism for terminating the legal relationship of criminal liability]. *Advokat*. 10. pp. 25–32.
7. Gavrilov, M.A. (2018) A Civil Claim at Termination of a Criminal Case by Court in View of the Death of the Accused. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 11. pp. 15–21. (In Russian).

Received: 10 September 2021

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.811

DOI: 10.17223/23088451/18/15

С.М. Савушкин

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
КАК ФАКТОР ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Для эффективного достижения целей уголовно-исполнительного законодательства необходимо проводить дифференциацию осужденных к лишению свободы, в рамках которой учитывается «качество» их социальных связей. Принципы уголовно-исполнительного законодательства и диспозитивные начала правового регулирования уголовно-исполнительных отношений определяют перспективы успешного решения данных проблем.

Ключевые слова: социально полезные связи, дифференциация осужденных к лишению свободы, социализация осужденных

В условиях развития уголовно-исполнительной системы и ухудшающегося состава осужденных в местах лишения свободы, поиск новых возможностей их исправления становится более актуальным. Одним из элементов механизма исправления осужденных являются их социальные связи, полезность которых в некоторых случаях сомнительна.

В конце XIX в. А.И. Свирский, описывая неформальную, достаточно подробную дифференциацию осужденных к лишению свободы, выделял категорию «пустынники», которой именовались лица, утратившие все родственные и социальные связи. Будучи отвержены от общества, и сознавая этот факт, они стремились утвердиться в стенах тюрьмы в качестве привилегированной касты [1. С. 3].

Осужденные, особенно впервые отбывающие наказание, вынуждены приспосабливаться к социокультурной среде пенитенциарного учреждения. Находясь в условиях специфического межкультурного взаимодействия, они стремятся установить определенные отношения как с администрацией исправительных учреждений (далее – ИУ), так и с влиятельными представителями «тюремного» мира [2. С. 10]. Причем в случае отсутствия у осужденного семьи, друзей за пределами ИУ, с большой вероятностью он начнет поиск «полезных» для него связей в его стенах.

Дифференциация осужденных к лишению свободы как практическое выражение классификации делится на два вида: 1) определение места отбывания наказания по территориальному признаку; 2) определение условий отбывания наказания в ИУ.

Для разрешения вопроса по оставлению осужденного в регионе учитывается целый ряд факторов, в том числе и социально полезные связи.

Определимся с рядом используемых в работе правовых категорий:

1. Ресоциализация – это восстановление утраченных осужденным социальных связей. При отбывании наказания в виде лишения свободы ресоциализации не происходит, и не должна происходить, по причине того, что перед ИУ будет стоять неподъемная задача.

В местах лишения свободы у осужденного должны формироваться навыки, которые будут выступать предпосылкой для их будущей ресоциализации.

2. Десоциализация – утрата осужденным социальных связей. В местах лишения свободы происходит десоциализация, которая выступает в качестве фактора преступного поведения осужденного. В условиях изоляции возможно снижение темпов и качества десоциализации.

3. Социально полезные связи. Под ними следует понимать социальные связи осужденных с иными субъектами, которые способствуют уменьшению негативного влияния десоциализации и способны оказать положительное влияние на их социализацию после освобождения из ИУ.

В процессе дифференциации осужденных к лишению свободы необходимо разделять социально полезные связи на родственные, при которых определять ИУ желательно ближе к ним, и иные связи, связанные с приобретением навыков по установлению таких связей. Возможность получения профессии или перспективы трудоустройства по имеющейся профессии окажет большую пользу в процессе исправления осужденного, чем факт отбывания наказания в регионе проживания до осуждения.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. (пр. 37) закрепляют требование, в соответствии с которым заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором «с их семьями или пользующимися незапятнанной репутацией друзьями, как в порядке переписки, так и в ходе посещений».

При этом обращает на себя внимание, что требование «незапятнанной репутации» относится только к друзьям, а не к семьям, в силу чего справедлив вывод, что влияние семьи однозначно презюмируется положительным. Но понятно, что это лишь презумпция, которая на деле всегда может быть опровергнута.

Несмотря на то что Правила отражали минимальные условия, которые ООН считала приемлемыми, в них речь шла о друзьях с «незапятнанной репутацией».

В современных условиях общественного развития данная категория носит оценочный характер, что усложняет определение таких друзей, а в части ее объективности можно утверждать, что у осужденных, лишенных свободы, за редким их исключением, такие друзья отсутствуют.

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 2015 г. (Правила Нельсона Манделы) данное положение изменилось. В соответствии с правилом 58.1 заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или друзьями (требование незапятнанной репутации отсутствует).

В 2017 г. Европейский суд по правам человека в деле «Полякова и другие против России» установил, что в отношении каждого заявителя расстояние (от 2 000 до 8 000 километров) между ИУ и местом жительства родственников заключенного было достаточно отдаленным, в силу чего создавались трудности для этих лиц.

Также Судом было отмечено, что ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. требует от государства оказания всей возможной помощи заключенным по созданию и поддержанию отношений с людьми, находящимися вне тюрьмы, в целях содействия социальной реабилитации заключенных. В этом контексте имеет значение и территориальное расположение места содержания заключенного.

Решение по данному разбирательству послужило одной из причин изменения ст. 73 УИК РФ 31.07.2020 г. предусматривающего возможность направления осужденного в ИУ, расположенное на территории субъекта РФ, в котором проживает один из его близких родственников.

Согласно Европейским пенитенциарным правилам (2020 г.) посещения осужденных должны быть организованы таким образом, чтобы предоставить им возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения. Администрация ИУ должна способствовать поддержанию адекватных контактов осужденных с внешним миром и оказывать им с этой целью соответствующую материальную поддержку.

Исходя из содержания международных стандартов, любые связи осужденных с внешним миром оказывают положительное воздействие на их будущую ресоциализацию. В международных стандартах выделяется ряд категорий, которые можно отнести к социально полезным связям: семья, друзья, семейные отношения, партнер, отношения с людьми, находящимися вне тюрьмы.

Законодательство РФ, подзаконные нормативно-правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также документы стратегического планирования предусматривают положения, влекущие отношения к восстановлению социальных связей осужденных. В известном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания»

указывается, что при определении либо изменении вида ИУ следует учитывать законные интересы осужденных, обеспечивающие их исправление, а также сохранение, поддержку социально полезных семейных отношений.

Поддержание и укрепление социально полезных связей осужденных к лишению свободы, согласно Федеральному закону РФ от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», является одной из основных задач общественного содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания.

В соответствии с Приказом Минюста России «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» от 30.12.2005 № 262 одной из задач группы социальной защиты является содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей осужденных.

Концепцией развития УИС до 2020 г. планировалось оптимизировать размещение ИУ на территории страны, в том числе для сохранения социально полезных связей осужденных, доступности места отбывания наказания для родственников, за исключением случаев изоляции членов организованных преступных сообществ. В целях обеспечения прав и законных интересов осужденных предусматривались возможности: 1) поддержания социальных связей, исходя из возможностей ИУ, посредством использования сети «Интернет» и телефонной связи (с ограничениями в отношении злостных нарушителей порядка отбывания наказания); 2) обеспечения для иностранных граждан и лиц без гражданства доступа к процедурам защиты их прав, исходя из целей сохранения их социальных и родственных связей.

В принятой 29.04.2021 г. Концепции развития УИС до 2030 г. отмечается, что отбывание наказания в виде лишения свободы ведет к ослаблению, а нередко полному разрыву социальных связей, потере навыков жизни в обществе, что влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении и, как следствие, способствует совершению повторных преступлений. Отмечается важность подготовки и утверждения Генеральной схемы размещения ИУ УИС с учетом региональной специфики, мнения субъектов РФ о создании условий реализации принципа отбывания осужденными наказания в ИУ в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены либо в котором проживает их семья.

Вместе с тем приведенные нормы не могут регулировать отношения по восстановлению и укреплению социально полезных связей осужденных в силу их декларативности. Рассматриваемые нормы во многом оценочны, для их развития требуется большей конкретики, в том числе более интенсивное развитие диспозитивных начал правового регулирования.

Один из первых авторов, исследовавший этот вопрос, Н.В. Киселев, отмечал, что анализ содержания

нормативной основы исполнения лишения свободы и практики ее применения свидетельствует о наличии так называемой латентной диспозитивности, когда, по его мнению, учет мнения осужденных в отдельных случаях прямо законом не предусмотрен, однако это вытекает из его смысла и реальных условий исполнения наказания [3. С. 6].

Однако при регулировании уголовно-исполнительных отношений, связанных с дифференциацией осужденных к лишению свободы, не всегда учитываются их социально полезные связи.

Во-первых, при определении осужденным вида ИУ и их переводах в другое учреждение.

Отдельным категориям осужденных, в случае отсутствия предусмотренного приговором суда назначенного им вида ИУ, приходится отбывать наказание в другом субъекте РФ. В данном случае можно отправить его в регион, где имеется работа, соответствующая его образованию, так же как и в случаях с его переводом. При отсутствии работы в колонии, где осужденный отбывает наказание, и при его согласии, возможно, было бы целесообразным направить его в другой регион.

Во-вторых при выездах осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений.

Согласно пересмотренным в 2020 г. Европейским пенитенциарным правилам (ЕПП), всегда, когда это позволяют обстоятельства, заключенному следует разрешать с сопровождением или самостоятельно покидать пенитенциарное учреждение для посещения больного родственника, присутствия на похоронах или по иным гуманным причинам.

Уголовно-исполнительным законодательством РФ предусматривается возможность выездов осужденных за пределы ИУ. Однако в практической деятельности таких случаев мало. В исправительных колониях в 2020 г. было 646 выездов (в 2019 – 1 771; 2018 – 975; 2017 – 856; 2016 – 1 098). Из-за минимального числа выездов некоторые ученые называют данную норму законодательства нормой-фикцией [4. С. 127].

В-третьих, при реализации возможности проживания осужденных за пределами исправительного учреждения.

Численность осужденных, которым было разрешено проживание за пределами ИУ в целях успешной социальной адаптации, в 2020 г. составила 145 чел. (в 2019 – 148 чел., 2018 – 13 чел., 2017 – 13 чел., 2016 – 21 чел.), 135 из них проживали со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах муниципального образования.

Несмотря на важность применения данной нормы в отношении положительно характеризующихся осужденных за несколько месяцев перед освобождением из ИУ, и факт того, что в 2019–2020 гг. наблюдается прирост применения указанного законного интереса осужденных, данная норма на сегодняшний день фактически игнорируется.

В-четвертых, при организации свиданий, передаче посылок, переписке.

В ЕПП отмечается, что заключенным разрешается максимально часто общаться по почте, по телефону

или с помощью иных средств общения со своими семьями, другими лицами и представителями внешних организаций; разрешается также посещение заключенных указанными лицами. Посещения должны быть организованы таким образом, чтобы предоставить заключенным возможность максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения.

27% женщин, мужа которых осуждены к лишению свободы, разводятся с ними в одностороннем порядке. Мужчины в аналогичной ситуации разводятся в одностороннем порядке в 63% случаев. При отсутствии родственников, изъявивших желание общаться с осужденным, существующая система по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации малоэффективна.

Правом краткосрочного свидания не воспользовались 56% осужденных, 19% имели одно свидание, 11% – два, 66% осужденных не имели длительных свиданий, 15% провели одно свидание, а 9,5% – два.

На лицевых счетах 52% лиц, отбывающих наказания, вообще не имеется денежных средств, у 18,5% сумма не превышает 200 руб., у 5,7% – 400 руб., у 4,3% – 600 руб., у 2,3% – 800 руб., у 2,7% – 1 000 руб. Несколько лучше обстоит дело с получением осужденными посылок, передач и бандеролей: 67% от их числа вообще не получали бандеролей, 23% осужденных – посылок и передач, а 52% получали их ниже установленных законом норм [5. С. 5].

Почти 90% осужденных неактивно пользовались либо вообще не пользовались краткосрочными и длительными свиданиями и имеют на лицевых счетах суммы, не превышающие 1 000 руб.; около 2/3 не воспользовались в полном объеме правом на получение посылок, передач и бандеролей [6. С. 10]. В этой связи В.А. Уткин справедливо считает, что дифференциация числа посылок, передач, свиданий осужденных явно устарела [7. С. 10].

Менее 15% членов семей несовершеннолетних осужденных посещают их в воспитательных колониях. 13% осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях, являются сиротами и лицами, лишенными родительского попечения [8. С. 149]. По состоянию на начало 2021 г. в ИУ содержалось 61,4% осужденных, отбывающих наказание второй и более раз. Можно предположить, что у данной категории осужденных социально полезных связей меньше, чем у тех, кто отбывает наказание впервые.

В.А. Уткин с известной долей условности отмечает, что всех осужденных можно разделить на три категории: 1) объективно нуждающиеся в отрыве от социальной среды и в изоляции от общества; 2) нуждающиеся в отрыве от социальной среды, но не нуждающиеся в изоляции от общества; 3) не нуждающиеся ни в отрыве от социальной среды, ни в изоляции от общества [9. С. 128].

Для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства первая и вторая категория осужденных в полной или частичной мере нуждается в отрыве от социальной среды. При определении ИУ (открытое или закрытое; рядом с местом проживания до осужде-

ния или в другом субъекте РФ) в каждом конкретном случае необходимо рассматривать вопрос о том, в какой мере родственники и друзья относятся к той социальной среде, из которой нужно осужденного вырвать.

О.Н. Ракитская пишет, что дефицит навыков конструктивной коммуникации во взаимодействии с родственниками приводит к сокращению возможностей удовлетворения потребностей в принятии и поддержке, а это может вызвать деструктивные последствия в поведении вплоть до совершения преступлений на бытовой почве. В связи с этим формирование вербальных умений, обеспечивающих сохранение и восстановление семейных отношений как разновидности социально полезных связей, у осужденных представляется целесообразным решением задач по их ресоциализации [10. С. 133].

Акцент в деятельности администрации ИУ, психологов, социальных работников должен быть в большей мере направлен на развитие личности осужденного, нежели на сохранение социальных связей, которые, как показывают статистические данные, не настолько крепки, как принято считать, и сохранить их без развития осужденного почти невозможно.

В новой редакции ЕПП подчеркивается важность не только супруга (супруги) и ближайших родственников, но и других лиц. Так, в случае смерти или серьезного заболевания заключенного, получения им тяжелой травмы или перевода в больницу администрация ИУ должна, если только заключенный не попросит не делать этого, незамедлительно проинформировать супругу (супруга) или партнера заключенного, или, если за-

ключенный не женат, ближайшего родственника, или другое лицо, ранее указанное заключенным.

По результатам проведенного исследования можно констатировать:

1. Ограничение контактов осужденных с внешним миром негативно сказывается на их исправлении, что в свете целей, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, представляется парадоксальным. По этой причине дифференциация видов исправительных учреждений и условий отбывания наказания по числу свиданий явно устарела.

2. Любые социальные контакты с внешним миром (семьей, друзьями, партнером, людьми, находящимися вне тюрьмы) в международных стандартах презумируются как положительные.

3. Социальные связи можно разделить на близкие родственные и иные. Соответственно пункт по отбыванию наказания в месте проживания до осуждения в первую очередь должен распространяться на тех, у кого имеются родственные связи в данном регионе. При определении места отбывания наказания в другом субъекте РФ в отношении осужденных, у которых отсутствуют родственные и (или) дружеские связи, нужно учитывать возможность трудоустройства, обучения, получения профессии.

4. В условиях проходящей в местах лишения свободы десоциализации осужденных представляется важным формирование у них навыков социального общения, что будет способствовать их активной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свирский А.И. Погибшие люди. СПб., 1898. Т. 2. С. 2–4.
2. Тумаров К.С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2012. 22 с.
3. Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 6–7.
4. Южанин В.Е. Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13 (1–4), № 2. С. 124–129.
5. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / науч. ред. В.И. Селиверстов. М., 2010. Вып. 1. С. 5–7.
6. Янчук И.А. Об изменении условий отбывания наказания как способе дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы // Вестник уголовно-исполнительной системы. № 6. 2011. С. 9–11.
7. Уткин В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 7–11.
8. Тищенко Е.Я., Куренкова О.Е. Формирование социально полезных контактов как необходимое условие ресоциализации осужденных // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 3. С. 146–151.
9. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
10. Ракитская О.Н. Об опыте формирования навыков конструктивного общения с родственниками у осужденных на этапе подготовки к освобождению средствами социально-психологического тренинга // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4 (44). С. 133–137.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Social Connections of Persons Sentenced to the Deprivation of Freedom as a Factor of Their Differentiation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 86–90. DOI: 10.17223/23088451/18/15

Sergey M. Savushkin, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: socially useful connections, differentiation of persons sentenced to deprivation of freedom, socialization of prisoners.

Restrictions on contacts of convicts with the outside world have a negative effect on their correction, which, given the goals of the penitentiary system, seems paradoxical. For this reason, the differentiation of the types of correctional institutions and the conditions for serving sentences by the number of visits is clearly outdated. International standards presume any social contact with the outside world

(family, friends, partner, people outside the prison) to be positive. Social ties can be divided into close relative and other. Accordingly, the item on serving a sentence in the place of residence before conviction should first of all apply to those who have family ties in this region. When determining the place of serving a sentence in another constituent entity of the Russian Federation in relation to convicts who do not have family and/or friendly ties, it is necessary to take into account the possibility of their employment, training, and obtaining a profession. In the context of convicts' desocialization in prisons, it seems important to develop their social communication skills, which will contribute to their active resocialization after release from prisons.

References

1. Svirskiy, A.I. (1898) *Pogibshie lyudi* [The Dead People]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izd. A.N. Morozova. pp. 2–4.
2. Tumarov, K.S. (2012) *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnom uchrezhdenii v usloviyakh sovremennoy Rossii* [Resocialization of convicts in a penitentiary institution in the conditions of modern Russia]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Stavropol.
3. Kiselev, N.V. (1998) *Dispozitivnye nachala pravovogo regulirovaniya ispolneniya ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Dispositive principles of legal regulation of the execution of criminal punishment in the form of imprisonment]. Law Cand. Diss. Tomsk. pp. 6–7.
4. Yuzhanin, V.E. (2018) Fiction norms in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 2 (13). pp. 124–129. (In Russian).
5. Seliverstov, V.I. (ed.) (2010) *Kharakteristika osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody (po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh 2009 g.)* [Characteristics of Convicts Serving Imprisonment (Based on the materials of the special census of convicts in 2009)]. Vol. 1. Moscow: ID “Yurisprudentsiya”. pp. 5–7.
6. Yanchuk, I.A. (2011) Ob izmenenii usloviy otbyvaniya nakazaniya kak sposobe differentsiatsii ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [On changing the conditions of serving a sentence as a way of differentiating the execution of punishment in the form of deprivation of liberty]. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy*. 6. pp. 9–11.
7. Utkin, V.A. (2014) Hybrid correctional facilities and international standards. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 2 (18). pp. 7–11. (In Russian).
8. Tishchenko, E.Ya. & Kurenkova, O.E. (2018) Formation of social useful contacts as the necessary condition of re-socialization of prisoners. *Vestnik TvGU. Seriya “Pedagogika i psikhologiya”*. 3. pp. 146–151. (In Russian).
9. Utkin, V.A. (2011) Osnovaniya i puti modernizatsii sistemy nakazaniy [Bases and ways of modernization of the punishment system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 349. pp. 127–130.
10. Rakitskaya, O.N. (2018) On the experience of the formation skills of constructive communication with relatives of convicts at the stage of preparation for release by means of socio-psychological training. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 4 (44). pp. 133–137. (In Russian).

Received: 10 September 2021

О.Н. Уваров

СЛУЖБА ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕДИАЦИЯ

Создание системы пробации предусматривает возложение полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи осужденным и освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно. Существуют следующие формы пробации: допенитенциарная (до назначения наказания); пенитенциарную (связанную с наказанием); постпенитенциарную (после отбытия наказания). Медиация включена в состав допенитенциарной пробации, представляющей собой одну из форм восстановительного правосудия.

Ключевые слова: *пробация, служба пробации, освобождение от отбывания наказания, медиация, примирительные процедуры*

Разделом XVI Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [1] предусмотрено создание и развитие системы пробации, причем уже до истечения текущего года предполагается подготовка проекта Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [2]. Создание системы пробации предусматривает возложение полномочий на уголовно-исполнительные инспекции (помимо имеющихся полномочий), прежде всего, в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи осужденным и освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно. Следует отметить, что в различных источниках существуют разные дефиниции, определяющие, в каких формах пробация должна реализовываться, однако, учитывая концептуальные решения, связанные со службой пробации, к таким формам можно отнести:

- допенитенциарную пробацию (до назначения наказания);
- пенитенциарную пробацию (связанную с наказанием);
- постпенитенциарную пробацию (после отбытия наказания) [3–5].

Медиация как вид деятельности, несмотря на отсутствие в юридической литературе единства мнений о том, каким должно быть содержание пробации, включена в состав допенитенциарной пробации [6. С. 380; 7. С. 10] совместно с досудебной пробацией, досудебными функциями [8], подготовкой отчетов о социальной ситуации правонарушителя [7. С. 11]. Она, являясь достаточно новой функцией, которую приписывают пробации, представляет собой одну из форм восстановительного правосудия. Говоря о восстановительном правосудии, следует понимать, что эта деятельность должна дополнять современное уголовное судопроизводство, поскольку оно предполагает достижение целей, которые не всегда успешно реализуются в рамках традиционного уголовного процесса [9. С. 12]:

- 1) восстановление общественных отношений, нарушенных противоправным деянием;
- 2) осуждение противоправных поступков и воспитание уважения к общепринятым моральным нормам и ценностям;

3) помощь и поддержка лиц, которым противоправным деянием причинен вред, удовлетворение их интересов и потребностей;

4) содействие лицу, совершившему деяние, в осознании его последствий и в принятии на себя ответственности за них;

5) выявление восстановительного эффекта наказания;

6) реинтеграция лиц, совершивших противоправное деяние, в общество и предотвращение рецидива;

7) выявление причин преступности.

Медиация – одна из технологий альтернативного урегулирования споров (англ. *alternative dispute resolution, ADR*) с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения [10].

Вместе с тем наиболее правильной представляется позиция по разграничению медиации и посредничества независимо от сфер их применения. В этой связи посредничество является более широким понятием, а медиация – особым видом в его проявлении, регламентированным со своей спецификой в Законе о медиации [11. С. 30].

Указанным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, а также в случае, если споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы.

Здесь же закреплены и следующие термины, применяемые в процессе медиации:

- стороны – желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации субъекты гражданских, административных и иных публичных правоотношений;

– процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения;

– медиатор (медиаторы) – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [12].

За рубежом в уголовном судопроизводстве различают три модели медиации (посредничества). В первом случае медиация является частью системы уголовного правосудия. В другом случае медиация заменяет процедуру правосудия. В третьей модели программа медиации используется в процедуре уголовного правосудия как дополнительное средство, часто применяемое после окончания уголовного суда [13. С. 18–21].

По общему правилу медиация считается пригодной для разрешения частноправовых конфликтов. Понятие же уголовно-правового конфликта, которое используется в литературе при обсуждении медиации по уголовным делам, предполагает рассмотрение довольно сложной конфигурации позиций и структуры правоотношений. Медиация не нашла прямого отражения в уголовном законодательстве Российской Федерации как термин, определяющий какую-либо деятельность, так как не всегда интересы потерпевшего и государства совпадают. Как относящийся к сфере публичного права уголовно-правовой конфликт означает (за исключением ограниченного перечня дел частного обвинения) конфликт лица, виновного в совершении преступления, с государством. Соответственно устанавливается правоотношение каждой из сторон с государством, «горизонтальных» правоотношений между обвиняемым и потерпевшим фактически нет. При этом, правда, разрешение конфликта виновного с государством (относящегося к сфере публичного права) предусматривает не только карательные меры, но и поощрительные, предлагаемые в нормах об освобождении от уголовной ответственности и в примечаниях к ряду норм особенной части УК РФ, а также нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве обвиняемого с государством (гл. 40-1 УПК РФ). Наличие таких норм свидетельствует о признании государством ценности позитивного посткриминального поведения обвиняемого как по отношению к потерпевшему (извинение, заглаживание вреда), так и по отношению к государству – помощь в раскрытии сложных групповых уголовных дел или своего рода «примирение с государством» по ст. 76.1 УК РФ [14].

Применительно к уголовно-процессуальной деятельности можно выделить нормы, закрепленные в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, которые можно назвать предвестникам прими-

рительных процедур в российском уголовном процессе. Это нормы, предусматривающие возможность примирения потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ); освобождение от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ); прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (ст. 25 УК РФ); нормы, применяемые при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (ст. 90, 91 УК РФ) и предусматривающие освобождение в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Ряд норм Уголовно-процессуального кодекса РФ прямо предусматривает необходимость разъяснения сторонам права на примирение в случаях, указанных в ст. 25 УПК РФ (ст. 268, ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Некоторые характеристики, свойственные восстановительным процедурам, усматриваются нами и в сокращенных формах расследования (гл. 32.1. Дознание в сокращенной форме): признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, согласие с юридической формулировкой деяния (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ); согласие потерпевшего на применение сокращенных процедур расследования (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ) [14].

Следует подчеркнуть, что в процессе уголовного судопроизводства и в целях уголовного судопроизводства медиативные технологии со стороны службы пробации применяться не могут – это вмешательство «не в свою сферу». Представляется, что попытки внедрения службы пробации непосредственно в процесс расследования преступлений или судебное разбирательство безосновательны и нецелесообразны. Вместе с тем исследователи данного вопроса отмечают положительный эффект использования медиативных технологий в работе с осужденными в пенитенциарной деятельности. Медиаторы оказывают помощь специалистам уголовно-исполнительных инспекций в работе с несовершеннолетними нарушителями, а также их семьями. Их работа состоит в консультировании по вопросам разрешения конфликтов и межличностных проблем, помощи в налаживании взаимоотношений с родственниками, обучению «навыкам социально-полезного взаимодействия» [15. С. 50].

Представляется, что как раз в этом и должны реализовывать себя медиаторы службы пробации в допенитенциарной пробации:

- разрешение конфликтов в семье;
- налаживание взаимоотношений с родственниками;
- привитие навыков социально полезного взаимодействия.

А на стадии пенитенциарной и постпенитенциарной пробации все эти функции могут быть реализованы еще и во взаимоотношениях с трудовыми коллективами и соседями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Распоряжение* Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2021).
2. *Приказ* ФСИН России от 14.10.2021 № 919 «Об объявлении решения коллегии Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 01.11.2021).

3. Хуторская Н.Б. Институт пробации в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. 193 с.
4. Абатуров А.И., Коровин А.А. Служба пробации: зарубежный опыт / под общ. ред. Н.Б. Хуторской. Киров : Спектр-Принт, 2013. 174 с.
5. Хуторская Н.Б. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства России на основе Правил Совета Европы о пробации // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1, Т. 3. С. 68–71.
6. Овчинникова Н.А. Перспективы формирования службы пробации в РФ: международно-правовой аспект // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 06–07 июня 2012 года. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. С. 379–384.
7. Сарафаникова Л.А. Институт пробации в РФ // Научно-практические исследования. 2020. № 11-5 (34). С. 10–11.
8. Ольховик Н.В. Проблемы исполнения уголовных наказаний // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011, № 2 (16). С. 54–60.
9. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
10. Большой юридический словарь / [В.А. Белов и др.]; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2003. 703 с.
11. Минкина Н.И. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 158 с.
12. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 01.11.2021).
13. Дворянский И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М. : ООО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»; Penal Reform International, 2004. 90 с.
14. Карнозова М.Л. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект, 2015. 264 с.
15. Самолаева Е.Ю. О состоянии развития медиации и восстановительного правосудия в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 47–51.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Probation Service in the Russian Federation and Mediation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 91–94. DOI: 10.17223/23088451/18/16

Oleg N. Uvarov, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: probation, probation service, release from serving sentence, mediation, conciliation procedures.

The creation of the probation system envisages the imposition on the penal inspectorates of the powers of assisting in employment, providing housing, giving psychological and legal support to convicts and those released on parole. The following forms of probation exist: pre-penitentiary (before sentencing); penitentiary (related to punishment); post-penitentiary (after serving a sentence). Mediation is included in pre-penitentiary probation together with pre-trial probation, pre-trial functions, preparation of reports on the social situation of the offender. Being a fairly new function that is attributed to probation, mediation is one of the forms of restorative justice. In terms of the latter, mediation should complement modern criminal proceedings since it involves the achievement of goals that are not always successfully implemented within the framework of the traditional criminal procedure such as restoration of public relations violated by an unlawful act, condemnation of illegal acts and promotion of respect for generally accepted moral norms and values, Assistance to support of persons who have been harmed by an unlawful act and satisfaction of their interests and needs, assistance to the offender in gaining awareness of the consequences of the offense and in accepting responsibility for these consequences, identification of the restorative effect of punishment, reintegration of offenders into society and prevention of relapse, and identification of the causes of crime.

References

1. Russian Federation. (2021) *On the Concept of Development of the Penal Enforcement System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree No. 1138-r of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
2. Russian Federation. (2021) *On the Announcement of the Decision of the Board of the Federal Penitentiary Service: Order No. 919 of the Federal Penitentiary Service of Russia of October 14, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Khutorskaya, N.B. (1992) *Institut probatsii v SShA: ugolovno-pravovye, kriminologicheskie i organizatsionno-upravlencheskie aspekty* [Institute of probation in the USA: criminal law, criminological and organizational and managerial aspects]. Law Cand. Diss. Moscow.
4. Khutorskaya, N.B. (ed.) (2013) *Sluzhba probatsii: zarubezhnyy opyt* [Probation Service: Foreign experience]. Kirov: Spektr-Print.
5. Khutorskaya, N.B. (2017) Development of penal legislation of Russia on the basis of the council of Europe rules on probation. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 1 (3). pp. 68–71. (In Russian).
6. Ovchinnikova, N.A. (2012) [Prospects for the formation of the probation service in the Russian Federation: international legal aspect]. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS* [Topical issues of the activities of the UIS units]. Proceedings of the All-Russian Conference. Voronezh. 06–07 June 2012. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr “Nauchnaya kniga”. pp. 379–384. (In Russian).
7. Sarafannikova, L.A. (2020) Institut probatsii v RF [Institute of Probation in the Russian Federation]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya*. 11–5 (34). pp. 10–11.

8. Ol'khovik, N.V. (2011) Issues of executing criminal punishment. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2 (16). pp. 54–60. (In Russian).
9. Arutyunyan, A.A. (2012) *Mediatsiya v ugolovnom protsesse* [Mediation in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Sukharev, A.Ya. & Krutskikh, V.E. (eds) (2003) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
11. Minkina, N.I. (2017) *Mediatsiya kak al'ternativnyy sposob uregulirovaniya konfliktov* [Mediation As an Alternative Method of Conflict Resolution]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
12. Russian Federation. (2010) *Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii): federal'nyy zakon ot 27.07.2010 g. № 193-FZ (red. ot 26.07.2019)* [On the Alternative Procedure of Settling Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure): Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 (as amended on July 26, 2019)].
13. Dvoryanskov, I.V., Sergeeva, V.V. & Batalin, D.E. (2004) *Primenenie al'ternativnykh vidov nakazaniya v Zapadnoy Evrope, SShA i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [The Use of Alternative Forms of Punishment in Western Europe, the USA and Russia (Comparative legal research)]. Moscow: ROO “Tsentr sodeystviya reforme ugolovnogo pravosudiya”, Penal Reform International.
14. Karnozova, M.L. (2015) *Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie)* [Introduction to restorative justice (mediation in response to a crime)]. Moscow: Prospekt.
15. Samolaeva, E.Yu. (2019) On the state of development of mediation and restorative justice in the Russian criminal process. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 5. pp. 47–51. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10252

Received: 10 September 2021

А.А. Храмов

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

Рассматриваются источники уголовно-исполнительного законодательства. Делается вывод, что в науке уголовно-исполнительного права и правоприменительной практике ныне налицо ситуация необоснованного расширения системы уголовно-исполнительного законодательства не только до совокупности нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы деятельности УИС, а также относящихся к иным отраслям законодательства (и права), но и локальных актов ФСИН России.

Ключевые слова: *источники уголовно-исполнительного законодательства, система уголовно-исполнительного законодательства*

В условиях развития демократического общества и правового государства (ст. 1 Конституции РФ) определение законодательных основ его функционирования приобретает особую актуальность и значимость. Это касается и сферы исполнения уголовных наказаний, источники законодательного регулирования которой до сих пор составляют предмет различных дискуссий в науке уголовно-исполнительного права и практике его применения. Указанное обстоятельство порождает возникновение не только ряда теоретических (например, связанных с определением пределов уголовно-исполнительного регулирования), но и практических проблем. К последним, в частности, можно отнести определение и последующее преодоление, восполнение или устранение пробелов, коллизий и других недостатков именно уголовно-исполнительного, а не иных отраслей законодательства (том числе – криминального цикла).

В настоящее время проблема определения источников уголовно-исполнительного законодательства обусловлена рядом причин. Во-первых, семантической многозначностью самого слова «источник», под которым в юридических словарях понимается «то, что дает начало чему-либо, откуда исходит что-нибудь; вообще всякое начало или основание, причина, либо исходная точка; письменный документ, используемый в научном исследовании» [1. С. 145]. Во-вторых, исторически сложившимся в общей теории права пониманием источников права в материальном (как причины и условия) и формально-юридическом (нормативные акты, договоры, судебная практика и др.) смысле. В-третьих, двойственным пониманием законодательства (в узком и широком смысле слова) в уголовно-исполнительной науке, обусловленным сложившимся еще в прошлом веке несоответствием между легальным определением границ исправительно-трудового законодательства в ч. 2 ст. 2 ИТК РСФСР 1970 г.¹

Различное смещение указанных категорий между собой приводит к тому, что в науке уголовно-

исполнительного права и практике его применения, несмотря на установленный более двадцати лет назад отраслевым Кодексом узкий подход к определению системы уголовно-исполнительного законодательства², к источникам рассматриваемой законодательной отрасли отдельные авторы относят не только федеральные законы, но и иные нормативные правовые акты (в том числе Конституцию РФ, подзаконные нормативные правовые акты), а также судебную практику (например, в виде Определения Конституционного суда РФ) и акты применения норм права. Представляется, что такой подход не только не учитывает требования ч. 1 ст. 2 УИК РФ, но и противоречит принципу разделения властей, при котором судебные органы не могут создавать нормы права.

В связи с чем под источником уголовно-исполнительного законодательства следует понимать не просто исходный документ, в котором содержатся общие для отрасли законодательства (и права) принципы, либо документ, используемый в научном исследовании, а собственно уголовно-исполнительные нормы (регулирующие именно уголовно-исполнительные, а не иные, тесно с ними связанные отношения), содержащиеся в принятом высшим законодательным органом (Федеральным собранием РФ) нормативном правовом акте (федеральном законе). Отсюда вряд ли обоснованно и целесообразно, например, относить к источникам уголовно-исполнительного законодательства (собственно, как и уголовно-исполнительного права) Конституцию РФ, поскольку таковая не содержит в себе уголовно-исполнительных норм и не направлена на регулирование отношений в сфере исполнения наказаний. То же самое можно сказать и о международных правовых актах, которые действуют напрямую (как и Конституция РФ) в случае противоречия им отдельных уголовно-исполнительных норм.

В настоящее время, исходя из смысла и содержания ч. 1 ст. 2 УИК РФ, в систему уголовно-исполнительного законодательства помимо самого отрасле-

¹ При широком подходе происходит подмена системы законодательства системой права, чего, на наш взгляд, нельзя делать. Система уголовно-исполнительного права шире и, помимо законодательства, включает подзаконные нормативные правовые акты.

² Подобный подход демонстрируется не только в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве, но и законодательстве ряда зарубежных стран (например, Украины и Беларуси).

вого Кодекса входят и иные федеральные законы. Причем, как справедливо отмечает В.А. Уткин, допуская возможность действия в сфере исполнения уголовных наказаний иных федеральных законов, Кодекс не конкретизирует, какие именно законы (полностью либо их отдельные части) отнесены либо в будущем могут быть отнесены к уголовно-исполнительным [2. С. 138]. Указанное обстоятельство породило полемику в научной и учебной литературе среди ученых, всю палитру мнений которых можно разделить несколько групп.

Ряд авторов при рассмотрении источников уголовно-исполнительного законодательства помимо Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации упоминают лишь Закон Российской Федерации от 21.07.1993 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее Закон от 21.07.1993) [3. С. 109], демонстрируя достаточно узкий (и, на наш взгляд, весьма неоправданный) подход к определению системы уголовно-исполнительного законодательства.

Другая часть ученых подходит к решению данного вопроса несколько шире, относя к источникам данной отрасли законодательства (помимо вышеперечисленных двух нормативных правовых актов):

– ФЗ № 229 от 14.09. 2007 «Об исполнительном производстве», ФЗ № 118 от 21.07.1997 «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», ФЗ № 76 от 10.06.2008 «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее Закон об общественном контроле), а также ФЗ № 64 от 06.04.2011 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее Закон об административном надзоре) [4. С. 37];

– ФЗ 103 от 15.07.1995 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее Закон о содержании под стражей) [5. С. 246; 6. С. 41];

– Основы законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» (ст. 29), Закона РФ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 23, 34, 48, 51), Закон РФ «Об образовании» (ст. 19, 50) и другие нормативные правовые акты [7. С. 73].

Между тем анализ предмета уголовно-исполнительного правового регулирования и системы источников уголовно-исполнительного законодательства позволяет сделать вывод, что часть из рассмотренных нами выше позиций не только носит весьма спорный характер, но и противоречит общим положениям отраслевого Кодекса (в частности, установленным ч. 1 и ч. 2 ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ соответственно).

Так, вряд ли можно согласиться с мнением ученых, которые относят Закон об административном надзоре и Закон о содержании под стражей к источникам уголовно-исполнительного законодательства, поскольку их содержание не охватывается предме-

том регулирования последнего (ч. 2 ст. 2 УИК РФ)¹ и не связано с процессом исполнения (отбывания) уголовных наказаний. То же самое можно сказать о законах РФ «О воинской обязанности и военной службе», «Об образовании», «Об оперативно-розыскной деятельности» и большинстве других бланкетных законов (к которым отсылает УИК РФ). Указанные нормативные акты, как справедливо отмечает Ф.В. Грушин, хотя и закрепляют специфику правового положения осужденных, однако направлены на регулирование других сфер общественных отношений, следовательно, относятся к иным отраслям законодательства [9. С. 70].

Достаточно спорной представляется и позиция авторов, которые относят к источникам рассматриваемой отрасли законодательства, помимо самого Кодекса, многочисленные законы, которые не только вносят в него изменения и дополнения, но и которым он был введен в действие. В частности, речь идет о ФЗ № 2 от 08.01.1997 «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» (далее ФЗ № 2 от 08.01.1997), ФЗ № 177 от 28.12.2004 «О введении в действие положений УК РФ и УИК РФ о наказании в виде обязательных работ» (далее ФЗ № 177 от 28.12.2004) и др. Пока данные нормативные акты находятся вне Кодекса (т.е. не введены в действие), – справедливо отмечает В.А. Уткин, – они не действуют в уголовно-исполнительных отношениях. Действуют же указанные нормы только в виде видоизмененных либо новых положений УИК РФ, утрачивая, таким образом, свою самостоятельность [2. С. 140].

Важно отметить, что существующая в уголовно-исполнительной науке проблема определения источников уголовно-исполнительного законодательства зачастую выходит за рамки научных статей (пособий, монографий и т.п.), влияя не только на формирование уголовно-исполнительного права как учебной дисциплины (модуля), но и правоприменительную практику.

Так, анализ содержания рабочих программ по данной дисциплине позволил сделать вывод, что их авторы-составители в отдельных случаях (как и в науке) при рассмотрении источников уголовно-исполнительного законодательства относят к ним ФЗ № 2 от 08.01.1997, федеральные законодательные акты, принятие которых прямо предусмотрено УИК РФ, в том числе: об общественном контроле за обеспечением прав осужденных в учреждениях и органах, исполняющих наказания, и о содействии общественным объединениям их деятельности; несуществующий Закон о социальной помощи лицам, отбывшим наказание, и контроле за их поведением; о помиловании [10]; Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в ИТК РСФСР, УК РСФСР и УПК РСФСР» [11]; ФЗ № 177 от 28.12.2004, Закон о содержании под стражей [12].

¹ На этот счет есть и иная точка зрения. Так, например, Ю.А. Головазова относит к источникам уголовно-исполнительного законодательства Закон о содержании под стражей, поскольку тот «содержит в себе конкретизирующие уголовно-исполнительные нормы, касающиеся исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы для осужденных, оставленных в СИЗО в качестве хозобслуги» [8. С. 202].

Без упоминания о подходе к определению термина «уголовно-исполнительное законодательство» (узкий или широкий), к его источникам некоторые авторы относят подзаконные [13] и международные правовые акты, являющиеся «*составной частью уголовно-исполнительного законодательства РФ*» [14] (выделено нами. – А.Х.), что вряд ли обоснованно в контексте ч. 1 ст. 2 УИК РФ.

Что касается правоприменительной практики, то здесь, как показал опрос работников УИС, в большинстве своем под «уголовно-исполнительным законодательством» ими понимаются не только УИК РФ, Закон от 21.07.1993 и принятые в соответствии с ними подзаконные нормативные правовые акты, но и ведомственные акты ФСИН России (как правило, в виде письменных указаний, методических рекомендаций и др.), которые не могут входить не только в систему уголовно-исполнительного законодательства, но и уголовно-исполнительного права (поскольку ФСИН России, исходя из ограниченных Президентом РФ полномочий, не может издавать нормативные правовые акты по вопросам исполнения уголовных наказаний)¹.

Подобная ситуация² в отдельных случаях возникает и в надзорной практике. Так, например, «в ходе проверок соблюдения уголовно-исполнительного законодательства Камской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в ИУ, в одном из ИУ были выявлены нарушения *ФЗ от 21.12.1994 «О пожарной безопасности»* [16. С. 34–36] (выделено нами. – А.Х.), в связи с чем в адрес начальника учреждения было вынесено представление о необходимости их устранения. Однако, поскольку данный закон не регулирует уголовно-исполнительные отношения, относить его к источникам уголовно-исполнительного законодательства (даже при широком подходе к его пониманию) представляется неверным.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что ныне в науке уголовно-исполнительного права и практике его применения, а также в образовательном процессе (при преподавании дисциплины «Уголовно-исполнительное право») налицо ситуация необоснованного расширения источников уголовно-исполнительного законодательства не только до системы нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы деятельности уголовно-исполнительной системы, либо относящихся к иным отраслям законодательства, но и локальных актов ФСИН России (в виде указаний, писем, методических рекомендаций), а также судебной практики (в виде определений

Конституционного суда РФ), что в конечном итоге может привести к неоправданному ограничению прав и свобод человека и гражданина.

Представляется, что для правильного определения источников уголовно-исполнительного законодательства следует исходить в первую очередь из принципов и предмета его регулирования. Причем, учитывая признанное в теории права неполное совпадение системы права и системы законодательства, здесь, как справедливо отмечает В.А. Уткин, необходимо исходить из расширительного толкования требований ч. 1 ст. 2 УИК РФ, относя к системе не только какой-либо федеральный закон в целом, но и его отдельный раздел, главу, норму. Это связано с тем, что в настоящее время не существует ни одного закона, направленного исключительно на регулирование собственно уголовно-исполнительных отношений. Даже УИК РФ, исходя из его содержания, в отдельных случаях регулирует иные отношения, не связанные с исполнением уголовных наказаний (например, административно-контрольные (ст. 19–24), уголовно-процессуальные (ч. 1 ст. 175, ст. 176) и иные).

Таким образом, к источникам уголовно-исполнительного законодательства, помимо подавляющего числа норм УИК РФ, следует относить:

- нормы глав III и V Закона РФ от 21.07.1993 в части применения мер безопасности, привлечения осужденных к труду;
- нормы Закона об общественном контроле, регулирующих непосредственное взаимодействие комиссий и их членов с осужденными, а также с администрацией ИУ по вопросам, влияющим на правовое и фактическое положение конкретных осужденных;
- нормы ФЗ № 229 от 14.09. 2007 «Об исполнительном производстве» в части исполнения наказания в виде штрафа (ст. 103);
- нормы ФЗ № 118 от 21.07.1997 «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», которые регулируют общественные отношения, возникающие в связи с реализацией сотрудниками органов принудительного исполнения мер безопасности при исполнении наказания в виде штрафа (ст. 15–18).

Что касается Конституции РФ и международных нормативных правовых актов, то, как показало проведенное нами исследование, в настоящее время нет достаточных оснований относить их к источникам рассматриваемой отрасли законодательства, исходя из обозначенного нами выше их понимания.

¹ В опросе приняли участие 14 начальников учреждений или включенных в резерв на замещение должности начальника учреждения и 14 начальников отряда, проходивших повышение квалификации в 1 полугодии 2021 г. в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России.

² Связанная прежде всего с чрезмерно широким толкованием системы уголовно-исполнительного законодательства и фактической подменой источников законодательства систематикой нормативных правовых актов, регулирующих не только уголовно-исполнительную деятельность, но и иную деятельность УИС (в том числе административно-хозяйственную, контрольную и иную). Более подробно, см. [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванюк О.А. Источник права: проблема определения // Журнал российского права. 2007. № 9 (129). С. 142–150.
2. Антонян Ю.М., Бабаян С.Л., Бошно С.В. и др. Курс уголовно-исполнительного права : в 3 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под общ. ред. Г.А. Корниенко; под науч. ред. А.В. Быкова. М. : Криминологическая библиотека; Российский криминологический взгляд, 2017. 528 с.
3. Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. Уголовно-исполнительное право : учебник. М. : Межрегион. ин-т экон. и права, 2009. 310 с.
4. Демидова О.В. Дискуссионные источники уголовно-исполнительного права. Воронеж : Научная книга, 2015. 188 с.
5. Усеев Р.З. Коррупциогенные факторы в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. 2019. С. 246–248.
6. Маликова Н.Б. Проблемы систематизации уголовно исполнительного законодательства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 2 (117). С. 41–44.
7. Уголовно-исполнительное право. Общая часть / под ред. Ю.И. Калинина. Рязань, 2001. 584 с.
8. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 615 с.
9. Грушин Ф.В. Актуальные проблемы в определении источников уголовно-исполнительного права // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3 (4). С. 69–71.
10. Рабочая программа дисциплины «Уголовно-исполнительное право» автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС». URL: [https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Ugolovno-ispolnitelnoe_pravo_YUA_UGP\(1\).pdf](https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Ugolovno-ispolnitelnoe_pravo_YUA_UGP(1).pdf) (дата обращения: 10.06.2021).
11. Рабочая программа дисциплины «Уголовно-исполнительное право» ФГОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга». URL: http://www.kamgu.ru/sveden/files/B1.V.11_UIP_RPD.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
12. Рабочая программа дисциплины «Уголовно-исполнительное право» НГЭУ. URL: https://nsau.edu.ru/law/kafedry/crime/metodicheskaya-rabota/?list_type=spec (дата обращения: 10.06.2021).
13. Рабочая программа дисциплины «Уголовно-исполнительное право» СФ РПА МЮ РФ. URL: https://ptz.rpa-mu.ru/Media/ptz/kafedri/ugolovno-pravovyh-disciplin/RP_Ur/Ugolovno-ispolnitelnoe-pravo.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
14. Рабочая программа дисциплины «Уголовно-исполнительное право» частного образовательного учреждения высшего образования «Институт управления», г. Архангельск. URL: http://www.miuarh.ru/upload/iblock/1bd/metod_ugolovno_ispolnitelnoe_pravo_40.03.01_ugolovno_ispolnitelnoe_28.06.2017.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
15. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 39–43.
16. Уласень В.И. Устранение нарушений уголовно-исполнительного законодательства // Законность. 2010. № 11 (913). С. 34–36.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

On Determining the Sources of the Penal Legislation of Russia

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 95–99. DOI: 10.17223/23088451/18/17

Alexandr A. Khramov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru

Keywords: sources of penal legislation, system of penal legislation.

The article discusses the sources of penal legislation. Based on the analysis of the positions of scholars in the field of penal law, work programs in the Penal Law discipline, and a survey of the penal system employees, the author concludes that currently there is an unjustified expansion of the system of penal legislation in science, law enforcement practice, and the educational process. Penal legislation expands not only to a set of regulatory legal acts regulating various areas of the penitentiary system and areas related to other branches of legislation (and law), but also to local acts of the Federal Penitentiary Service of Russia. This results in the emergence of a number of theoretical and practical problems. The latter, in particular, include the definition and subsequent overcoming, filling or elimination of gaps, collisions and other shortcomings of the penal, not other, branches of legislation.

References

1. Ivanyuk, O.A. (2007) Istochnik prava: problema opredeleniya [Source of law: the problem of definition]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9 (129). pp. 142–150.
2. Kornienko, G.A. (ed.) (2017) *Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Course of penal enforcement law]. Vol. 1. Moscow: Kriminologicheskaya biblioteka; Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad.
3. Malinin, V.B. & Smirnov, L.B. (2009) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal enforcement law]. Moscow: Mezhhregional'nyy institut ekonomiki i prava; Yuridicheskaya firma "KONTRAKT"; OOO "VOLTERS KLUVER".
4. Demidova, O.V. (2015) *Diskussionnye istochniki ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Debatable Sources of Penal Enforcement Law]. Voronezh: Nauchnaya kniga.
5. Useev, R.Z. (2019) [Corruption factors in the penal legislation of the Russian Federation]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt* [Penitentiary Security: National traditions and foreign experience]. Proceedings of the All-Russian Conference. Samara. 30–31 May 2019. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 246–248. (In Russian).
6. Malikova, N.B. (2012) Problemy sistematzatsii ugolovno ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [Problems of systematization of penal enforcement legislation]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 2 (117). pp. 41–44.

7. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2001) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Obshchaya chast'* [Penal Enforcement Law. General part]. Ryazan: Logos.
8. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal enforcement law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system]. Law Dr. Diss. Moscow.
9. Grushin, F.V. (2007) Aktual'nye problemy v opredelenii istochnikov ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Topical issues in determining the sources of penal law]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 3 (4). pp. 69–71
10. University under the Interparliamentary Assembly of EURASEC. (2020) *Rabochaya programma distsipliny "Ugolovno-ispolnitel'noe pravo"* [Work program of the Penal Law discipline]. [Online] Available from: [https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Ugolovno-ispolnitelnoe_pravo_YUA_UGP\(1\).pdf](https://www.miep.edu.ru/sveden/files/Ugolovno-ispolnitelnoe_pravo_YUA_UGP(1).pdf) (Accessed: 10th June 2021).
11. Kocheneva, I.P. (2020) *Rabochaya programma distsipliny "Ugolovno-ispolnitel'noe pravo" FGOU VO "Kamchatskiy gosudarstvennyy universitet imeni Vitusa Beringa"* [Work program of the Penal Law discipline of Kamchatka State University named after Vitus Bering]. [Online] Available from: http://www.kamgu.ru/sveden/files/B1.V.11_UIP_RPD.pdf (Accessed: 10th June 2021).
12. Novosibirsk State Agricultural University. (n.d.) *Rabochaya programma distsipliny "Ugolovno-ispolnitel'noe pravo" NGAU* [Work program of the Penal Law discipline of NSAU]. [Online] Available from: https://nsau.edu.ru/law/kafedry/crime/metodicheskaya-rabota/?list_type=spec (Accessed: 10th June 2021).
13. Morozov, S.K. (2014) *Rabochaya programma distsipliny "Ugolovno-ispolnitel'noe pravo"* [Work program of the Penal Law discipline]. [Online] Available from: https://ptz.rpa-mu.ru/Media/ptz/kafedri/ugolovno-pravovyh-disciplin/RP_Ur/Ugolovno-ispolnitelnoe-pravo.pdf (Accessed: 10th June 2021).
14. Selyakov, N.A. (2017) *Rabochaya programma distsipliny "Ugolovno-ispolnitel'noe pravo"* [Work program of the Penal Law discipline]. Arkhangelsk: Institut upravleniya. [Online] Available from: http://www.miuarh.ru/upload/iblock/1bd/metod_ugolovno_ispolnitelnoe_pravo_40.03.01_urisprudenciya_28.06.2017.pdf (Accessed: 10th June 2021).
15. Utkin, V.A. (2016) Penal activity and subject of the penal law. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 2 (24). pp. 39–43. (In Russian).
16. Ulasen', V.I. (2010) Elimination of violations in correctional legislation. *Zakonnost'*. 11 (913). pp. 34–36. (In Russian).

Received: 10 September 2021

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963+343.82

DOI: 10.17223/23088451/18/18

О.В. Воронин

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ПРОКУРАТУРЫ

Поскольку пенитенциарный надзор представляет собой отдельный вид прокурорского надзора, осуществляемого в рамках соответствующих отраслей, его организация строится на основных принципах организации прокурорского надзора: единстве прокурорской системы, централизации, независимости, законности и гласности ее деятельности, а также организационных началах – зональном и предметном разграничении компетенций и полномочий. Вместе с тем некоторые из них имеют специфику применительно к организации пенитенциарного надзора прокуратуры, которая и раскрывается в настоящей статье.

Ключевые слова: *пенитенциарный надзор, принципы организации и деятельности прокуратуры, места принудительной изоляции*

Под пенитенциарным надзором прокуратуры понимается отдельный вид прокурорской деятельности, реализуемый в рамках различных отраслей и направлений деятельности отечественной прокуратуры, направленный на обеспечение законности исполнения мер пенитенциарной изоляции и соблюдения правового положения лиц, в отношении которых эти меры реализуются [1; 2. С. 89–97].

В литературе не существует единых подходов к определению понятия и содержания организации прокурорского надзора. Одни авторы ограничивают его общими основами и принципами, формами и методами организации прокурорской деятельности [3. С. 126–155], другие – включают структуру, формы и методы деятельности, кадровый состав [4. С. 13]. Третьи – раскрывают детальное содержание организации применительно к конкретным направлениям прокурорской деятельности, уточняя все или отдельные элементы (стороны) организации прокурорского надзора [5]. Четвертые – предпочитают вести речь не столько об организации надзора, сколько об организации работы прокурора (прокуратуры) по реализации возложенных на него обязанностей (компетенций) [6. С. 108–148]. Наконец, пятые – ведут речь об организации работы и управления в органах прокуратуры [7. С. 120–136]. В этой связи справедливым представляется суждение о том, что сложность и многообразие элементов, свойств и сторон организации работы прокуратуры не позволяют создать полное и исчерпывающее представление об организации работы прокуратуры любого звена [8. С. 38].

В контексте приведенных подходов термин «организация», как правило, используется для обозначения устройства, создания условий и процесса осуществления прокурорского надзора (деятельности) с целью оптимизации функционирования прокурорской системы по реализации поставленных перед ней целей и задач. В этой связи организацию пенитенциарного надзора в общем виде можно определить как устройство, создание условий и процесс осуществления пени-

тенциарного надзора с целью обеспечения законности в местах принудительной изоляции.

Организация пенитенциарного надзора как создание оптимальных условий охватывает: управление и контроль исполнения возложенных на соответствующих должностных лиц обязанностей по реализации пенитенциарного надзора; планирование и учет объема работы и результатов деятельности по реализации пенитенциарного надзора; информационно-аналитическую, правовую и обеспечительную работу; кадровую работу; прогнозирование работы по осуществлению пенитенциарного надзора; координацию и взаимодействие с иными органами и лицами при осуществлении пенитенциарного надзора [5. С. 5–58].

Организация прокурорского надзора как процесс осуществления пенитенциарного надзора содержит деятельность, направленную на непосредственную реализацию и организацию внутренней работы прокуратуры по осуществлению пенитенциарного надзора, а также вспомогательную деятельность [8. С. 37–38].

В науке достаточно детально раскрыты вопросы организации прокурорского надзора в целом и применительно к принудительной изоляции в частности. При этом основное внимание уделено вопросам оптимизации надзора (созданию оптимальных условий) и непосредственно процессу его осуществления. В этой связи в рамках данного исследования акцент будет сделан на принципах организации и осуществления пенитенциарного надзора.

Поскольку пенитенциарный надзор прокуратуры представляет собой отдельный вид прокурорского надзора, осуществляемого в рамках существующих отраслей, его организация строится на основных принципах организации прокурорского надзора: единстве прокурорской системы, централизации, независимости, законности и гласности ее деятельности, а также организационных началах – зональном и предметном разграничении компетенций и полномочий (объема ее работы). Отмеченные принципы носят универсальный характер, обуславливающийся, прежде всего, их обяза-

тельным закреплением в нормативных правовых актах высшей юридической силы, регулирующих организацию и деятельность прокуратуры, – Конституции РФ и Законе о прокуратуре; их происхождением – все они служат результатом анализа и обобщения предшествовавшей продолжительной прокурорской деятельности; и, наконец, их фундаментальным характером по отношению к современной прокурорской деятельности и ее нормативно-правовому регулированию. В этой связи их общий характер находит свое отражение не только в устройстве и создании оптимальных условий осуществления пенитенциарного надзора, но также в непосредственной деятельности по его реализации.

Принцип единства прокурорской деятельности обеспечивает единство системы органов и организаций прокуратуры, осуществляющих пенитенциарный надзор, и запрещает создание и деятельность на территории Российской Федерации иных органов, не входящих в единую систему органов прокуратуры, что имеет важное значение при решении вопроса об оптимизации деятельности специализированных и территориальных органов прокуратуры с целью повышения общей эффективности пенитенциарного надзора. Кроме того, единство прокурорской деятельности обеспечивается запретом вмешательства в осуществление пенитенциарного надзора со стороны прочих органов власти, а также негосударственных структур, занимающихся осуществлением общественного контроля в местах принудительной изоляции, с целью повлиять на принимаемые прокуратурой решения или воспрепятствовать ее деятельности.

Единство реализации пенитенциарного надзора обеспечивается исключительной компетенцией Генерального прокурора РФ, устанавливающей комплекс полномочий по осуществлению пенитенциарного надзора нижестоящими прокурорами: только он принимает решения об образовании, реорганизации и упразднении специализированных и территориальных органов прокуратуры, непосредственно реализующих обязанности по осуществлению пенитенциарного надзора, определению их статуса и компетенции. В этой связи Генеральный прокурор РФ устанавливает штаты и структуру управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры РФ [9], Главной военной прокуратуры, определяет полномочия структурных подразделений, устанавливает штатную численность и структуру территориальных и специализированных органов прокуратуры, реализующих пенитенциарный надзор. Генеральный прокурор РФ также издает обязательные для исполнения всеми прокурорскими работниками органов прокуратуры директивы, регулирующие вопросы организации и осуществления пенитенциарного надзора и устанавливающие единые цели, задачи, направления и полномочия по его реализации, нацеленные на единое понимание и применение нормативных правовых актов, обеспечивающих законность пенитенциарной изоляции.

Обязанности по реализации пенитенциарного надзора также возложены на прокуроров субъектов РФ

и приравненных к ним специализированных прокуроров. Согласно п. 1 Приказа Генерального прокурора РФ от 07.05.2008 № 84 (в ред. Приказа Генпрокуратуры России от 21.08.2019 № 583) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [10], основные обязанности по организации прокурорского надзора за исполнением законов в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, при исполнении уголовных наказаний и применении судом принудительных мер медицинского характера, возлагаются на прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним военных прокуроров. Такое распределение компетенции также способствует единству осуществления пенитенциарного надзора.

Принцип централизации в большей степени относится к вопросам построения организационной структуры осуществления пенитенциарного надзора и означает, что он осуществляется из единого центра – Генпрокуратуры РФ: все специализированные и территориальные органы прокуратуры по вопросам реализации пенитенциарного надзора подчиняются вышестоящим органам, подразделениям и должностным лицам органов прокуратуры, а все вместе – Генеральному прокурору РФ. Такой подход обеспечивает максимальную компетентность и оперативность управления всеми субъектами прокурорской деятельности, осуществляющими пенитенциарный надзор, а также в исключительных или особых случаях – взаимозаменяемость прокуроров. Так, п. 2.2. Приказа № 84 устанавливает исключительную компетенцию специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, действующих на правах районных (межрайонных), с подчинением соответствующим прокурорам субъектов Федерации. Вместе с тем в соответствии с п. 2.5 данного Приказа при отсутствии на территории субъекта РФ специализированной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях соответствующие полномочия по осуществлению надзора возлагаются на территориальных прокуроров – прокуроров городов и районов. В силу действия принципа централизации в особых случаях прокурор субъекта РФ может взять на себя выполнение полномочий специализированного прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях или соответствующего нижестоящего территориального прокурора. Таким образом, ключевые вопросы осуществления пенитенциарного надзора разрешаются на уровне региональных прокуратур по зонально-предметному принципу с учетом приоритета территориального начала организации прокурорского надзора.

Как один из принципов организационного устройства пенитенциарного надзора централизация имеет определенную специфику, заключающуюся в некотором ее ограничении. Как уже отмечалось ранее, основные обязанности по организации прокурорского надзора возлагаются на региональных прокуроров (и приравненных к ним военных прокуроров), осуществляю-

щих непосредственное руководство деятельностью нижестоящих специализированных прокуратур по соблюдению законов в исправительных учреждениях, а также при отсутствии последних – в соответствующих нижестоящих территориальных прокуратурах. И в этой связи прокуратуры субъектов РФ наряду с Генпрокуратурой РФ выступают в роли основного звена, контролирующего осуществление пенитенциарного надзора. Такой подход является определяющим для всех прокуратур субъектов Российской Федерации и вытекает из требований действующего законодательства, регулирующего территориальные начала организации и деятельности уголовно-исполнительной системы и основные принципы организации контроля за ее деятельностью (ст. 73 УИК РФ и ст. 5, п. 6 ч. 1 ст. 38 Закона об УИС). Таким образом, принцип централизации применительно к пенитенциарному надзору имеет некоторую специфику в «вертикальном» срезе. С учетом особенностей назначения прокуроров субъектов РФ отмеченное обстоятельство может быть воспринято как определенное препятствие для проведения единой политики в рассматриваемой сфере, однако это не так в силу исключительного федерального регулирования вопросов принудительной изоляции.

Кроме «вертикальной», принцип централизации имеет «горизонтальную» специфику, заключающуюся в наличии автономной от территориальных органов прокуратуры системы надзора за законностью пенитенциарной изоляции со стороны органов военной прокуратуры.

Вместе с тем анализ профильных директив Генпрокуратуры России [11] позволяет сделать вывод о том, что организация деятельности военных прокуратур по осуществлению надзора за законностью пенитенциарной изоляции на гауптвахтах и в дисциплинарных воинских частях также строится на принципах единства и централизации организации и осуществления надзора за законностью принудительной изоляции: едином нормативном регулировании, схожем распределении обязанностей и определении направлений надзора, единых подходах к его реализации. Такой подход вызывает поддержку: надзор за законностью пенитенциарной изоляции военнослужащих должен сохраняться за органами военной прокуратуры, по крайней мере, при сохранении действующей системы комплектования Вооруженных Сил РФ. С учетом современной специфики организации и деятельности отечественной армии, а также незначительного распространения мер «военного» лишения свободы среди прочих видов пенитенциарной изоляции, нет смысла реорганизовывать существующий порядок и «демилитаризовать» прокурорский надзор на данном направлении. Взаимодействие с иными органами прокуратуры по вопросам осуществления пенитенциарного надзора должно строиться по зонально-предметному принципу с учетом приоритета и специфики действия централизованного начала организации прокурорского надзора. Таким образом, наличие отдельной системы органов военной прокуратуры, осуществляющих надзор за законностью пенитенциарной изоляции в Вооруженных Силах РФ,

также не является препятствием для единой правовой политики Генеральной прокуратуры РФ в сфере обеспечения законности пенитенциарной изоляции.

Принцип независимости при осуществлении пенитенциарного надзора обеспечивается запретом вмешательства в какой-либо форме в осуществление надзора со стороны иных лиц, наличием отдельного предмета и пределов пенитенциарного надзора, его организацией и особым арсеналом правовых средств, а также весьма существенными экономическими, социальными и правовыми гарантиями прохождения службы в органах прокуратуры. При этом важно подчеркнуть, что речь идет только о внешней независимости. Что же касается внутриорганизационной деятельности органов прокуратуры, взаимоотношений ее отдельных частей внутри системы, то здесь не может быть и речи о независимости [8. С. 35].

Вместе с тем в силу высокого уровня автономности уголовно-исполнительной системы, особенностей дислокации большинства исправительных учреждений, существенной специализации прокурорского надзора за их деятельностью и историческими особенностями организации прокурорского надзора создается реальная угроза фактического сращивания прокурорской деятельности с административной и организационной деятельностью поднадзорных лиц, прежде всего администраций исправительных учреждений. При этом не исключается необоснованное вмешательство как со стороны прокуратуры в деятельность поднадзорных лиц, так и обратное влияние поднадзорной среды на объективность прокурорского надзора, что, безусловно, создает угрозы независимости пенитенциарного надзора прокуратуры, дискредитирует его значение. Нивелировать данные негативные проявления призвана слаженная работа контролирующих подразделений прокуратуры (курирующих прокуроров), грамотная кадровая работа, а также организационно-правовые преобразования специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

Законность осуществления пенитенциарного надзора, прежде всего, означает легитимность данного вида прокурорской деятельности, обеспечиваемой закрепленными в Законе о прокуратуре направлениями прокурорской деятельности, по которым она реализуется. Несмотря на отсутствие легального определения используемого термина, данная деятельность строится в строгом соответствии с требованиями законов и неукоснительным соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В этом смысле законность пенитенциарного надзора совпадает с традиционным ее пониманием как режима и результата прокурорской деятельности в целом: с одной стороны, реализующие данное направление деятельности прокуроры действуют в пределах предусмотренных законом прав, с другой – их деятельность направлена на обеспечение правомерного состояния пенитенциарной изоляции – единство и укрепление законности, защиту прав и свобод лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Вместе с тем существуют некоторые особенности реализации данного принципа применительно к пени-

пенитенциарному надзору, заключающиеся в наличии широкого подзаконного и ведомственного нормативного регулирования принудительной изоляции, приводящего к широкому пониманию данного принципа. В этой связи обеспечение законности пенитенциарной изоляции включает в себя следование требованиям, закрепляемым не только в актах высшей юридической силы – Конституции РФ и законах, но и в подзаконных и ведомственных актах, регулирующих принудительную изоляцию. Поэтому одной из дополнительных гарантий от «размывания» прямого действия, верховенства и единства применения закона, должно служить требование о безусловном соблюдении правового положения личности как неотъемлемого элемента принципа законности пенитенциарной изоляции.

Принцип гласности в большей степени определяет деятельность прокуратуры и охватывает: возможность любым законным способом свободно получать информацию о деятельности прокуратуры по осуществлению пенитенциарного надзора и состоянию поднадзорной среды – принудительной изоляции; обязанность соответствующих прокурорских работников информировать федеральные государственные органы власти, органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также население в специально установленном порядке о состоянии законности в сфере принудительной изоляции от общества; пенитенциарный надзор прокуратуры осуществляется гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об охране прав и свобод человека и граждан, а также законодательства Российской Федерации о государственной и иной специально охраняемой законом тайне.

В последнее время в содержании данного принципа выделяют два аспекта. В первом случае под гласностью понимается активное освещение деятельности соответствующего органа, причем зачастую акцент делается на инициативном освещении недостатков в процессе и результатах такой деятельности. Во втором – речь идет о создании условий для максимальной прозрачности его деятельности, и в этом контексте термин гласность часто заменяется понятием открытости деятельности соответствующего органа. В этой связи представляется более правильным говорить об открытости деятельности прокуратуры при осуществлении пенитенциарного надзора с учетом ограничений этого начала, предусмотренного действующим законодательством.

Организация и деятельность по осуществлению пенитенциарного надзора строится на основе зонального, или предметного-зонального принципа организации работы прокуратуры. В этой связи основные обязанности по непосредственному осуществлению пенитенциарного надзора возлагаются на прокуратуры первичного звена: на специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях; в случае их отсутствия – на районные (межрайонные) или городские территориальные прокуратуры; военные прокуратуры гарнизонов (прокуратуры флотилий). Согласно приказам Генпрокуратуры России № 6 и 24, контроль за деятельностью указанных

прокуратур несут соответствующие прокуроры субъектов Федерации (окружные военные прокуроры). Обязанности по реализации контрольных функций возлагаются на начальников отделов, старших помощников и помощников прокуроров субъектов РФ (соответствующих должностных лиц военных окружных прокуратур). За каждым из прокуроров (старших прокуроров) отделов и управлений закрепляется определенное количество нижестоящих специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, а при их отсутствии – соответствующих районных (межрайонных) или городских прокуратур. Аналогичным образом организуется деятельность военных прокуратур по осуществлению пенитенциарного надзора. Указанные прокуроры фактически представляют собой функциональных руководителей, осуществляющих непосредственный контроль и руководство осуществлением пенитенциарного надзора. В свою очередь, общий контроль и руководство на этом направлении осуществляют управление по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России и Главная военная прокуратура. Таким образом, основные вопросы устройства пенитенциарного надзора разрешаются на уровне региональных прокуратур по зонально-предметному принципу с учетом приоритета территориального начала организации прокурорского надзора.

Организация пенитенциарного надзора по зонально-предметному принципу исключает иные формы специализации прокурорской деятельности, например введение отдельных должностей специализированных прокуроров. Такие предложения периодически высказываются в науке, причем спектр мнений достаточно широк: от введения должности специального (независимого) прокурора по американскому образцу [12–14] до учреждения должности прокурора, осуществляющего свои обязанности в какой-то определенной сфере прокурорской деятельности.

Институты Независимого прокурора (Independent Counsel), осуществляющего свою деятельность в специальном присутствии по назначению независимых прокуроров (Special Division of Appointing Independent Counsels) Апелляционного суда округа Колумбия (US Court of Appeals for the District of Columbia), основной задачей которого является уголовное преследование высших должностных лиц государства [15. С. 11–21], либо специальных прокуроров, назначаемых для производства расследования в случае конфликта интересов профессиональных участников судопроизводства, существующие в некоторых странах, не могут быть имплементированы в российское законодательство по причине существенного различия в уголовном судопроизводстве России и этих стран. По своей сути они представляют собой один из элементов политического сдерживания в зарубежной системе уголовной юстиции, точнее уголовного преследования, и в этой связи не могут быть встроены в систему отечественного прокурорского надзора.

Учреждение же должностей отдельных специализированных прокуроров для осуществления надзорных функций (например, пенитенциарных прокуроров вме-

сто соответствующих специализированных прокуратур) с позиции организации прокурорской деятельности представляет собой однозначный шаг назад в развитии прокурорского надзора, поэтому едва ли стоит поддерживать такие предложения.

Широкое подзаконное и ведомственное нормативное регулирование принудительной изоляции и особенности организации деятельности исправительных учреждений обуславливают наличие существенной специализации в осуществлении прокурорско-надзорной деятельности, что, в свою очередь, служит дополнительным аргументом в пользу функционирования специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, а также предполагает глубокое погружение прокурорских работников в отдельный нормативный правовой массив, требующий высокой профессиональной специализации. В этой связи специализация прокурорской деятельности по осуществлению пенитенциарного надзора необходима. Однако она не должна носить радикальный характер, предполагающий значительные структурные преобразования сложившейся прокурорской деятельности. Представляется достаточным создания

соответствующих условий труда в соответствующих прокуратурах, в том числе путем освобождения прокурорских работников от иных непрофильных обязанностей, как, например, это закрепляет п. 2.4 Приказа Генпрокуратуры России № 6, предписывающий региональным и приравненным к ним военным прокурорам исключать факты возложения на прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов администрациями пенитенциарных учреждений, а также начальников отделов, старших помощников и помощников прокуроров субъектов РФ (соответствующих должностных лиц военных прокуратур), осуществляющих контроль за организацией надзора в этой сфере, обязанностей по другим направлениям надзора.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: организация пенитенциарного надзора строится на общих принципах организации и деятельности прокуратуры с учетом специфики надзора за законностью принудительной изоляции, заключающейся в отдельных особенностях их реализации, обусловленных широким подзаконным нормативным правовым регулированием и особым составом органов и должностных лиц прокуратуры, его осуществляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин О.В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты. Томск : Изд-во НТЛ, 2010. 144 с.
2. Воронин О.В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры // Уголовная юстиция. 2020. № 16. С. 89–97.
3. Крюков В.Ф. Прокурорский надзор : учебник для вузов. М. : НОРМА, 2006. 784 с.
4. Кливер И.Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. 138 с.
5. Организация работы городской (районной) прокуратуры : методическое пособие / под общ. ред. С.И. Герасимова. М. : НИИ Проблем укрепления законности и правопорядка, 2001. 297 с.
6. Бессарабов Г.Г. Прокурорский надзор за соблюдением права на свободу совести в учреждениях пенитенциарной системы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 237 с.
7. Рябцев В.П. Прокурорский надзор : курс лекций. М. : Норма, 2006. 288 с.
8. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации : учебник. М. : Ин-т повышения квалификации РК Генпрокуратуры РФ, 2005. 336 с.
9. Положения об управлении по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации, утвержденное Генеральным прокурором РФ 09.04.2018 // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. Локальная сеть НБ ТГУ.
10. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.05.2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. Локальная сеть НБ ТГУ.
11. Приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 (в ред. Приказа Генпрокуратуры России от 21.08.2019 № 584) «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. Локальная сеть НБ ТГУ.
12. Прокурор придет, а кто порядок наведет? URL: <https://rusplt.ru/society/prokuror-pridet-poryadok-28883.html>
13. Лысков А. От кого не зависит прокурор. Пресечь телефонное право может институт независимого прокурора. Локальная сеть НБ ТГУ.
14. Бушманов И. Специальный прокурор придет на помощь. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/spetsialnyy-prokuror-pridet-na-pomoshch/>
15. Власихин В.А. Служба обвинения в США: Закон о политика. М. : Юрид. лит., 1981. 176 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Principles of Organizing Penitentiary Supervision by the Prosecutor's Office

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 100–105. DOI: 10.17223/23088451/18/18

Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: penitentiary supervision, principles of prosecutor's office organization and activities, places of compulsory isolation.

Penitentiary supervision is a separate type of prosecutor's supervision carried out within the framework of the relevant sectors. It is based on the key principles of organizing prosecutor's supervision: the unity of the prosecutor's system, centralization, independence, legality and publicity of its activities, as well as on the organizational principles: delimitation of competence and powers by zones and objects. The main issues of the structure of penitentiary supervision are resolved at the level of regional prosecutor's offices according to

the zone and object principle, taking into account the priority of territories in organizing prosecutor's supervision. Organizing of penitentiary supervision is based on the general principles of the organization and activities of the prosecutor's office, taking into account the specifics of supervision over the legality of compulsory isolation – certain features of its implementation due to the broad subordinate normative legal regulation and the special composition of the bodies and officials of the prosecutor's office who exercise it. In this regard, it is necessary to have significant specialization in the implementation of prosecutor's supervision activities, which is an additional argument for the functioning of specialized prosecutor's offices to supervise the observance of laws in correctional institutions, which also presupposes prosecutors' deep immersion in a separate regulatory legal array. The specialization should not be radical, with significant structural changes in the existing prosecutor's activities. It seems sufficient to create appropriate working conditions in the relevant prosecutor's offices by, for instance, releasing prosecutors from other non-core duties.

References

1. Voronin, O.V. (2010) *Stanovlenie penitentsiarnogo nadzora v Rossii: istoricheskie aspekty* [The formation of penitentiary supervision in Russia: historical aspects]. Tomsk: Izd-vo NTL.
2. Voronin, O.V. (2020) The Subject and Limits of Penitentiary Supervision of the Prosecutor's Office. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 16. pp. 89–97. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/16/19
3. Kryukov, V.F. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: NORMA.
4. Kliver, I.Ya. (1991) *Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya prokurorskim nadzorom v SSSR* [Organizational and legal foundations of the management of prosecutor's supervision in the USSR]. Moscow: [s.n.].
5. Gerasimova, S.I. (ed.) (2001) *Organizatsiya raboty gorodskoy (rayonnoy) prokuratury* [Organization of the Work of the City (District) Prosecutor's Office]. Moscow: NII Problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka.
6. Bessarabov, G.G. (2010) *Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem prava na svobodu sovesti v uchrezhdeniyakh penitentsiarnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision over the observance of the right to freedom of conscience in the penitentiary institutions of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Ryabtsev, V.P. (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's Supervision]. Moscow: Norma.
8. Smirnov, A.F. (ed.) (2005) *Osnovy organizatsii i upravleniya v organakh prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Fundamentals of organization and management in the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow: In-t povysheniya kvalifikatsii rukovod. kadrov Genprokuratury RF.
9. Russian Federation. (2008) *Regulations on the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Department for Supervision of the Legality of the Execution of Criminal Penalties, approved by the Prosecutor General of the Russian Federation on April 9, 2018*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
10. Russian Federation. (2008) *On the Delimitation of the Competence of Prosecutors of Territorial, Military and Other Specialized Prosecutor's Offices: Order No. 84 of the Prosecutor General of the Russian Federation of May 7, 2008*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
11. Russian Federation. (2014) *On the Organization of Supervision over the Execution of Laws by the Administrations of Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties, Pre-Trial Detention Facilities When Suspects and Accused of Committing Crimes are Detained: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 6 of January 16, 2014 (as amended by Order No. 584 of the Prosecutor General's Office of Russia of August 21, 2019)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
12. Kapustin, A. (2016) Prokuror pridet, a kto poryadok navedet? [The prosecutor will come, but who will restore order?]. *Russkaya planeta*. [Online] Available from: <https://rusplt.ru/society/prokuror-pridet-poryadok-28883.html> (Accessed: 5th October 2021).
13. Lyskov, A. (2011) Ot kogo ne zavisit prokuror. Presech' telefonnoe pravo mozhet institut nezavisimogo prokurora [The prosecutor does not depend on whom. The institute of an independent prosecutor can stop the telephone law]. *Rossiyskaya gazeta*. 104. [Online] Available from: <https://rg.ru/2011/05/18/pravo.html> (Accessed: 5th October 2021).
14. Bushmanov, I. (2017) Spetsial'nyy prokuror pridet na pomoshch' [The special prosecutor will come to the rescue]. *Advokatskaya gazeta*. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/spetsialnyy-prokuror-pridet-na-pomoshch/> (Accessed: 5th October 2021).
15. Vlasikhin, V.A. (1981) *Sluzhba obvineniya v SShA: Zakon i politika* [Prosecution Service in the USA: The Law and politics]. Moscow: Yurid.lit.

Received: 10 September 2021

А.Ю. Мариничева

**ПРАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ УЧАСТНИКОВ
КОНТРАКТНОГО ПРОЦЕССА НА СВОЕВРЕМЕННУЮ ОПЛАТУ ЗАКАЗЧИКАМИ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ИСПОЛНЕННЫМ ПУБЛИЧНЫМ КОНТРАКТАМ**

Прокурорский надзор за соблюдением прав участников контрактного процесса на своевременную оплату заказчиками обязательств по исполненным публичным контрактам представляет собой одно из приоритетных направлений прокурорской деятельности. Наиболее типичные нарушения законодательства в этой сфере, выявленные посредством прокурорского надзора, содержатся: в заключении государственных (муниципальных) контрактов в отсутствие доведенных лимитов бюджетных обязательств; несоблюдении сроков оплаты за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги, влекущем дополнительные расходы бюджета; уклонении от приемки фактически поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг для государственных и муниципальных нужд и др.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, государственные и муниципальные контракты, оплата по контракту*

По состоянию на 1 марта 2017 г. сумма долга перед предпринимателями по исполненным государственным и муниципальным контрактам составила 19,3 млрд руб. На эту проблему обратил внимание Президент РФ в своем поручении от 13.07.2015 № Пр-1349, адресованном в том числе и прокурорским работникам. В этой связи прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей на своевременную оплату обязательств по выполненным работам по государственным и муниципальным контрактам на сегодняшний день по всем признакам может быть отнесен к одному из приоритетных направлений современной прокурорской деятельности [1; 2. С. 93].

Основные обязанности по укреплению законности закупочной деятельности возложены на созданную в 2017 г. экспертную группу по противодействию картелям и иной незаконной деятельности в сфере экономики (далее – экспертная группа). В ее состав входят уполномоченные представители Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России и иных правоохранительных органов, сотрудничающие на основе межведомственного взаимодействия.

Увеличение долга не раз становилось предметом обсуждения на неоднократно проводимых совещаниях с участием Генерального прокурора РФ. Так, в целях решения поставленных главой государства задач по сокращению долгов перед субъектами предпринимательской деятельности, а также повышения эффективности и результативности прокурорского надзора под председательством Генерального прокурора РФ в марте и апреле 2017 г. в Екатеринбурге и Ярославле проведены совещания с участием полномочных представителей Президента РФ по защите прав предпринимателей, представителей всероссийских деловых объединений, а также высших должностных лиц субъектов Российской Федерации.

Благодаря мерам прокурорского реагирования только с марта по май 2017 г. погашена задолженность перед предпринимателями на сумму около 16 млрд руб., а с момента поручения Президента РФ – 66 млрд руб.:

в Краснодарском крае заказчиками выплачено 8 млрд руб., в Республике Крым – 1,9 млрд руб., Кемеровской области – 1,1 млрд руб. и т.д. В целом по России за 2017 г. в результате своевременных мер прокурорского реагирования задолженность перед предпринимателями по исполненным публичным контрактам сократилась на 40 млрд руб. [3]. По состоянию на 1 июля 2019 г. установленная прокурорами сумма задолженности перед бизнесом по сравнению с предыдущим отчетным периодом уменьшилась почти на 800 млн руб. и составила 18,7 млрд руб. [4]. В Томской области с 2015 по 2018 г. общая сумма задолженности перед предпринимателями, погашенная в результате прокурорского вмешательства, составила 541,8 млн руб. При этом 73 должностных лица заказчиков были привлечены к дисциплинарной, а 23 – к административной ответственности. К примеру, после обращения предпринимателя в прокуратуру ФГБУ «Сибирский федеральный научно-клинический центр» ФМБА России (ЗАТО г. Северск) полностью погасило долги за поставленные для государственных и муниципальных нужд товары. Постановлением прокурора ЗАТО г. Северск заместитель руководителя этого учреждения привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 7.32.5 КоАП РФ (нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд).

Своевременная и полная оплата исполненных контрактов для государственных и муниципальных нужд устанавливается ФЗ РФ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Платежи производятся на основании ст. 72 Бюджетного кодекса РФ в пределах доступных и заранее утвержденных лимитов бюджетных средств. В этой связи на каждого получателя бюджетных средств возлагается обязанность по оплате выполненных контрактов.

Наиболее типичными нарушениями в рассматриваемой сфере являются: заключение государственных (муниципальных) контрактов в отсутствие доведенных лимитов бюджетных обязательств; включение в государственные (муниципальные) контракты незаконных условий или несоответствие их требованиям федерального законодательства; несоблюдение срока оплаты за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги, влекущее дополнительные расходы бюджета; уклонение от приемки фактически поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг для государственных и муниципальных нужд; отсутствие расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта, неверное определение цены, завышение цены контракта; дробление контрактов; нарушение установленного порядка по предоставлению субсидий из регионального бюджета местному бюджету; ненадлежащий контроль соблюдения условий предоставления субсидий из областного бюджета местному бюджету согласно заключенным соглашениям и др.

К распространенным нарушениям законодательства, выявленным в ходе прокурорских проверок, относится несвоевременность приведения целевых (или иных) программ, предусматривающих расходные обязательства бюджета по оплате, в соответствие с решением о бюджете на соответствующий период, создающая угрозу несвоевременного освоения ранее выделенных бюджетных средств, чреватую ненадлежащим исполнением органами исполнительной власти функций учредителя (применительно к подведомственным учреждениям).

Основные причины выявленных прокурорами нарушений кроются в заключении публичных контрактов, заведомо не обеспеченных финансированием из бюджета; неполном исполнении доходных частей бюджета; недостаточности финансирования деятельности заказчика исходя из изменений экономической обстановки.

За последний год прокуратурой Алтайского края принесен 41 протест на акты, регулирующие закупочную деятельность на территории десяти муниципальных образований региона. За этот же период прокурором Томского района Томской области опротестовано шесть муниципальных актов по вопросам закупок товаров, работ и услуг для обеспечения муниципальных нужд.

Одним из эффективных средств прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности остается направление материалов прокурорских проверок по подследственности для решения вопроса об уголовном преследовании должностных лиц, в чьих действиях прокуратурой обнаружены признаки преступлений [5]. Так, по результатам проверки межрайонной прокуратуры Ульяновской области деятельности ГУЗ «Инзенская РБ» прокурорами вскрыты факты оплаты фактически не выполненных работ по договору подряда по ремонту здания больницы. В связи с чем прокурор, руководствуясь п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, направил материалы проверки в орган предварительного расследования для последующего решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц по ч. 1 ст. 292 УК

РФ. В Чеченской Республике государственное учреждение заключило государственный контракт на выполнение ремонтных работ здания. Несмотря на то что руководитель учреждения знал об их невыполнении, он подписал акты о приемке работ, указав, что подрядчик должен получить оплату по данному контракту в полном объеме и как можно скорее. По данному факту прокуратурой Шелковского района Чеченской Республики материалы прокурорской проверки направлены в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следственные органы, в результате возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 292, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Снижению размера долгов перед предпринимателями способствовало пресечение прокурорами преступных действий отдельных должностных лиц. К примеру, по инициативе прокуратуры г. Нягани Ханты-Мансийского автономного округа – Югры следственным органом возбуждено уголовное дело по факту воспрепятствования законной предпринимательской деятельности по ч. 1 ст. 169 УК РФ в отношении заведующего отделением казенного учреждения «Бюро судебно-медицинской экспертизы», оказывавшего противодействие индивидуальному предпринимателю, выполнявшему по государственному контракту работы по обслуживанию инженерных сетей. Чиновник отказывал в допуске в здание учреждения, вносил в журнал недостоверные сведения о невыполнении работ по контракту, а также вымогал ежемесячную плату за покровительство при его исполнении.

Прокурорами выявляются и пресекаются факты аффилированности и конфликта интересов при оплате контрактов. Так, межрайонной прокуратурой в Ярославской области был установлен конфликт интересов при размещении заказа и заключении директором муниципального учреждения контракта на оказание ритуальных услуг с директором хозяйственного общества, которая являлась его матерью. Прокурором города в Челябинской области вскрыт факт заключения руководителем муниципального учреждения договора на оказание услуг питания с хозяйственным обществом, генеральным директором которого являлся его брат, а единственным участником – его отец [6].

Одним из направлений прокурорского надзора служит надзор за своевременностью оплаты заказчиками выполненных работ. В этой связи прокурорами инициируются внесения изменений в решения о бюджетах различных уровней с целью скорейшего погашения задолженности по заключенным органами власти контрактам. Так, прокурором Саратовской области региональному законодательному органу было предложено внести изменения в областной закон о бюджете, включающие в себя меры финансовой помощи местным бюджетам в размере около 875 млн руб., предусмотрев направление части этой суммы на погашение долговых обязательств по контрактам.

Органы прокуратуры надзирают за соблюдением порядка принятия бюджетных обязательств. Прокурором Забайкальского края было вынесено шесть постановлений в отношении главы городского поселения

«Забайкальское» о возбуждении дел об административных правонарушениях по ст. 15.15.10 КоАП РФ. Основанием для прокурорского вмешательства послужило принятие бюджетных обязательств, превышающих утвержденные лимиты бюджетного финансирования, что заведомо создавало угрозу невозможности их исполнения. В результате прокурорского вмешательства глава был привлечен к соответствующему виду административной ответственности и оштрафован.

Эффективной судебно-прокурорской практикой стало возложение в судебном порядке (по инициативе прокурора) на бюджет дополнительных расходов в связи с нарушением сроков исполнения обязательств в рамках заключенного контракта. В подобных ситуациях органы прокуратуры пошли по пути предъявления регрессных исков о взыскании излишне выплаченных бюджетных средств с виновных должностных лиц. Так, например, в Краснодарском крае в суд в интересах публично-правового образования было предъявлено 27 исковых заявлений. В Саратовской области прокурорами в суд направлено 18 регрессных исков о взыскании с государственных и муниципальных служащих около 700 тыс. руб. В Томской области решением мирового судьи Александровского судебного района удовлетворены заявленные прокурором района требования в защиту интересов муниципального образования «Александровский район» о взыскании в порядке регресса с муниципального образования дополнительных расходов.

Положительную оценку заслуживает практика возбуждения по инициативе прокурора административных производств по ст. 7.32.5 КоАП РФ (нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд).

Широко распространена и востребована практика привлечения к административной ответственности должностных лиц заказчиков в связи с нарушениями порядка и сроков оплаты по государственным и муниципальным контрактам. Последовательная и принципиальная позиция прокуратур Восточного административного округа г. Москвы и Ленинского района г. Саранска Республики Мордовия позволила только в 2019 г. впервые в Российской Федерации добиться дисквалификации по ч. 2 ст. 7.32.5 КоАП РФ (нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг)) при

осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд руководителя государственного бюджетного учреждения и генерального директора муниципального предприятия, систематически нарушающих сроки оплаты выполненных подрядчиками работ.

Анализ приведенной практики прокурорского надзора за соблюдением прав участников контрактного процесса на своевременную оплату заказчиками обязательств по исполненным публичным контрактам подтверждает приоритетный характер надзора на этом направлении. В целях дальнейшего повышения его эффективности представляется необходимым:

- усилить надзор за деятельностью ФССП России, Федерального казначейства, региональными уполномоченными по защите прав предпринимателей и руководителями саморегулируемых организаций;

- профильным подразделениям соответствующих прокуратур на регулярной основе проводить анализ соответствующей судебной практики;

- продолжить работу по систематическому анализу причин возникающей задолженности по государственным (муниципальным) контрактам;

- признать положительной практикой предъявления регрессных исков к лицам, по вине которых допущены нарушения прав предпринимателей на своевременную оплату поставленных товаров (работ, услуг) по контрактам, в целях минимизации негативных последствий дополнительных расходов в виде судебных издержек и штрафных санкций, а также неисполнения заказчиками иных финансовых обязательств, среди которых возможна невыплата заработной платы, неуплата налогов и иных обязательных платежей.

На нормативном правовом уровне необходимо упорядочить систему контроля публичной закупочной деятельности. В связи с чем считаем обоснованными предложения о внесении изменений в Закон о контрактной системе в части создания прозрачной структуры органов контроля с четкой компетенцией и полным исключением дублирующих полномочий у контролирующих органов в данной сфере [7. С. 41].

Деятельность субъектов контроля публичной закупочной деятельности следует включить в предмет прокурорского надзора в рамках общего надзора прокуратуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А., Кошелюк Б.Е. и др. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (постатейный) / под ред. Б.Е. Кошелюка. М. : Проспект, 2019. 944 с. // СПС КонсультантПлюс. Локальная сеть НБ ТГУ.
2. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебно-методический комплекс / под ред. А.Г. Халиулина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. 266 с.
3. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1186517>
4. Обзор практики прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей на своевременную оплату заказчиками обязательств по государственным и муниципальным контрактам от 22.08.2019 № 76/1-387-2015.
5. Ромашкина А.В. Изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. Локальная сеть НБ ТГУ.

6. Тухватуллин Т.А. Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации по укреплению законности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (9 июня 2015 г., МГУ имени М.В. Ломоносова). Юрлитинформ, 2015 // СПС КонсультантПлюс. Локальная сеть НБ ТГУ.
7. Прокурорский надзор за исполнением законов о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг / [Н.Д. Бут и др.]; под ред. Н.В. Субановой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. 208 с.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

The Practice of Prosecutor's Supervision Over the Observance of the Rights of the Parties in the Contractual Process to the Timely Payment by Customers of Obligations Under Executed Public Contracts

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 106–109. DOI: 10.17223/23088451/18/19

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, state and municipal contracts, payment by contract.

Prosecutor's supervision over the observance of the rights of the parties in the contractual process to the timely payment by customers of obligations under fulfilled public contracts is one of the priorities in prosecutor's activities. The most typical violations of legislation prosecutor's supervision reveals in this area are: conclusion of state (municipal) contracts in the absence of the adjusted budget obligation limits; non-compliance with the terms of payment for the goods supplied, work performed, services rendered, which entails additional budget costs; evasion of acceptance of actually delivered goods, work performed, services rendered for state and municipal needs; and others. In order to further increase the effectiveness of prosecutor's supervision in this area, it seems necessary: (1) to strengthen supervision over the activities of Russia's Federal Bailiffs Service, Federal Treasury, regional commissioners for the protection of the rights of entrepreneurs and heads of self-regulatory organizations; (2) for the specialized subdivisions of the relevant prosecutor's offices to regularly analyze the relevant judicial practice; (3) to continue work on a systematic analysis of the causes of arising arrears under state (municipal) contracts; (4) to recognize the positive practice of filing recourse claims against persons responsible for the violations of the rights of entrepreneurs to the timely payment for goods (works, services) delivered/performed under contracts in order to minimize the negative consequences of additional costs (legal costs and penalties) and the non-fulfillment by customers of other financial obligations, including the possible non-payment of wages, taxes, and other mandatory payments. At the normative legal level, it is essential to streamline the control over public procurement activities. In this regard, the author believes that the proposals made in science to amend the Law on the Contract System in terms of creating a transparent structure of control bodies with clear competence and complete elimination of duplicate powers in this area are justified. It is also essential to make the activities of the subjects of control over public procurement activities an object of prosecutor's supervision within the framework of the prosecutor's office general supervision.

References

1. Koshelyuk, B.E. (ed.) (2019) *O kontraktной sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ (postateyny)* [On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: scientific and practical commentary to Federal Law No. 44-FZ of 5 April 2013 (article by article)]. Moscow: Prospekt.
2. Voronin, O.V. (2021) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation: An educational and methodological complex]. Tomsk: Tomsk State University.
3. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Doklad General'nogo prokurora RF na zasedanii Soveta Federatsii Federal'nogo Sобрaniya RF* [Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at a meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1186517/> (Accessed: 5th October 2021).
4. Anon. (2019) *Obzor praktiki prokurorskogo nadzora za soblyudeniem prav predprinimateley na svoevremennuyu oplatu zakazchikami obyazatel'stv po gosudarstvennym i munitsipal'nykh kontraktam ot 22.08.2019 № 76/1-387-2015* [Review of the Practice of Prosecutor's Supervision over the Observance of the Entrepreneurs Rights to Timely Payment by Customers of Obligations under State and Municipal Contracts No. 76/1-387-2015 of August 22, 2019].
5. Romashkina, A.V. (1992) *Iz'yatie zemel'nogo uchastka dlya gosudarstvennykh ili munitsipal'nykh nuzhd* [Seizure of a land plot for state or municipal needs]. Moscow: Consultant Plus.
6. Tikhvatullin, T.A. (2015) [Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to strengthen the rule of law in the field of procurement for state and municipal needs]. *Publichnye zakupki: problemy pravoprimeneniya* [Public Procurement: Problems of law enforcement]. Proceedings of the 3d All-Russian Conference. Moscow. 9 June 2015. Moscow: Yurлитinform. (In Russian).
7. Subanova, N.V. (ed.) (2017) *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov o kontraktной sisteme v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok tovarov, rabot, uslug* [Prosecutor's supervision over the execution of laws on the contract system in the field of state and municipal procurement of goods, works, services]. Moscow: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii.

Received: 10 September 2021

Е.А. Писаревская

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

Анализируются нормативные правовые акты, посвященные осуществлению органами прокуратуры Российской Федерации профилактической функции. Дается критическая оценка определения профилактической функции органов прокуратуры, содержащегося в ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Обосновывается необходимость уточнения содержания профилактической функции органов прокуратуры путем внесения изменений в целый ряд действующих нормативных правовых актов Российской Федерации.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, прокурор, субъект профилактики, функции органов прокуратуры

В ст. 5 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в числе субъектов профилактики названы органы прокуратуры. Ст. 9 вышеуказанного закона регламентирует полномочия органов прокуратуры РФ в сфере профилактики правонарушений, указывая, что данный субъект осуществляет профилактическую функцию, обеспечивая надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». При осуществлении данной деятельности они обладают полномочиями субъекта профилактики правонарушений в пределах своей компетенции [1]. Полагаем, что данная законодательная норма может быть истолкована по-разному. С одной стороны, можно утверждать, что анализируемый закон предусматривает реализацию органами прокуратуры самостоятельной профилактической функции, хотя и в рамках осуществления прокурорского надзора за исполнением законов, однако, с другой стороны, будет уместным высказать предположение о том, что законодатель приравнивает надзорную функцию прокуратуры к профилактической.

Последняя точка зрения является в достаточной степени спорной, как и определение профилактической функции органов прокуратуры в законе в целом. Возникает вопрос, правильно ли приравнивать надзорную функцию к профилактической или прокуратура выполняет профилактическую функцию помимо надзорной?

Ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ определяет профилактику правонарушений как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [1]. На первый взгляд очевидно, что надзорная функция не может быть равна

профилактической. Кроме того, следует учитывать, что в соответствии с ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 182-ФЗ, посвященной формам профилактического воздействия, профилактику правонарушений в таких формах, как профилактическая беседа; объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; профилактический учет; внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; профилактический надзор, в пределах установленной компетенции, вправе осуществлять должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации [1]. Соответственно, ст. 17 ничего не говорит о такой форме профилактического воздействия, как надзор за исполнением законов.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько корректно ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет профилактическую функцию прокуратуры, а также о соотношении данной нормы с нормой, содержащейся в ст. 17 рассматриваемого закона.

Далее обратимся к анализу основного нормативного правового акта в определенной сфере профилактического воздействия – в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Так, Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в действ. ред.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в п. 1 ст. 5 прямо не называет органы прокуратуры в качестве субъекта профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [2]. В связи с этим можно предположить, что законодатель при принятии данного закона не приравнивал надзорную функцию к профилактической или не считал роль органов прокуратуры в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних столь значительной.

Кроме того, существует точка зрения, что «органы прокуратуры не включены в данную систему, а поэтому не могут осуществлять профилактику правонарушений несовершеннолетних. Наоборот, в п. 3 ст. 10 Закона № 120-ФЗ законодателем акцентировано внимание на том, что прокурорский надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными ему прокурорами в соответствии с Законом о прокуратуре» [3. С. 60].

Однако необходимо отметить, что п. 3 ст. 5 Федерального закона от 24.06.1999 г. предусматривает в том числе возможность участия в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних других органов, учреждений и организаций в пределах их компетенции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [2]. Таким образом, нельзя с уверенностью утверждать, что органы прокуратуры исключены из числа субъектов профилактики, однако, если исходить из буквальной трактовки законодательной нормы, их роль в профилактике второстепенна по сравнению с субъектами, перечисленными в п. 1 ст. 5 рассматриваемого Федерального закона. Кроме того, далее в тексте закона их роль в профилактике нигде не раскрывается. Соответственно, опять возникает вопрос, какой же компетенцией обладают органы прокуратуры в этой сфере.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 (в действ. ред.) «О прокуратуре в Российской Федерации», прокуратура Российской Федерации – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции [4]. Таким образом, закон называет две основные функции прокуратуры: надзор и уголовное преследование, оставляя перечень возможных функций открытым. Далее в тексте Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 профилактическая функция органов прокуратуры опять же специально не раскрывается, о наличии таковой можно судить лишь косвенно, обращаясь к нормам раздела III «Прокурорский надзор», ст. 8 «Координация деятельности по борьбе с преступностью», ст. 9.1 «Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» [4]. Кроме того, с уверенностью можно утверждать, что для органов прокуратуры реализация специальных мер в сфере профилактики правонарушений Федеральным законом от 17.01.1992 г. № 2202-1 по-прежнему не предусмотрена. Основываясь на действующем законодательстве, можно с уверенностью утверждать, что органы прокуратуры по-прежнему не обладают компетенцией по профилактике правонарушений, соответственно, они не могут выполнять профилактическую функцию в ее исконном смысле, а осуществляют надзор за исполнением законов о профилактике правонарушений.

Полагаем, что в ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилак-

тики правонарушений в Российской Федерации» нашел отражение ведомственный подход к определению роли прокуратуры в деятельности по противодействию, профилактике, предупреждению преступности (позволим себе здесь использовать эти термины как равнозначные). Так, согласно п. 1.1 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» приоритетным направлением в деятельности органов прокуратуры РФ следует считать надзор за исполнением законов о противодействии преступности, в том числе о ее предупреждении [5]. В п. 1.1 анализируемого документа прокурорам предписывается внедрять новые формы и методы работы по предупреждению преступности, в п. 1.3 уделяется внимание повышению эффективности работы по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в частности, указывается на необходимость на координационных совещаниях рассматривать наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью, совершенствования правоохранительной деятельности, ее правового регулирования, практики предупреждения, выявления и расследования преступлений. Пункт 1.6 документа предписывает рассматривать в качестве важнейшего направления противодействия преступности осуществление надлежащего надзора за исполнением законов, имеющих целью предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении их [5].

Проведя анализ текста данного акта, нетрудно заметить, что в нем использована различная терминология, зачастую не соответствующая действующему профилактическому законодательству. Так, если обратиться к текстам федеральных законов от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ и от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ, мы не встретим в них такие термины, как «борьба с преступностью несовершеннолетних» и «предупреждение преступности». Анализ приказа также показывает, что его разработчики убеждены: профилактическая функция органов прокуратуры реализуется через надзорную и координационную функции.

Следует отметить, что в настоящее время в научной литературе встречаются различные точки зрения относительно выполнения органами прокуратуры профилактической функции.

Некоторые ученые крайне негативно относятся к наделению органов прокуратуры профилактической функцией. Так, Т.Г. Воеводина полагает, что «расширение полномочий прокурора без внесения соответствующих изменений в Закон о прокуратуре недопустимо», прокурор осуществляет надзор за исполнением законов, он не занимается профилактикой правонарушений [3. С. 58–60]. Н.П. Дудин перечисляет органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, не включая в эту систему органы прокуратуры, отмечая далее, что необходимо выяснить проверяющему прокурору в ходе проверки органов и учреждений системы профилактики [6. С. 18].

Другие ученые утверждают, что прокуроры реализуют профилактический потенциал при осуществлении функ-

ций надзора и координационной деятельности. Так, например, Т.В. Раскина утверждает, что реализация прокурорами функций надзора за исполнением субъектами оперативно-розыскной деятельности, дознания, предварительного следствия способствует в том числе и профилактике нарушений прав граждан на доступ к правосудию в разумные сроки, а прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу обеспечивает предупреждение совершения преступлений самими осужденными, против осужденных, иных преступлений. Аналитическая работа прокуроров также способствует оптимизации профилактической деятельности [7. С. 172]. В свою очередь, О.В. Воронин признает осуществление прокуратурой профилактической деятельности, однако при этом рассматривает ее в качестве отдельного направления, обусловленного прокурорским надзором [8. С. 48].

Однако существует и иная точка зрения. Так, М.А. Магомедов отмечает, что профилактика правонарушений – это по существу новая функция прокуратуры, которая не относится ни к ее надзорной функции, ни к ее функциям участия в судопроизводстве или взаимодействия с институтами власти и общества [9. С. 168]. При этом М.А. Магомедов также указывает, что для прокуратуры профилактическая деятельность так или иначе всегда была характерна, она выполняла профилактическую функцию и до принятия Закона о профилактике путем использования средств и актов прокурорского реагирования. Так, например, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 18.06.2014 г. № 82-КПР14-2, в силу положений ст. 22, 25.1 Закона о прокуратуре, указано, что предостережение о недопустимости нарушения закона является документом не только прокурорского реагирования, но и мерой профилактического воздействия. Предостережение – это правовое средство особой целевой направленности, оно имеет превентивный (предупредительный, профилактический) характер. Цель предостережения – предупреждение правонарушений путем официального указания на необходимость изменения модели своей юридически значимой деятельности [9. С. 168–169].

Однако М.А. Магомедов указывает, что прокурорский надзор за исполнением Закона о профилактике и сама профилактика правонарушений, осуществляемая органами прокуратуры, являются разными функциями. Профилактика правонарушений прокурорским надзором не охватывается. Ее объектом являются как общественное, так и индивидуальное правосознание, поведение лица в обществе, отношение человека к соблюдению и исполнению закона. Именно на эти объекты прокурор оказывает воздействие. Предметом прокурорской профилактической деятельности является свойство ее объекта, подлежащее преобразованию прокурорским воздействием, а именно превращение нигилистического отношения людей к закону в позитивное, прекращение антиобщественного поведения и т.п. [9. С. 170].

Полагаем, что эта точка зрения имеет право на существование, однако буквальная трактовка действующего законодательства не позволяет прийти к данному выводу. Наоборот, основываясь на его анализе, можно с уверенностью утверждать, что органы прокуратуры по-прежнему не наделены компетенцией по профилактике правонарушений, соответственно, они не могут выполнять профилактическую функцию в ее традиционном смысле. Согласно действующему законодательству органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов о профилактике правонарушений. Наличие в законодательстве норм, противоречащих друг другу, а также норм с неопределенным значением продолжает вызывать многочисленные вопросы у теоретиков и практиков, не способствует единообразию и эффективности правоприменительной практики.

В связи с этим полагаем необходимым:

1) уточнить в ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» полномочия органов прокуратуры РФ в сфере профилактики правонарушений, отделив надзорную функцию от профилактической. Считаем, что надзорные функции исчерпывающе регламентированы в Федеральном законе «О прокуратуре в Российской Федерации», соответственно, отсутствует необходимость в дублировании этих функций в тексте Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

2) предусмотреть в тексте Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» конкретные профилактические полномочия должностных лиц органов прокуратуры Российской Федерации. Так, например, правовое просвещение и правовое информирование, о которых говорится в ст. 17 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ, не отнесены к формам профилактического воздействия должностных лиц органов прокуратуры, хотя органы прокуратуры всегда осуществляли и в настоящее время осуществляют эту деятельность;

3) предусмотреть в текстах Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре в Российской Федерации», Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», иных нормативных правовых актов профилактического характера осуществление прокурором профилактической функции с раскрытием содержания данной функции через осуществление правового просвещения, правового информирования, координационной и антикоррупционной экспертной работы.

Не вызывает сомнения тот факт, что в настоящее время назрела необходимость в четкой законодательной регламентации профилактической функции органов прокуратуры, которая позволит ограничить профилактическую функцию органов прокуратуры Российской Федерации от ее надзорных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный закон* от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2016).
2. *Федеральный закон* от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (в действ. ред.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // *Российская газета*. 1999. 30 июня; 2020. 29 апреля.
3. *Воеводина Т.Г.* Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // *Законодательство и экономика*. 2016. № 9. С. 58–63.
4. *Федеральный закон* от 17.01.1992 г. № 2202-1 (в действ. ред.) «О прокуратуре в Российской Федерации» // *Российская газета*. 1995. 25 ноября. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2016).
5. *Приказ* Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128196/ (дата обращения: 01.09.2021).
6. *Дудин Н.П.* Деятельность прокуратуры по защите конституционных прав и интересов несовершеннолетних. СПб., 2011. 108 с.
7. *Раскина Т.В.* Теоретические аспекты аналитической деятельности прокуроров по профилактике преступности и правонарушаемости // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016. Т. 10, № 1. С. 170–178.
8. *Воронин О.В.* Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
9. *Магомедов М.А.* Профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации и совершенствование ее правового регулирования // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2018. № 1. С. 168–172.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

On the Fulfillment by the Prosecutor's Office of the Russian Federation of a Preventive Function

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 110–114. DOI: 10.17223/23088451/18/20

Elena A. Pisarevskaya, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: li-orev@mail.ru

Keywords: prevention of offenses, prosecutor, subject of prevention, functions of prosecutor's office.

The article examines the normative legal acts on the implementation of the preventive function by the prosecution bodies of the Russian Federation. The correctness of the definition of the preventive function of the prosecution bodies given in Article 9 of Federal Law No. 182-FZ of 23 June 2016, “On the Foundations of the System for the Prevention of Offences in the Russian Federation”, is critically assessed. The need to clarify the content of the preventive function of the prosecutor's office by introducing amendments to a number of existing normative legal acts of the Russian Federation is substantiated. The author notes that the current Russian legislation, scientific community, and law enforcement practice are still uncertain about what the implementation of the preventive function by the prosecution bodies of the Russian Federation means. The author analyzes the norms of Articles 5 and 9 of Federal Law No. 182-FZ. She infers that, at present, based on the existing norms, it is impossible to make an unambiguous conclusion about how the prosecution bodies carry out the preventive function. On the one hand, it can be argued that the analyzed law provides for the implementation of an independent preventive function by the prosecutor's office within the framework of prosecutor's supervision over the implementation of laws. On the other hand, it would be appropriate to suggest that the legislator equates the supervisory function of the prosecutor's office with the preventive one. Federal Law No. 2202-1 of 17 January 1992 (as amended), “On the Prosecutor's Office in the Russian Federation”, does not clarify this issue; it gives two main functions of the Prosecutor's Office: supervision and criminal prosecution, leaving the list of possible functions open. This law does not specifically disclose the preventive function of the prosecutor's office. The function is deducible from the norms of Section III (Prosecutor's Supervision), Article 8 (Coordination of Activities to Combat Crime), and Article 9.1 (Conducting Anti-Corruption Expert Examination of Regulatory Legal Acts). The author notes that, given the existing uncertainty in laws, there are also different points of view on this issue in science. The author believes that the prosecution bodies are still not endowed with the competence for the prevention of offenses; therefore, they cannot perform the preventive function in its traditional sense. According to the current Russian legislation, the bodies of the prosecutor's office supervise the implementation of laws on the prevention of offenses. The current legislation has norms that contradict each other and norms with an indefinite meaning, which continues to raise numerous questions from theorists and practitioners, does not contribute to the uniformity and effectiveness of law enforcement practice. In this regard, the author proposes: (1) to clarify the powers of the prosecution bodies of the Russian Federation in the field of crime prevention, separating the supervisory function from the preventive one, in Article 9 of Federal Law No. 182-FZ on the Foundations of the System for the Prevention of Offences in the Russian Federation. The author believes that the supervisory functions are fully regulated by the Federal Law on the Prosecutor's Office in the Russian Federation; therefore, there is no need to duplicate these functions in Federal Law No. 182-FZ; (2) to provide specific preventive powers of officials of the prosecutor's office of the Russian Federation in Federal Law No. 182-FZ. For example, instructing and informing in the domain of law (Article 17 of Federal Law No. 182-FZ) are not classified as forms of preventive influence of officials of the prosecutor's office, although the prosecutor's office has always carried out these activities; (3) to provide for the implementation of the preventive function by the prosecutor in the texts of Federal Law No. 2202-1 on the Prosecutor's Office in the Russian Federation, Federal Law No. 182-FZ on the Foundations of the System for the Prevention of Offences in the Russian Federation, Federal Law No. 120-FZ on the Foundations of the System for the Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency of 24 June 1999, and other preventive regulatory legal acts. The function should be specified through describing its content: instructing and informing in the legal domain, as well as coordinating and anti-corruption expert work.

References

1. Russian Federation. (2016) *Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 23.06.2016 g. № 182-FZ* [On the Basis of Crime Prevention System in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016]. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 23rd June 2016).
2. Russian Federation. (1999) *Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: federal'nyy zakon ot 24.06.1999 g. № 120-FZ (v deystv. red.)* [On the Basis of System of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (current version)]. Rossiyskaya gazeta. 29 April 2020.
3. Voevodina, T.G. (2016) Prevention of crime and the public prosecutor's oversight: problematic legislation novelty. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 9. pp. 58–63. (In Russian).
4. Russian Federation. (1995) *O prokurature v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 17.01.1992 g. № 2202-1 (v deystv. red.)* [On the Prosecution Service in the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (current version)]. Rossiyskaya gazeta. 25 November 1995. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 11th June 2016).
5. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (2012) *Ob organizatsii raboty organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu prestupnosti: Prikaz General'noy prokuratury RF ot 16.01.2012 g. № 7* [On the Organization of the Work of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on Combating Crime: Order No. 7 of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of January 16, 2012]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128196/ (Accessed: 1st September 2021).
6. Dudin, N.P. (2011) *Deyatel'nost' prokuratury po zashchite konstitutsionnykh prav i interesov nesovershennoletnikh* [Activities of the Prosecutor's Office for the protection of the constitutional rights and interests of minors]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Yuridicheskiy Institut Akademii General'noy Prokuratury RF.
7. Raskina, T.V. (2016) Theoretical aspects of prosecutors' analytical work on preventing crimes and offenses. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 1 (10). pp. 170–178. (In Russian). DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(1).170-178
8. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoj deyatel'nosti* [Theoretical Foundations of Modern Prosecutor's Activity]. Tomsk: Izd-vo NTL.
9. Magomedov, M.A. (2018) Preventive function of the prosecutor's office of the Russian Federation and improvement of its legal regulation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Economic Problems and Legal Practice*. 1. pp. 168–172. (In Russian).

Received: 10 September 2021

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.01

DOI: 10.17223/23088451/18/21

Е.С. Витовская

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ НАРКОПРЕСТУПНИКА, ОБУСЛОВЛЕННОЙ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Рассматривается категория «общественная опасность личности преступника». На основе анализа приведенных точек зрения указанной категории и правоприменительной практики приводятся криминологические и уголовно-правовые критерии общественной опасности личности наркопреступника, имеющего наркотическую зависимость. Особое внимание обращено на психобиологические критерии общественной опасности личности преступника, имеющего зависимость от приема наркотических средств. Исследование категории «общественная опасность личности преступника» явилось основой для определения авторского видения сущности общественной опасности личности наркопреступника, обусловленной наркотической зависимостью.

Ключевые слова: общественная опасность личности преступника, наркотическое средство, преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

За последние десятилетия все страны мира, включая Российскую Федерацию, испытали давление наркосистемы. Масштабы незаконного оборота наркотиков и наркотизации общества увеличились не только до степени серьезной угрозы здоровью нации, но и безопасности государства. В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ 23.11.2020 г., приведены данные официальной статистики по наркоситуации за 2020 г., которая характеризуется следующими показателями: силовыми структурами выявлено свыше 2 млн преступлений в сфере незаконного наркооборота; из незаконного оборота изъято более 420 т наркотиков; число лиц, состоящих на учете с психическими расстройствами, вызванными употреблением наркотиков, составляет 478,7 тыс. чел.; 66,7 тыс. чел. состоят на учете с диагнозом полинаркомания; число умерших от употребления наркотиков составляет 4,4 тыс. чел.; 1,9 млн чел. регулярно и эпизодически употребляют наркотики. В новой Стратегии государственной антинаркотической политики отмечена важность проведения мероприятий, направленных на ограничение доступности наркотиков, снижение спроса на них и реабилитацию наркозависимых [1]. А это закономерно связано с исследованием общественной опасности личности лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Применение дифференцированного подхода, с одной стороны, к незаконным приобретателям наркотиков, с другой – к сбытчикам наркотиков ускорит процесс преодоления «пережитков прошлого» в общественном сознании, формирования современных уголовно-правовых воззрений, разработки мер предупреждения преступности, что в конечном итоге положительно отразится на эффективности уголовно-правовых норм.

К числу важнейших направлений исследования в уголовно-правовой науке следует прежде всего отнести

изучение общественной опасности личности преступника. Несмотря на множество работ в указанной сфере, единого подхода в понимании этой сложной категории не выработано. В.Д. Филимонов выделяет две группы критериев общественной опасности личности преступника: криминологический и уголовно-правовой. Первый раскрывается через антиобщественную направленность существования взглядов, слабоволия относительно негативного влияния; второй определен характером и степенью общественной опасности личности преступника, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, и общественной опасностью совершенного преступления [2. С. 49]. А.А. Герцензон указывал, что общественная опасность личности преступника определена характером совершенного преступления, поскольку в поведении человека проявляется его личность; содержание общественной опасности личности преступника включает следующие признаки: повторность, многократность, систематичность совершения преступлений; совершение преступления в составе организованной группы; причинение преступлением особо тяжких последствий; общеопасный, особо жестокий способ совершения преступления. Изучение личных характеристик преступника предполагает раскрытие условий его жизни, семейного положения, участия в общественной жизни, характеристики ближайшего окружения [3. С. 30].

А.Г. Антонов отмечает важность соотношения общественной опасности личности преступника с видами общественной опасности совершенного преступления, выделяя при этом три вида такой опасности: потенциальную, прецедентную и специальную. Преступник, совершая преступление, создает негативный прецедент нарушения уголовно охраняемых общественных отношений, как конкретных, так и всех таких отношений [4. С. 128]. Справедливо высказывание А.В. Шеслера о том, что помимо криминологических и уголовно-правовых признаков общественной опасности лично-

сти юридическая природа рассматриваемой категории включает прогноз степени опасности и вероятности совершения преступления в будущем [5. С. 17]. Аналогичную позицию разделяют многие ученые юристы, которые отмечают, что общественная опасность личности преступника заключается в способности (возможности) при определенных условиях совершить новое преступление [6. С. 94; 7. С. 10; 8. С. 19]. Вполне логично мнение О.В. Чунталовой, которая говорит, что общественная опасность личности преступника определена всей совокупностью уголовно-правовых, психофизиологических, социально-демографических признаков личности [9. С. 20]. Проблема изучения общественной опасности личности преступника сложна и многоаспектна, но сходство приведенных высказываний в том, что каждая личность является нарушителем закона и субъектом преступления в уголовно-правовом смысле.

Важность категории «общественная опасность личности преступника» обнаруживается и в том, что ее установление относится к числу первостепенных задач при назначении справедливого наказания, выборе вида и размера наказания или иных мер уголовно-правового характера либо принудительных мер воспитательного воздействия [10. С. 35]. Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» обращено внимание на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, в результате реализации которого «к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников) [11]. Данные признаки не являются формально-юридическими, но выступают в качестве признаков, отражающих как социальные свойства личности, так и личностные особенности.

Справедливо мнение И.И. Карпец о том, что дать общее определение понятию «общественная опасность личности преступника» невозможно, поскольку оно «научная абстракция», каждый человек индивидуален, не одинаковы взгляды на понятие преступного, различны и совершаемые им преступления. Практически необходимо разработать проблемы общественной опасности личности отдельных групп преступников и отдельных преступников [12. С. 143].

Уголовно-правовая наука при оценке общественной опасности личности преступника опирается на достижения других наук, поскольку сущность человеческой личности определена совокупностью общественных отношений со всеми присущими человеку индивидуальными особенностями. Чем разнообразнее набор общественных отношений, тем больше вероятность раскрыть особенности общественной опасности личности отдельных групп преступников.

В рамках заявленной темы исследования нам представляется вполне логичным рассмотреть вопрос о криминологических, уголовно-правовых и психофизиологических критериях общественной опасности личности наркопреступника, обусловленной наркотической зависимостью. На основе изучения уголовных дел и материалов судебной практики за период с 2016 по 2020 г. приведем краткую характеристику личности наркопреступника, имеющего зависимость от приема наркотических средств и психотропных веществ.

1. Пол. По половому признаку мужчины и женщины соотносятся 8:1 (80% наркопреступников – мужчины).

2. Возраст. Поведение человека, его особенности в значительной степени обусловлены возрастом. Субъекты наркопреступлений молоды, средний возраст от 14 до 35 лет. Объяснение простое. Первый опыт знакомства с наркотиками выпадает на подростковый возраст, это учитывают сбытчики при расширении масштабов наркобизнеса. Наиболее опасной является категория 25–40 лет, отличающаяся устойчивостью зависимости от употребления наркотиков.

3. Семейное положение. 70% наркопреступников – холостые (незамужние). 3% наркопреступлений совершены в соучастии в родственником (супругой, братом, сестрой).

4. Место жительства. Характеристика наркопреступников по указанному критерию отличается относительной стабильностью – 84% проживали по месту официальной регистрации.

5. Уровень образования. Наибольшая доля наркопреступников имела неполное среднее и среднее общее образование; 10% не имели никакого образования или только начальное; 3% имели высшее образование.

6. Род занятий. По роду занятий наркопреступники составляли: 10% рабочих, 30% учащихся (в образовательных учреждениях различного уровня) и 60% не работали.

7. Причина потребления наркотиков. Наибольшая доля (60%) причин приходится на любопытство, затем (примерно в равных количествах) указали: безысходность в жизни, бытовые трудности, подражание друзьям, отсутствие досуга.

8. Возраст начала употребления наркотиков. Средний возраст начала употребления наркотиков составил 16 лет. 40% начали употреблять марихуану; 50% героин и его производные; 4% медицинские препараты, содержащие наркотенные вещества.

9. Место потребления наркотиков. Места наркопотребления весьма разнообразны: притон, вписка, клубные заведения, квартира друзей, улица, дача, учебное заведение, исправительное учреждение. Наибольшую долю (65%) составляли квартира знакомых и вписка.

10. Источник приобретения. К основным источникам приобретения наркотиков относятся: неизвестные лица (80%), знакомые (17%), самостоятельное изготовление (3%).

11. Лечение от наркотической зависимости. Наибольшую долю (70%) составили лица, не проходящие лечение от наркомании; 20% ранее проходили лечение зависимости от приема наркотиков.

12. Судимость. 40% наркопреступников ранее привлекались к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков; 23% привлекались к уголовной ответственности за преступления, не связанные с незаконным наркооборотом.

13. Форма соучастия. 80% наркопреступников совершили преступление в одиночку; 30% в составе преступной группы.

14. Форма вины. 98% наркопреступников совершили деяние умышленно; 2% по неосторожности.

15. Наркотическое опьянение. В момент совершения наркопреступления преступники находились в наркотическом опьянении – 18%; в состоянии абстинентного синдрома – 40%; трезвые – 52%.

16. Семейное воспитание. В 20% случаях наркопреступники воспитывались в наркотизированных семьях; 30% воспитывалась в приемных семьях и интернатах.

17. Наркотическая субкультура. 70% преступников до совершения наркопреступления выбирали общение по принципу «себе подобные», проводили досуг в преступной среде.

Обобщим криминологические и уголовно-правовые характеристики наркопреступника. В первую очередь это молодежный возраст от 14 до 35 лет. Большая часть наркопреступников – холостые мужчины, не имеющие постоянного источника дохода. Основным мотивом первичного употребления является любопытство, реализуемое в квартире своих знакомых или вписках, при этом источником приобретения наркотиков являются неизвестные лица. Уровень рецидива преступлений высокий.

Особенности общественной опасности личности наркопреступника, обусловленной наркотической зависимостью, обнаруживаются в психобиологических характеристиках.

Наибольший интерес в этом плане представляет модель уголовной ответственности, основанная на взаимосвязи наркотической зависимости и преступного поведения. Основой модели выступает поведенческий аспект, обусловленный психическим состоянием личности: поиск и употребление наркотика становится центральной жизненно необходимой деятельностью человека [13. С. 171]. Современные исследования в нейробиологии доказывают, что употребление наркотиков активно влияет на нейронные цепи, отвечающие за поведение человека. Особенности проявления поведения зависят от конкретных видов употребляемого наркотика, что доказывают природные лиганды, содержащиеся в мозговых рецепторах [14. С. 38]. Прямое нарушение системы мозга у лиц, имеющих наркотическую зависимость, прослеживается в палеокортексе, что находит свое объяснение: лимбический привод постепенно набирает неокортикальную функцию, усиливая воздействие проявления заболевания [15. С. 279]. Специалисты отмечают, что поведенческий аспект наркотической зависимости можно объяснить анатомическим, физиологическим, психологическим состоянием, при этом первые два являются лишь показателями физиологии и генетики человека, психологическое состояние – проявление симптоматики наркотической зависимости. Действия лица при наркотической зави-

симости – юридический критерий привлечения к уголовной ответственности. При этом преступное поведение – это действия, несмотря на то, что обусловлены наркотической зависимостью и обнаруживаются во всех перечисленных состояниях [16. С. 41].

Практически значимым, на наш взгляд, является диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим расстройствам, разработанное Американской психиатрической ассоциацией, основанное на взаимосвязи употребляемого наркотического средства, когнитивных, поведенческих и физиологических симптомов [17]. Наркотическая зависимость рассматривается через расстройство импульсного контроля, проявляющегося в компульсии, т.е. неспособности человека противостоять совершению определенных действий, интенсивности и повторяемости поведения. Следовательно, чем опаснее свойства употребляемого наркотического средства, тем интенсивнее компульсия. Подобные исследования проводились и российскими учеными. Так, немедицинское употребление опия приводит к клиническому патоморфозу, нарушению сознания, влечет морально-нравственное разрушение личности. Опиные наркоманы склонны к криминальной активности, поскольку протекание заболевания характеризуется агрессивным поведением, что обуславливает формирование демонстративно-шантажного и аффективно-возбудимого типа поведения [18. С. 6]. Наркотическая зависимость от барбитала, напротив, характеризуется преобладанием неврозоподобного типа поведения, усилением ипохондрических расстройств и тревожно-фобических состояний, криминальная активность не реактивна [19. С. 90].

Представляется, что изучение общественной опасности личности преступников, имеющих наркотическую зависимость, с точки зрения психобиологических характеристик необходимо при выборе вида мер уголовно-правового воздействия, в частности мер медицинского характера.

Применительно к проблеме взаимосвязи наркотической зависимости и преступного поведения целесообразна дифференциация общественной опасности личности преступника в зависимости от того, какие наркопреступления являются преобладающими и к какому классу опасности можно отнести употребляемое наркотическое средство.

В соответствии с названными критериями мы выделили три класса опасности наркотических средств и психотропных веществ. Основой ранжирования является строгость запрета для введения вещества в оборот и степень вредоносного воздействия на здоровье населения.

I класс опасности – наркотические средства и психотропные вещества из Списка I, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [20].

II класс опасности – наркотические средства и психотропные вещества из Списка II.

III класс опасности – психотропные вещества из Списка III.

Преступные деяния могут быть охарактеризованы следующими факторами: наличие дополнительного объекта, направленность на сбыт и наркопроизводство, специальный субъект преступления и др. В такой системе преступлений, связанных с незаконным наркооборотом, могут быть выделены классификационные группы. В первую группу (повышенной общественной опасности) входят преступления, предусмотренные ст. 228¹, 229, 229¹ Уголовного кодекса РФ. Во вторую группу (средней общественной опасности) включены преступления, предусмотренные ст. 228², 228⁴, 231 Уголовного кодекса РФ. К третьей группе (базовой общественной опасности) отнесены преступления, предусмотренные ст. 228, 228³, 230, 232, 233 Уголовного кодекса РФ.

Сущность категории общественной опасности личности наркопреступника, обусловленной наркотической зависимостью, выражается в ее характере и степени, которые определены свойствами употребляемого наркотического средства и общественной опасностью

совершаемых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

В заключение отметим, что ученые строят свои теории вокруг личности лиц, совершивших преступления, и оперируют понятием общественной опасности личности преступника. Это определяется, во-первых, криминологическими, уголовно-правовыми и психобиологическими критериями, во-вторых, характером совершенного преступления, в-третьих, степенью опасности и вероятностью совершения преступления в будущем. Мы полагаем, что общественная опасность личности наркопреступника, обусловленная наркотической зависимостью, раскрывается посредством опасности употребляемого наркотического средства и совершенного преступления в сфере незаконного наркооборота. На основе такой модели можно выработать специфические профилактические меры и осуществить принцип индивидуализации наказания с учетом особенностей личности и совершенного деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 48. Ст. 7710.
2. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / под ред. А.Л. Ременсона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
3. Герцензон А.А. Уголовный закон и личность преступника. М. : Знание, 1968. 79 с.
4. Антонов А.Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // *Государство и право*. 2019. № 11. С. 125–129.
5. Шеслер А.В., Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень : Проспект, 2006. 144 с.
6. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // *Правоведение*. 1963. № 3. С. 90–98.
7. Татарников В.Г. Личность виновного и ее влияние на назначение уголовного наказания. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. 31 с.
8. Одинова Л.Н. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2021. 223 с.
9. Чунталова О.В. Почему существует проблема учета личности виновного при назначении наказания? // *Актуальные проблемы права: теория и практика : сб. науч. работ юрид. фак. Краснодар : КубГУ, 2005. С. 18–20.*
10. Филимонов В.Д. Механизм назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости // *Уголовная юстиция*. 2020. № 16. С. 32–37.
11. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2016. № 2.
12. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М. : Юридическая литература, 1985. 256 с.
13. Морс С. Зависимость, генетика и уголовная ответственность // *Право и современные проблемы*. 2006. № 69. С. 165–208.
14. Чжизвэй З. Употребление наркотиков (алкоголя) и связанные с этим проблемы среди осужденных. Чикаго : Национальный исследовательский центр общественного мнения, 2003. 144 с.
15. Нестлер Э.Д. Гены и зависимость // *Генетика природы*. 2002. № 26 (3). С. 277–281.
16. Мур М. Вина в общей теории уголовного права. Оксфорд : Изд-во Оксфорд. ун-та, 1997. 78 с.
17. *Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим расстройствам* // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 01.08.2021).
18. Вандыш-Бубко В.В., Гиленко М.В. Органические психические расстройства, коморбидные с зависимостью от ПАВ (сравнительно-возрастной, судебно-психиатрический аспекты) : аналитический обзор. М. : ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2013. 130 с.
19. Полубинская С.В., Макушина О.А. Организационные и правовые проблемы исполнения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2014. Т. 24, № 3. С. 90–95.
20. *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 27. Ст. 3198.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Current Issues of the Addiction-Driven Public Danger of Drug Criminals

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 115–119. DOI: 10.17223/23088451/18/21

Evgeniya S. Vitovskaya, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Jane-vit@mail.ru

Keywords: public danger of criminals; narcotic drug; crimes related to narcotic drugs and psychotropic substances trafficking.

The category “public danger of a criminal” is considered. Based on the analysis of diverse views on this category and law enforcement practice, criminological and criminal law criteria for the public danger of a drug criminal with drug addiction are presented. Particular attention is paid to the psychobiological criteria of the social danger of a criminal addicted to narcotic drugs. The study of the category “public danger of a criminal” was the basis for determining the author’s idea of the essence of the public danger of a drug criminal caused by their drug addiction. The article provides data from official statistics on the situation with drugs in the Russian Federation. The importance of analyzing the public danger of a criminal is noted: the correct interpretation of this category provides for the effectiveness of criminal law norms, the development of special preventive measures, and the shaping of modern criminal law views. Based on the materials of criminal cases, the characteristics of persons committing crimes related to narcotic drugs and psychotropic substances trafficking were analyzed. The general criminological and criminal law characteristics of drug criminals include: they are 14 to 35 years old; they are largely single men with no permanent source of income; the main motive for primary drug use is curiosity, which is satisfied in their acquaintances’ apartments or in drug squats, and the source of the acquisition of drugs is unknown persons; the recidivism rate is high. Particular attention is paid to the psychobiological characteristics of the public danger of a criminal: current research proves the existence of a relationship between drug addiction and criminal behavior. The author notes that the content of the public danger of a person who commits a crime in the field of illegal drug trafficking and has drug addiction is expressed in the class of the danger of drugs and psychotropic substances a person uses and the danger of committed crimes. There are three classes of the danger of narcotic drugs and psychotropic substances; the basis for differentiation is the severity of the prohibition for their circulation and the degree of their harmful effects on public health. The hazard class of narcotic drugs corresponds to the Lists approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 681 of 30 June 1998. Crimes in the sphere of narcotic drugs and psychotropic substances illicit trafficking are differentiated into three groups: increased, average, and basic public danger; the ranking criterion is various factors, including the focus on sales, the presence of a special subject. The author points out that the use of the described model of a drug criminal’s public danger caused by drug addiction will positively affect the development of specific preventive measures and the implementation of the principle of punishment individualization.

References

1. Russian Federation. (2020) *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 48. Art. 7710. (In Russian).
2. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovolnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Gertsenzon, A.A. (1968) *Ugolovnyy zakon i lichnost' prestupnika* [Criminal Law and the Identity of the Criminal]. Moscow: Znanie.
4. Antonov, A.G. (2019) On a ratio of the categories “public danger of a crime” and “identity of the criminal”. *Gosudarstvo i pravo*. 11. pp. 125–129. (In Russian). DOI: 10.31857/S013207690007479-8
5. Shesler, A.V. & Zhalybin, V.V. (2006) *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv* [Criminological Characteristics and Prevention of Crimes Related to Illicit Drug Trafficking]. Tyumen: Prospekt.
6. Volzhenkin, B.V. (1963) Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i osnovanie ugovolnoy otvetstvennosti [Public danger of a criminal and the basis of criminal liability]. *Pravovedenie*. 3. pp. 90–98.
7. Tatarnikov, V.G. (1981) *Lichnost' vinovnogo i ee vliyaniye na naznachenie ugovolnogo nakazaniya* [The Identity of the Culprit and Its Influence on the Appointment of Criminal Punishment]. Irkutsk: Irkutsk State University.
8. Odintsova, L.N. (2021) *Lichnost' prestupnika: ponyatiye i kriminologicheskaya kharakteristika* [Criminal Personality: Concept and Criminological Characteristics]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.
9. Chuntalova, O.V. (2005) Pochemu sushchestvuet problema ucheta lichnosti vinovnogo pri naznachenii nakazaniya? [Why is there a problem of taking into account the identity of the perpetrator when imposing punishment?] In: *Aktual'nye problemy prava: teoriya i praktika* [Topical issues of Law: Theory and practice]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 18–20.
10. Filimonov, V.D. (2020) The mechanism for imposing punishment as a tool for implementing the principle of justice. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 16. pp. 32–37. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/16/7
11. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2. (In Russian).
12. Karpets, I.I. (1985) *Ugolovnoye pravo i etika* [Criminal Law and Ethics]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Morse, S.J. (2006) Addiction, Genetics, and Criminal Responsibility. *Law and Contemporary Problems*. 1/2 (69). pp. 165–208.
14. Zhiwei, Z. (2003) *Drug and alcohol use and related matters among arrestees*. Chicago: National Opinion Research Center.
15. Nestler, E.D. (2002) Geny i zavisimost' [Genes and addiction]. *Genetika prirody – Nature Genetics*. 26 (3). pp. 277–281.
16. Moore, M. (1997) *Placing Blame: A General Theory of the Criminal Law*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
17. World Health Organisation. (n.d.) *Diagnosticheskoe i statisticheskoe rukovodstvo po psikiatricheskim rasstroystvam* [Diagnostic and Statistical Manual of Psychiatric Disorders]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru> (Accessed: 1st August 2021). (In Russian).
18. Vandyshe-Bubko, V.V. & Gilenko, M.V. (2013) *Organicheskie psikhicheskie rasstroystva, komorbidnye s zavisimost'yu ot PAV (sravnitel'no-vozrastnoy, sudebno-psikiatricheskiiy aspekt): analiticheskiiy obzor* [Organic Mental Disorders Comorbid with Dependence on Psychoactive Drugs (Comparative age, forensic psychiatric aspects): analytical review]. Moscow: The Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry.
19. Polubinskaya, S.V. & Makushina, O.A. (2014) Organizational and legal dilemmas in implementation of compulsory psychiatric outpatient observation and treatment. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*. 3 (24). pp. 90–95. (In Russian).
20. Russian Federation. (1998) *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 27. Art. 3198. (In Russian).

УДК 343.815+94 (47)

DOI: 10.17223/23088451/18/22

С.И. Кузьмин, Е.С. Чуканова

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОМ И РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием организованного криминального сообщества в Советском и современном Российском государстве. Прослеживается процесс криминализации российского общества после распада СССР.

Ключевые слова: *воровские авторитеты, изоляция, преступная деятельность, коррупция, криминальная субкультура*

В дореволюционной России и в Советском государстве предпринимались меры, направленные на искоренение профессиональных преступников. Добиваться поставленной цели было непросто, так как, например, к концу 20-х гг. прошлого века в местах лишения свободы РСФСР находилось порядка 4,2% профессиональных преступников от общего числа заключенных. В изоляторах особого назначения России были сконцентрированы и воровские авторитеты, этапированные из регионов Кавказа и Средней Азии из-за невозможности на местах обеспечить их надежную изоляцию от внешнего мира. По состоянию на 1 января 1929 г. число приговоренных к данной мере наказания составляло 37 тыс. человек, не считая направляемых сюда наиболее «авторитетных» представителей воровской элиты, что значительно превышало возможности данных учреждений. Неслучайно поэтому ставился вопрос о создании на территории СССР двух изоляторов особого назначения с установлением в них более строгого режима. Называлось и место для размещения одного из них – остров Возрождения, недалеко от Баку [1. С. 52]. Однако жизнь распорядилась иначе, и до настоящего времени на территории бывшего СССР с тех пор была построена только одна тюрьма, а те, которые оставили нам в наследство царский режим, основательно поизносились.

На рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. переживала не только тюремная система, но и ее «элита». Разумеется, воровские авторитеты и их подручные не были никакой «опорой» Г.Г. Ягоды в лагерях, как это представляется в последние годы в средствах массовой информации. У этой публики была своя особая жизнь в местах лишения свободы, свой «кодекс чести», и они никогда не выражали интересов администрации.

Условия содержания осужденных в исправительно-трудовых лагерях были таковы, что позволяли воровской элите не только собирать сходки в масштабе лагеря, но и проводить «съезды», на которых присутствовали «делегаты» от всех лагерей. На таких «форумах» совершенствовались старые и формировались новые нормы, которыми должны были руководствоваться «истинные арестанты», а также поддерживавшие их осужденные.

Воровское сообщество обязывало своих членов следить за порядками в исправительно-трудовых лаге-

рях, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они должны были отвечать за положение дел перед сходкой воровских авторитетов.

В 1956–1957 гг. в исправительно-трудовой системе началось наступление на наиболее опасный контингент уголовников-воров всех мастей. Вопрос перед теми, кто причислял себя к ворам, был поставлен ребром: или идеологическое разоружение, или жесточайшая изоляция в тюрьмах. Состоявшим на учете ворами было предложено подписать обязательство об отказе от своего воровского звания. Оперативные работники с каждым вором разбирались индивидуально. Давшим подписку, она вкладывалась в личное дело, о принятом ими решении оповещали заключенных лагерного пункта на общем собрании, и после этого они переводились в обычные подразделения. С наиболее стойкими администрация проводила большую работу, нацеленную на идейное разоружение [2]. Особое внимание уделялось воровским авторитетам, которых знали по всем лагерям и тюрьмам. Широко использовалось для разложения воровского мира, например, письмо заключенного В.И. Кожевникова к заключенным, содержащимся в ИТЛ и тюрьмах МВД СССР, относящим себя к преступной группировке, именуемой «воры» [3. С. 3–6]. В соответствии с указанием заместителя министра внутренних дел СССР за № 134 от 24 апреля 1957 г. с письмом предлагалось ознакомить всех заключенных и использовать его при проведении мероприятий по борьбе с воровскими группировками. Как известно, этот уголовник, с которым беседовал Н.С. Хрущев, был впоследствии освобожден досрочно, получил по его указанию квартиру, но так и не встал окончательно на праведный путь. Свою роль сыграли и показательные суды в местах лишения свободы над лицами, представлявшими воровское сообщество. При этом осужденные выступали в качестве свидетелей на таких процессах, не боялись их. Подобное стало возможно благодаря стремлению администрации консолидировать основную массу правонарушителей и противопоставить ее представителям организованных преступных группировок. Теперь уже сами осужденные, потерпевшиеся от воровского беспредела, заявляли: «Мы не хотим ни “воров”, ни “отошедших”. Мы хотим работать и быстрее вернуться к семьям» [4].

Воровские авторитеты понимали, что против них объединились в единую силу администрация и большая часть осужденных. При таких обстоятельствах многие авторитеты ощутили бесперспективность противостояния, которое могло принести им не столько пользы, сколько вреда, ибо внесенные изменения в уголовное и исправительно-трудовое законодательство в конце 1950-х гг. значительно сузили возможности для ведения паразитического образа жизни в местах лишения свободы. Осуждение за бандитизм по ст. 77 п. 1 на основе нового законодательства не предвещало для них ничего хорошего. Приговор за бандитизм к смертной казни приводился в исполнение без всяких проволочек, и по лагерным пунктам и колониям зачитывали соответствующие приказы по МВД, где встречались знакомые им имена и фамилии.

Воры-рецидивисты, решившие завязать с прежней жизнью, призывали к этому и своих сотоварищей. Часть из них по собственной инициативе выступала в средствах массовой информации (лагерных газетах, листовках, передачах по местному радио, на общих собраниях осужденных). Они убеждали в том, что жизнь в стране меняется. Появилась возможность условно-досрочного освобождения, а также освобождения раньше срока по зачетам рабочих дней в срок отбытого наказания. В самом обществе изменилось отношение к бывшим преступникам. Государство и местные органы власти стали помогать освобождающимся в решении вопросов трудового и бытового устройства. В выпускаемых для заключенных газетах публиковались письма авторитетов, порвавших с преступной средой. Все это приносило свои плоды. Начался активный распад воровского сообщества, но все же оставалось немало тех, кто не собирался предавать воровскую идею.

Уже во второй половине 1960-х гг. воровское сообщество в стране начало выходить из подполья, но юридической базы для борьбы с этим явлением не было. Реализация на практике хрущевского волюнтаристского принципа «о возможности полного искоренения преступности в СССР к началу 80-х гг.» привела к тому, что из нормативных документов МВД–КГБ исчезли такие термины и понятия, как «вор» той или иной масти, «уголовно-бандитствующий элемент» и т.п.

Недооценка особо опасных лидеров преступной среды со стороны государства, своеобразная передышка, данная им в 1960–1970-х гг., привели к активизации и возрождению воровской идеологии, а затем к ее распространению с начала 1980-х гг. в местах не столь отдаленных.

Основные процессы, способствовавшие развитию, а затем уже и расцвету сообщества, происходили вне мест лишения свободы. Дважды разгромленные и реорганизованные при Н.С. Хрущеве органы государственной безопасности и Министерства внутренних дел утратили тотальный контроль за нетрудовыми доходами граждан. В этих условиях стала стремительно развиваться теневая экономика, породившая крупные хищения и коррупцию. В прежние годы партийные, государственные, советские чиновники всех рангов,

находившиеся под пристальным вниманием органов, не могли себе позволить вступить в связи с расхитителями государственной собственности, не могли взять взятку, так как нетрудовые доходы невозможно было материализовать. Теперь открывалось широкое поле деятельности для обогащения. 10 июля 1962 г. был арестован директор Ленинградской областной оптовой торговой базы Георгий Петрович Зуйков, с конца 1950-х гг. находившийся в поле зрения правоохранительных органов, но благодаря покровительству Козлова (бывшего первого секретаря обкома КПСС) сохранявший свой пост и избегавший уголовной ответственности. Факты против директора были следующие: «у Зуйкова было изъято 1 616 золотых монет царской чеканки различного достоинства и 200 золотых американских долларов, всего весом более 12 килограммов; 5 160 бумажных американских долларов, 11 золотых слитков, в том числе и слитки швейцарского банка, 5 золотых пластин и 3 рулона золотой фольги заводского изготовления, а также различные изделия из золота – золотая дореволюционная настольная медаль, 4 броши с бриллиантами и браслет (общий вес около 3 килограммов), 16 незакрепленных бриллиантов весом 61,85 карата и нитка жемчуга». Большую часть этих ценностей он прятал в могиле своей дочери на Волковском кладбище. 24 июля 1963 г. Зуйков был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение [5].

Подпольные дельцы и цеховики, пользуясь развалом тотального контроля за жизнью граждан, стали ворочать сотнями тысяч, а то и миллионами рублей, что позволяло им на корню покупать не только руководителей властных структур, но и правоохранительных органов.

В изменившейся ситуации профессиональные преступники быстро сообразили, что выгоднее и прибыльнее грабить воротил теневой экономики, тем более что не каждый из них посмеет обратиться за помощью в милицию, чем совершать кражи и заниматься грабежами. Воровское сообщество не устояло перед соблазном легкой наживы и начало охоту за теневиками и цеховиками. Путем шантажа, угроз, физического насилия, захвата заложников они отторгали у дельцов и цеховиков часть их доходов, паразитируя безнаказанно на преступниках от экономики.

На одной из всесоюзных «сходок», организованной воровскими авторитетами в Краснодаре в 1979 г., где присутствовали представители теневой экономики, и была достигнута принципиальная договоренность: воры брали на себя обязательство охранять цеховиков и дельцов, а те – платить им десять-пятнадцать процентов от прибыли.

Взросшие доходы воровские авторитеты начали направлять в подпольный бизнес. При этом они стали обеспечивать теневиков услугами, связанными с их охраной, сбытом неучтенной продукции, ее сопровождением при транспортировке, борьбой с конкурентами. Происходившие процессы в экономической жизни страны повлекли за собой не только небывалый рост организованной преступности, но и модифицировали воровское сообщество. В настоящее время преступный

мир живет несколько иной жизнью. Уже не существует специально установленного стажа для вступления в касту воров. Допускается прием в сообщество лиц, не отбывавших наказание в местах лишения свободы. Не существует и никакой системы поручительства. Никто теперь уже не удивляется тому, что воры официально расписываются в ЗАГСе, заводят семью. Они все реже «бotaют по фене», а некоторые из сообщества могут свободно изъясняться на иностранном языке. Их нередко можно увидеть в шикарном костюме с дипломатом в руке, в проезжающей мимо иномарке. Их вкус совпадает с рейтингом мировой классификации машин. Отсюда любовь к «мерседесам», «вольво», «БМВ», «кадиллакам».

Современному вору уже нет необходимости маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. С отменой уголовной ответственности, ранее предусмотренной ст. 209 УК РСФСР, отпала необходимость в сокрытии паразитического образа жизни. Воровское звание отныне стало доступно лицам, которые не в полной мере отвечают требованиям «воровского кодекса чести». Надо только обладать крупной денежной суммой и добровольно вносить немалые средства в общаковую казну.

Чтобы претендент на звание вора был коронован, он обязан вести правильную воровскую и арестантскую жизнь, показать свою честность, уметь расположить к себе любого человека. Предварительно выясняется место рождения претендента, сфера занятий, наличие связей с милицией и т.д. Выяснение не может ограничиться рассказом о себе. Принимаются меры по проверке биографии по месту рождения и проживания. После принятия в воровскую касту о нем сообщается воровскому сообществу на воле и по местам заключения. В то же время некоторые из наиболее элитной демократической части воровских авторитетов таковыми открыто в преступном мире не объявляются и известны только узкому кругу лиц воровского сообщества. Такая конспирация потребовалась в наше время, так как наиболее перспективные из их числа имеют широкие возможности входить в правящую государственную элиту.

Последнее поколение воровских авторитетов – о чем и мечтать они не могли при советской власти – это начинающие преуспевать бизнесмены. Сидеть в тюрьме уже считается признаком дурного тона и не слишком большого ума. Неслучайно на заре перестройки в этой среде появилось довольно любопытное суждение: «Сейчас деньги лежат на дороге, и их можно грести лопатой, только дурак или идиот будет отсиживаться в тюрьме». Изменился и характер преступной деятельности воровских авторитетов. Сами себя они уже стали называть людьми управленческими [6. С. 2].

Невольно возникает вопрос: раз вор – известный лидер преступной среды, то он должен быть изобличен в совершении конкретного преступления и осужден к уголовной мере наказания? Однако на практике все далеко не так. В 1993 г. органами внутренних дел за организацию и совершение преступлений задерживалось 45 воров-авторитетов, 29 из них было арестовано,

а 20, из числа заключенных под стражу, осуждено. И это не случайно. Большинство «воров» непосредственно сами преступлений не совершают, но делают это с помощью лиц из руководимых ими преступных группировок. «Воры» же, как правило, либо их организаторы, либо идейные вдохновители, а поэтому правосудию до них не дотянуться. За первое привлечение к уголовной ответственности в современных условиях довольно проблематично, а второе по действующему уголовному кодексу до конца 2019 г. преступлением не являлось.

Вся воровская идея сводится к тому, чтобы жить за счет других, а для этого все средства хороши. По-прежнему воровские авторитеты находятся в активной оппозиции к обществу, имея ярко выраженные антисоциальные установки и свою «философию жизни». В отличие от воров старой формации, которые без особой нужды никогда не шли на «мокруху», новое поколение над этим не задумывается. Оружие идет в ход уже среди бела дня, при большом скоплении свидетелей, по поводу и без него.

В наше время о воровских авторитетах стали проявлять заботу видные граждане нашего государства. О досрочном освобождении из Тулунской тюрьмы (Иркутская область) Вячеслава Иванькова по кличке Япончик хлопотал уважаемый человек, Святослав Федоров, дважды вносил протест по делу Иванькова заместитель председателя Верховного суда России А. Меркушев. Люди помельче – иркутские депутаты и впоследствии уволенные руководители Тулунской тюрьмы немало сделали, чтобы облегчить участь известного вора во время его заключения. Одно время Япончик гастролировал в дальнем зарубежье, имея возможность просаживать в американском казино за ночь 250 тыс. долл., что мог позволить себе редкий западный богачей. В знаменитый «Белый лебедь» приезжал хлопотать за известного вора Герой Советского Союза, водрузивший знамя Победы над рейхстагом, Кантария.

Нельзя не вспомнить то обстоятельство, что ни в царские времена, ни в годы советской власти невозможно было такое, чтобы умерших своей смертью или погибших авторитетов преступного мира хоронили с помпой, на престижных кладбищах, как это делается сегодня. Достаточно обратиться к фактам. На Востряковском кладбище хоронили вора по кличке Малина, 63-летнего особо опасного рецидивиста, судимого одиннадцать раз. В Екатеринбурге тысячи людей шли по улицам города, провожая в последний путь на кладбище своего кумира вора Вагина. В центре Казани, на главной аллее центрального кладбища, неподалеку от надгробия создателю неевклидовой геометрии Лобачевскому, вблизи братской могилы солдат Великой Отечественной войны – с почестями похоронен один из лидеров знаменитой казанской банды «Тяп-ляп» Кондрашин, отсидевший в зоне 13 лет. Что общего в этих похоронах? Прежде всего, на них присутствуют руководители всех территориальных преступных группировок, а в зависимости от ранга в воровском сообществе в церемонии принимают участие и видные авторитеты

бывших республик СССР. К примеру, на похороны убитого в Амстердаме и доставленного на родину вора по кличке Тынгыз съехались воры со всего Кавказа и авторитеты так называемых славянских кланов.

«Воры в законе», придерживающиеся старой идеологии, по-прежнему остаются значимой силой в криминальном мире, а их влияние на криминальную субкультуру гораздо значительнее, чем у «пиковых» и «лавровых». Воров старой формации сильно бесят «пиковые» и «лавровые», ставшие «ворами в законе». Коррупция в новой России начала разедать не только общество в целом, но и преступную среду. Теперь можно выйти в «люди», стать «паханом», «вором в законе», не имея никаких криминальных заслуг и тюремной «выслуги лет», а купив это звание или опираясь на силу и преобладание своей этнической группировки. У старых воров был скудный доход и складывался он из традиционных видов промысла: карточная игра, угоны транспорта, квартирные кражи и т.д. Основной доход приносили цеховики, на которых они паразитировали. Старые авторитетные преступники не имели права связывать себя семейными узами, а современные воры считают своим долгом не просто создать семью, но и обеспечить ей должное существование. Идеалом «вора в законе» считался «бессеребряник» – преступник, у которого отсутствовала любая собственность. Современным ворам наплевать на этот идеал. Это хорошо видно из телевизионного репортажа, где показывали хоромы вора Шакро-молодого, обставленные антиквариатом.

В советском государстве преступное сообщество существовало автономно по отношению к обществу. Связь с обществом ограничивалась в целях избежать размывания своей идеологии. Совершенно иная ситуация сегодня. Приобретая значительное богатство, преступный мир получил уникальный шанс добиться политической власти. Криминальное сообщество, опираясь на свою финансовую мощь, включилось в социально-экономическую деятельность не только в лице своих представителей, но со своей криминальной субкультурой. Особенностью сложившейся ситуации в стране является то, что эта преступность проникла в высшие слои российского общества (губернаторы, мэры городов, банкиры, депутаты и др.). Отсюда и значительное влияние, которое оно оказывает на общественные отношения. Властвующие кланы после беспредела 1990-х гг. стали выстраивать отношения с высшими слоями преступного сообщества (разделение сферы извлечения преступных доходов), заставляя тем самым основную часть населения ориентироваться на эти отношения и следовать за ними.

В начале 1990-х гг. организованные преступные группировки обложили все сферы бизнеса своего рода «данью» за покровительство. Бандиты реально легализовались и держали под контролем целые города. За короткое время они смогли сконцентрировать огромные средства, которые стали использоваться для активного вхождения во власть. В качестве примера следует напомнить о нашумевшем деле Андрея Климентьева, который, имея судимость, в 1990-е сумел стать мэром

Нижнего Новгорода. После отмены выборов губернаторов и мэров наступление криминала вроде бы приостановилось. Однако после того, как в конце 2013 г. Конституционный суд РФ принял сенсационное решение: вернул право избираться в органы власти людям, имеющим погашенную судимость за тяжкие преступления, положение изменилось. По данным избиркома, в 2016 г. свыше 120 ранее судимых выразили желание стать народными избранниками.

Когда во власть в стране пошли люди с криминальным прошлым, лидеры преступных группировок быстро сообразили, что перед ними открываются новые возможности. Они тут же занялись поиском талантливых подростков и через обучение в высших учебных заведениях стали внедрять своих протеже и родственников в органы законодательной и исполнительной власти, в правоохранительные органы, банковскую и иные сферы и организовывать им карьерный рост.

Криминальные сообщества на свободе принимают меры для пополнения своих рядов. Как это делается, можно увидеть на примере Игоря Майданюка, самого молодого члена банды «Цапко». После первой отсидки в колонии для несовершеннолетних «цапки» его приметили, обували, одевали, возили тренироваться в спортивный зал. Готовили к вступлению в банду, подначивали на драку, наускивали [7].

Законодательная и исполнительная власть в России, ориентированная на европейские ценности, прежде всего, озаботилась о своем благополучии и стала на путь гуманизации карательной политики государства. Основной сферой деятельности, куда устремились преступные элиты, стала экономика. Появившаяся возможность безнаказанного (ввиду исключения из уголовного кодекса конфискации имущества, нажитого преступным путем) разворовывания или присвоения мошенническим путем государственной собственности привели к созданию мощных региональных преступных сообществ. В их состав вошли коррумпированные чиновники и связанная с преступным миром верхушка управленческого аппарата. В результате произошло внедрение лидеров преступного мира в высшие слои российского общества – уже в самом начале 1990-х гг. За примером далеко ходить не придется. 12 июня 1994 г., в день независимости государства Российского, президент Б.Н. Ельцин принимал в Кремле поздравления. Телекамеры фиксировали уже давно известные фигуры политических, общественных деятелей, военных и священнослужителей. Но вот рядом с президентом камеры зафиксировали неизвестного для зрителей незнакомца, в котором хабаровчанин, к своему удивлению, распознали Пуделя (народная кличка) – судимого 6 раз уголовного авторитета – Владимира Податаева. На визитках, которые он вручал нужным людям, были прописаны вполне респектабельные титулы: член комиссии по правам человека общественной палаты при президенте РФ; полковник, заместитель верховного атамана Союза казачьих войск России и зарубежья; член президиума ЦК свободных профсоюзов.

Выступая на страницах краевой газеты, сам Пудель (воровская кличка Джем) так преподносил свой

жизненный путь: «Беда моя, но в то же время и достоинство в том, что 18 из 35, к моменту своего освобождения, я провел в экстремальных условиях – в тюрьмах, лагерях и пересылках». Однако вряд ли это можно отнести к достоинствам, так как подвизавшийся в президентской команде правозащитник первую ходку отсидел за кражу, вторую за тривиальный грабеж, третью за участие в групповом изнасиловании. «Откинувшись» из зоны, он ни в каких авторитетах не ходил, вкалывал на стройке, на бетономешалке, так как в СССР труд был обязательным для всех. В 1987 г. дальневосточные уголовные лидеры возвели Джема (Пуделя) в ранг «положенца», поручив такое направление криминальной деятельности, как сбор «общака». Средства от таких сборов, как известно, предназначаются на содержание воровских авторитетов, на поддержание сидящей в местах заключения «братвы», преданной воровской идее, помощи их семьям и др.

За какие заслуги перед государством и обществом попал Джем в комиссию по правам человека, не знал даже председатель комиссии Михаил Арутюнов, подписавший ему удостоверение. Зато в этом качестве уголовный авторитет едет в Женеву, общается с высокими чинами из ООН, запечатлевает себя с ними на видео пленке и показывает по телевидению Амура изумленным землякам. Следующий визит Джем нанес в США. И опять встречи с большими политиками, бизнесменами, общественными деятелями. Кроме того, у него состоялась встреча с вором в законе Вячеславом Ивановичем – Япончиком, который возглавлял крупную банду в США. Именно он создал российскую организацию «Обшак».

Новые кадры, пришедшие в правоохранительные органы в 1990-х гг, ведя борьбу в том числе с организованной преступностью, быстро освоили ее методы обогащения. Накопив первоначальный капитал, они стали уходить в легальный бизнес, а на смену им пришла новая «крыша» и отдельные сотрудники правоохранительных органов, в том числе высокого ранга, стали крышевать игорный бизнес, торговлю, проституцию и т.д. С виду респектабельные чиновники перестали стесняться иметь дела с откровенными бандитами, используя их в реализации криминальных схем.

О том, что в нашей стране процесс сращивания отдельных, даже высокопоставленных государственных служащих с криминальными лидерами продолжается, свидетельствует арест по подозрению во взяточничестве первого заместителя начальника Главного следственного управления СКР по Москве Дениса Никандрова, а также руководителя управления собственной безопасности ведомства Михаила Максименко и Александра Ламонова. Все они были связаны с самым авторитетным на сегодня «вором в законе» Шакро-молодым (Захаром Калашовым), отправленным отбывать уголовное наказание в одну из краснодарских колоний.

Не успели за этими фигурантами уголовного дела захлопнуться двери камер следственного изолятора, как члены Общественной наблюдательной комиссии Москвы посетили СИЗО «Лефортово», навестив их. Тут же в газете «Московский комсомолец» появляется публикация Евы Меркачевой «Хорошо сидят!», пропитанная жалостью к «сидельцам» с выводом: мясорубка перемалывает всех [8].

С целью ослабления криминального влияния на законопослушных граждан, особенно из числа молодежи, очень важно пресечь пропаганду романтики преступного образа жизни в средствах массовой информации. Современному российскому обществу нужны произведения, телепередачи, фильмы, которые бы показывали, какой колоссальный вред наносят «воры» и их последователи народу, как они, втягивая в орбиту своего влияния, нравственно калечат подростков и молодежь, трагедию человека, принявшего на веру романтику преступного мира. Без существенной поддержки средств массовой информации усилия правоохранительных органов в противостоянии преступному миру будут бесполезными.

Инициатива, с которой выступил Президент страны В.В. Путин, несомненно, повлечет за собой активизацию борьбы с лидерами в преступной иерархии [9]. Однако только с помощью одних уголовно-правовых мер подавить организованную преступность вряд ли удастся. Для этих целей необходимо также широко использовать опыт применения организационных и профилактических мер, использованных в разные годы в борьбе с криминальным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швей А.И. Об одной из форм старой изоляции // Административный вестник. 1926. № 7–8. С. 49–52.
2. Ориентировка МВД СССР от 16 февраля 1956 г. № 28 сс «Об изменении преступной тактики уголовниками-рецидивистами и о мерах по активизации агентурно-профилактической работы среди контингента» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.11.2021).
3. К честной трудовой жизни (сборник писем осужденных). М. : ГУИТК МВД СССР, 1957. С. 3–6.
4. Приказ МВД СССР № 293. 1957 г // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.11.2021).
5. Российская газета. 2019. № 229. 11 октября. URL: <https://rg.ru/gazeta/2019/10/11.html> (дата обращения: 06.11.2021).
6. Корупаева Т. Закона нет, есть только... вор в законе // Куранты. 1993. № 133 (648). 17 июля. С. 2–9.
7. Александров Г., Барова. Е. Бандит в законе // Аргументы и факты. 2013. № 42. С. 4–8.
8. Меркачева Е. Хорошо сидят // Московский комсомолец. 2016. № 155 (263). С. 3–5.
9. Озерова М. «Авторитетам» – от 8 и выше // Московский комсомолец. 2019. № 33 (397). 15 февраля. С. 8–9.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Organized Crime in the Soviet and Russian State, and the Need for Its Neutralization

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 120–125. DOI: 10.17223/23088451/18/22

Stanislav I. Kuzmin, Moscow Regional Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Evgeniya S. Chukanova, Moscow Regional Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

Keywords: thieves' authorities, isolation, criminal activity, corruption, criminal subculture.

The article discusses issues related to the functioning of an organized criminal community in the Soviet and modern Russian state. The process of criminalization of Russian society after the collapse of the USSR is traced. In order to weaken the criminal influence on law-abiding citizens, especially young people, it is very important to suppress the propaganda of the “romance” of a criminal lifestyle in the media. Modern Russian society needs works, television programs, and films that would show what colossal harm the criminal bosses and leaders of criminal groups and their followers inflict on the people; how, drawing into the orbit of their influence, they morally cripple adolescents and youth; the tragedy of a person who has bought on the “romance” of the underworld. Without significant support from the media, the efforts of law enforcement agencies in confronting the underworld will be useless. The initiative put forward by the president of the country will undoubtedly entail an intensification of the struggle against the leaders in the criminal hierarchy. However, it will hardly be possible to suppress organized crime with the help of criminal law measures alone. For these purposes, it is also necessary to widely use the experience of applying organizational and preventive measures used in different years in the fight against the criminal community.

References

1. Shvey, A.I. (1926) Ob odnoy iz form staroy izolyatsii [On one of the forms of old isolation]. *Administrativnyy vestnik*. 7–8. pp. 49–52.
2. USSR. (1956) *Directions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 28 ss of 16 February 1956 on the change in criminal tactics by recidivist criminals and on measures to intensify agent-preventive work among the contingent*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Anon. (1957) *K chestnoy trudovoy zhizni (sbornik pisem osuzhdennykh)* [Towards an honest working life (Collection of letters from convicts)]. Moscow: GUITK MVD SSSR. pp. 3–6.
4. USSR. (1957) *Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR No. 293 of 1957*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) 11 October. [Online] Available from: <https://rg.ru/gazeta/2019/10/11.html> (Accessed: 06th November 2021).
6. Korupaeva, T. (1993) Zakona net, est' tol'ko... vor v zakone [There is no law, there is only ... a thief in law]. *Kuranty*. 133 (648). 17 July. pp. 2–9.
7. Aleksandrov, G. & Barova, E. (2013) Bandit v zakone [Bandit in law]. *Argumenty i fakty*. 42. pp. 4–8.
8. Merkacheva, E. (2016) Khorosho sidyat [They sit well]. *Moskovskiy komsomolets*. 155 (263) pp. 3–5.
9. Ozerova, M. (2019) “Avtoritetam” – ot 8 i vyshe [From eight <years in prison> and more for criminal ‘kingpins’]. *Moskovskiy komsomolets*. 33 (397). 15 February. pp. 8–9.

Received: 10 September 2021

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

DOI: 10.17223/23088451/18/23

С.В. Ведренцева

**ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТА ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Рассматриваются отдельные проблемные положения взаимодействия следователя с органом дознания. Анализируются сущность, принципы указанного взаимодействия. В результате исследования автором делается вывод о том, что при осуществлении взаимодействия следователю недостаточно руководствоваться исключительно принципами уголовного процесса, а органу дознания – только принципами оперативно-розыскной деятельности. Отмечается о необходимости каждому из названных субъектов следовать именно принципам взаимодействия.

Ключевые слова: *расследование преступления, орган дознания, организация расследования, взаимодействие, принципы взаимодействия*

Расследование преступления – это сложный многоэлементный процесс, состоящий из нескольких разных с позиции криминалистической ситуалогии этапов, основным содержанием которых являются следственные и иные процессуальные действия, криминалистические комбинации и операции. Процесс расследования нередко сопровождается участием должностных лиц органа дознания, призванных проводить оперативно-розыскные мероприятия. Помимо этого, должностные лица органа дознания участвуют в производстве следственных действий и в проведении тактических комбинаций, при этом их самостоятельность в определении применяемых ими тактических приемов здесь невелика, поскольку речь идет о процессуальной деятельности. В тактической операции они более самостоятельны, при этом также единолично ведут свою оперативную деятельность. При этом тактические комбинации и операции операционально взаимосвязаны, поэтому в общем виде расследование можно определить как процесс, осуществляемый при помощи набора уголовно-процессуальных и криминалистических средств.

По этой причине расследование строится на взаимодействии следователя с лицами, принимающими участие в решении стоящих перед ним задач.

Успешный анализ вопросов взаимодействия следователя предполагает определение рамок, в которых необходимо проводить научное исследование данного феномена. С учетом анализа имеющихся в научной литературе мнений вопросы взаимодействия следователя представляется более правильным решить в контексте положений криминалистического учения об организации расследования преступлений [1. С. 42].

Соответственно, центральным будет вопрос о соотношении понятий «организация расследования» и «взаимодействие».

В.Д. Зеленский рассматривает взаимодействие с позиции структуры расследования, определяет его как часть расследования, которая нуждается в организации, и с учетом этого органично включает его в такой элемент организации расследования преступления, как

руководство расследованием. По мнению отмеченного автора, между организацией расследования и взаимодействием существует элемент под названием «руководство расследованием». По этой причине автор рассматривает взаимодействие в качестве третьего уровня организации расследования преступлений. При этом взаимодействие определяется как согласованное использование процессуальных и непроцессуальных средств расследования для повышения эффективности их применения и получения необходимого результата. Основное во взаимодействии, на его взгляд, – обеспечение единства оптимального использования возможностей процессуальных и непроцессуальных действий, чему способствует реализация принципов взаимодействия, прежде всего, разделения и кооперации функций участников и руководящей роли следователя [2. С. 734].

Р.С. Белкин рассматривал этот вопрос с позиции категорий формы и содержания, подчеркивая важность такого понимания взаимодействия следователя, с учетом методологических положений криминалистики. Ученый полагал, что взаимодействие – это одна из форм организации расследования преступлений, заключающаяся в основном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени. Р.С. Белкин отмечал также, что данная деятельность осуществляется строго в пределах компетенции отмеченных субъектов в целях полного, быстрого, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела [3. С. 31]. Сопоставление точек зрения Р.С. Белкина и В.Д. Зеленского позволяет прийти к выводу о том, что первый автор рассматривает взаимодействие как форму организации расследования, второй – как средство расследования, поскольку взаимодействие в его понимании опирается на руководство расследованием со стороны следователя.

В криминалистической литературе чаще всего взаимодействие понимается как основанная на законе согласованная деятельность следователя с другими субъек-

ектами правоохранительной деятельности, каждый из которых применяет собственные методы и средства [4. С. 403–412]. Соответственно предлагается важная методологическая основа для характеристики взаимодействия следователя, позволяющая затем исследовать многочисленные стороны взаимодействия, в том числе его поисково-познавательную направленность в ходе работы по делу [5. С. 182]. Очевидно, что именно акцентирование внимания на отмеченной направленности взаимодействия приводит отдельных авторов, рассматривающих вопросы алгоритмизации расследования, к мысли считать взаимодействие методом решения следственных задач [6. С. 221–242].

Некоторые авторы, уделяя основное внимание качественной стороне взаимодействия, предлагают определение, в котором взаимодействие приобретает характер командной деятельности (в психологическом смысле отличия команды от группы лиц) [7. С. 59]. Данный подход имеет сходство с подходом, в соответствии с которым взаимодействие понимается как некая организационная структура, носящая временный характер, своего рода коллектив [8. С. 106]; наиболее отчетливо «командное» взаимодействие в контексте данного подхода отображено, как полагают отдельные авторы, в деятельности следственно-оперативной группы [9. С. 152–157].

Нельзя не отметить спорную, на наш взгляд, точку зрения, согласно которой совместная деятельность, как признак взаимодействия, фактически приобретает значение объекта взаимодействия. Так, отмечается, что «важным направлением такого взаимодействия является совместная деятельность оперативных подразделений...» [10. С. 116]. Согласно данному подходу следует, что взаимодействие направлено на достижение собственно взаимодействия. Следует согласиться с тем, что объектом взаимодействия, исходя из понимания взаимодействия как элемента организации расследования и учитывая, что другим элементом системы организации расследования является целеопределение [11. С. 89–93], будет следственная ситуация, ее отдельные элементы [5. С. 183].

В подходе О.В. Танкевича внимание сосредоточено на профессиональном аспекте отношений следователя и органа дознания (оперативно-розыскных подразделений), возникающих в ходе расследования уголовного дела и регулируемых уголовно-процессуальным или другим законодательством, а также ведомственными нормативными правовыми актами [12. С. 17]. Такое отношение подразумевает профессионализм взаимодействующих лиц и по этой причине, как представляется, не может рассматриваться, в качестве признака указанного взаимодействия.

Весьма важным является определение взаимодействия, данное Е.Н. Холоповой, которая понимает его как основанную на законе совместную, согласованную по целям, планируемую по месту, времени, силам, средствам и методам, с четким разграничением полномочий и обязанностей, деятельность следствия, суда, эксперта-психолога по организации и проведению судебно-психиатрической экспертизы, которая базируется на свойственных ей принципах, а также знаниях

возможностей друг друга и осуществляется в целях обеспечения эффективного раскрытия и расследования преступлений и правонарушений, а также их профилактики [13. С. 16]. В целом признавая правильность такой позиции, заметим, что речь в данном случае идет не о сути взаимодействия, а о его понятии, причем понятии, даваемом применительно к случаям взаимодействия в рамках подготовки и проведения судебных экспертиз.

Нередко за суть взаимодействия выдаются признаки взаимодействия, что в методологическом плане неверно. Несмотря на то что сущность и признаки взаимодействия являются неразрывными категориями, некоторые авторы не учитывают этого и не пишут о сущности взаимодействия, либо рассматривают ее через само определение взаимодействия, перечисляя при этом его признаки.

Заслуживает внимание мнение А.И. Бастрыкина, попытавшегося наиболее предметно раскрыть явление взаимодействия, под которым он понимает согласованную деятельность следователя, оперативного органа (органа дознания), экспертно-криминалистического подразделения, предполагающую рациональное сочетание при расследовании преступления процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий, с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью наиболее успешного и эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства [14. С. 32]. Вместе с тем нельзя не заметить, что формулирование определений посредством развернутого перечисления элементов определяемого явления, с акцентом на субъектный состав, чревато пропуском какого-либо элемента (обстоятельства), и это нужно учитывать при построении концепции криминалистического взаимодействия.

В связи с важностью вопроса о сущности взаимодействия следователя, его решение требует учета положения о том, что познание сущностной стороны требует абстрагирования от отдельных черт явления [15. С. 127]. Авторы, рассматривающие данный вопрос, определяют взаимодействие как совместную деятельность следователя с иными субъектами, а сущностью взаимодействия считают соединение их усилий [16. С. 14–15]. Нельзя не сказать, что согласованность деятельности каждого из субъектов взаимодействия характеризует признаки взаимодействия, но не его сущность. Неверным представляется говорить о сущности взаимодействия и в том случае, когда сущность взаимодействия видится в том, что следователь привлекает органы дознания к выполнению поручений, связанных с расследованием [17. С. 201].

Рассматривая вопрос о сущности взаимодействия, следует исходить из того, что оно предполагает систему взаимоотношений, строящихся на основе юридических норм. Вместе с тем для организации взаимодействия важным является учет межличностных отношений: особенно отчетливо это проявляется в рамках та-

кой формы взаимодействия, например, как следственно-оперативная группа. Однако ошибочно сутью взаимодействия объявлять межличностный характер взаимодействия. Межличностные отношения, при условии их надлежащего налаживания, выступают одним из условий результативности взаимодействия [5. С. 183].

Таким образом, при изучении вопроса о взаимодействии следователя с иными субъектами важно выявить его сущностные начала, под которыми следует считать «взаимное должествование, обусловленное нормами права, а в случаях взаимодействия следователя с гражданами – нормами иных, помимо права, регуляторов социального поведения» [5. С. 183]. В обоснование данной позиции указывается, что такое понимание сущности взаимодействия позволит, во-первых, подчеркнуть необходимость выполнения следователем и иными субъектами необходимых действий, вне зависимости от факторов психологии, традиций взаимоотношений, организационных перестроений и т.п., во-вторых, осуществить более эффективную юридическую регламентацию форм взаимодействия, прав и обязанностей субъектов взаимодействия и т.д. [5. С. 183]. Реализация такой формулы взаимодействия следователя, когда нормативно-правовое должествование подкрепляется психологическим должествованием, более всего важна при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе посягающих на основное право человека – право на жизнь.

Раскрывая понятие и сущность взаимодействия, следует отметить, что ни УПК РФ, ни ведомственные нормативно-правовые акты не дают определения взаимодействия, это понятие является научным, и каждый автор дает свое определение, ведущее в большей или меньшей мере к пониманию его признаков.

Наряду с вопросами о понятии и сущности взаимодействия необходимо рассматривать тесно связанный с ними вопрос о его принципах как основополагающих началах задействия данного элемента организации расследования. При осуществлении взаимодействия следователю недостаточно руководствоваться только принципами уголовного процесса, а органу дознания – только принципами оперативно-розыскной деятельности. В данном случае каждому из отмеченных субъектов необходимо следовать именно принципам взаимодействия.

Зачастую перечень принципов взаимодействия отображается в содержании понятия взаимодействия: называются такие принципы, как законность, разграничение компетенции, организационная самостоятельность взаимодействующих субъектов, руководящая роль следователя, плановость взаимодействия, непрерывность взаимодействия [18. С. 483–485]; оптимальное сочетание полномочий и возможностей следователя и органа дознания [19. С. 12].

Кроме соблюдения принципов взаимодействия следователя и оперативных подразделений, его эффективности будут способствовать такие факторы, как планирование взаимодействия, профессиональная ориентированность каждой из взаимодействующих сторон относительно возможностей друг друга и полнота их использования в решении задач расследования преступ-

ления, установление правильных служебных отношений между следователями и оперативными работниками, непосредственно осуществляющими взаимодействие, поддержание атмосферы доверия, сплоченности и взаимной помощи [18. С. 658].

Взаимодействие субъектов правоохранительной деятельности в любой форме строится и осуществляется прежде всего в соответствии с законом. Как отмечается, законность и эффективность взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений обеспечивается не только соблюдением уголовно-процессуальных норм, непосредственно регулирующих отношения взаимодействия, но и выполнением ряда условий, вытекающих из других норм закона, регулирующих деятельность субъектов взаимодействия.

Не менее важным является принцип разграничения компетенции, проявляющийся в том, что участники взаимодействия не находятся в отношениях «власти-подчинения»: они самостоятельны в выборе законных способов и методов осуществления своей деятельности. Процессуальное положение органов следствия и дознания, применительно к вопросам взаимодействия, различно. Так, например, следователь вправе давать органам дознания обязательные для них поручения и указания о производстве следственных и иных действий, а также требовать от них содействия при производстве отдельных следственных действий. Данное положение нашло отражение в таком принципе, как руководящая роль следователя. Разграничение компетенции целесообразно в силу необходимости избегать дублирования деятельности. Важно учитывать, что следователь не всегда использует возможности органа дознания при расследовании уголовного дела: это он делает в случае необходимости. Взаимодействие указанных субъектов не означает их служебного соподчинения, слияния процессуальной, оперативно-розыскной и иной правоохранительной деятельности, что отражает принцип организационной самостоятельности взаимодействующих субъектов. Каждый из взаимодействующих сотрудников, несмотря на общность задач в борьбе с преступностью и на объединение усилий в их решении, остается должностным лицом самостоятельного подразделения, действующего в пределах своей компетенции. Единство действий достигается согласованностью усилий, направленных на раскрытие и расследование преступлений [20. С. 55].

Рассматривая принцип плановости, необходимо отметить, что само планирование определяется как мыслительная деятельность, главным элементом которой является цель. Особое значение этот принцип приобретает при совместном планировании следственных действий и направлений розыскных мероприятий. Данный принцип имеет два аспекта: планирование следователем и дознанием действий, которые не взаимосвязаны, и планирование сочетанных действий.

Принцип непрерывности взаимодействия подразумевает постоянную совместную деятельность в рамках расследования того или иного преступления. Поскольку мыслительная деятельность не может существовать дискретно, данный принцип тесно связан с таким принципом, как принцип плановости.

Принцип оптимального сочетания полномочий и возможностей следователя и органа дознания предусматривает создание такой организационной среды для взаимодействия, в которой полномочия субъектов функционально дополняют друг друга.

Стоит отметить, что можно встретить понимание законности, разграничения компетенции, плановости и так далее не как принципов, а как общих условий взаимодействия [21. С. 85], что не меняет места этих обсто-

ятельств в теории и практике взаимодействия следователя: они также являются основополагающими началами взаимодействия [5. С. 184].

Рассмотренные принципы акцентируют внимание на тесную взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, обусловленную, прежде всего, наличием сходства фундаментальных основ каждого из перечисленных видов деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 42 с.
2. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 734–744.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия : справ. пособие. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
4. Яблоков Н.П. Тактика взаимодействия следователей и оперативно-розыскных органов при расследовании // Криминалистика : учеб. / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. С. 403–412.
5. Князьков А.С., Польгерт А.В. Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 182–192.
6. Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 221–242.
7. Шатас М. Некоторые проблемные вопросы взаимодействия прокурора и дознавателя при расследовании преступлений в Литве // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М. : Спарк, 2010. Вып. 2 (34). С. 55–63.
8. Бердичевский Ф.Ю. Взаимодействие органов следствия и дознания как организационная система // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 106–110.
9. Меретуков Г.М. Возникновение и развитие следственно-оперативных групп как формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2002. С. 152–157.
10. Босак Е.Е. Актуальные проблемы организации взаимодействия органов дознания и предварительного следствия при расследовании пенитенциарных преступлений // Закон и право. 2015. № 8. С. 116–118.
11. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 9. С. 89–93.
12. Танкевич О.В. Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания: учеб.-метод. пособие. Гродно, 2003. 115 с.
13. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2006. 640 с.
14. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М. : Экзамен, 2014. Т. II. 559 с.
15. Павлюченко Н.В. К вопросу о понятии и сущности правовой охраны конфиденциального сотрудничества // Современное право. 2009. № 12. С. 127–131.
16. Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (тактико-криминалистический и организационный аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
17. Селиванов Н.А. Взаимодействие следователей и органов милиции // Справочная книга криминалиста. М. : Норма, 2000. 711 с.
18. Пуцёва А.В. Основные факторы взаимодействия следователя и органа дознания в ходе расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. 659 с.
19. Котов В.В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 36 с.
20. Ондар Д.С. Взаимодействие следователя с органом дознания на первоначальном этапе расследования краж из жилища, совершенных в сельской местности в специфических условиях жизнедеятельности населения // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 55–61.
21. Бастрыкин А.И. Взаимодействие следователя и органа дознания // Криминалистика : учеб. / под ред. И.Ф. Крылова, А.И. Бастрыкина. М. : Дело, 2001. С. 83–95.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

The Concept, Essence, and Principles of Criminalistic Interaction as an Element of the Organization of Crime Investigation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 126–130. DOI: 10.17223/23088451/18/23

Svetlana V. Vedrentseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

Keywords: crime investigation, body of inquiry, organization of investigation, interaction, principles of interaction.

The article considers the problematic provisions of the investigator's interaction with the inquiry body. Taking into account opinions expressed in the scientific literature, the most correct solution to the issues of the investigator's interaction seems to be found in the context of the provisions of the forensic doctrine on the organization of crime investigation. The author reveals the concept and essence of interaction, noting that neither the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, nor the departmental regulations give a definition of interaction; this concept is scientific, and each author gives their own definition. Often, features of interaction are given as the essence of interaction, which is methodologically incorrect. The essence and features of interaction are inseparable categories, while some authors do not take this into account and

do not write about the essence of interaction, or consider it through the very definition of interaction and list its features. Along with the issues of the concept and essence of interaction, the closely related issue of its principles as the fundamental principles of using this element of the organization of investigation is considered. The list of principles of interaction is often given in the content of the concept of interaction. Such principles as legality, delimitation of competence, organizational independence of interacting subjects, the leading role of the investigator, planned interaction, continuity of interaction, the optimal combination of powers and capabilities of the investigator and the inquiry body are listed. The author notes that, in addition to adhering to the principles of interaction between the investigator and operational units, such factors as planning of interaction, professional orientation of each of the interacting parties regarding each other's capabilities and completeness of their use in solving the problems of crime investigation, establishment of correct professional relations between investigators and operational officers directly involved in interaction, maintenance of the atmosphere of trust, solidarity, and mutual assistance will facilitate the effectiveness of interaction. The author concludes that there is a close relationship between criminal procedural and operational search activities due to the presence of similarities in the fundamental foundations of each of the listed activities.

References

1. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic problems of the organization of crime investigation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Zelenskiy, V.D. (2015) On the concept and content of organizing crime investigation. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4 (9). pp. 734–744. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).734-744
3. Belkin, R.S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistic Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Megatron-XXI.
4. Yablokov, N.P. (2005) Taktika vzaimodeystviya sledovateley i operativno-rozysknykh organov pri rassledovanii [Tactics of interaction of investigators and operational investigative bodies in the investigation]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 3d ed. Moscow: Yurist". pp. 403–412.
5. Knyaz'kov, A.S. & Pol'gert, A.V. (2017) Cooperation as an element of organization of the investigator's criminalistic activities in cases on drug trafficking using electronic and information telecommunication systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 182–192. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/26
6. Ishchenko, E.P. & Vodyanova, N.B. (2010) *Algoritmizatsiya sledstvennoy deyatel'nosti* [Algorithmization of Investigative Activity]. Moscow: Yurlitinform. pp. 221–242.
7. Shatas, M. (2010) Nekotorye problemnye voprosy vzaimodeystviya prokurora i doznatelya pri rassledovanii prestupleniy v Litve [Some problems of interaction between the prosecutor and the investigator in the investigation of crimes in Lithuania]. *Vestnik kriminalistiki – Bulletin of Criminalistics*. 2 (34). pp. 55–63.
8. Berdichevskiy, F.Yu. (1973) Vzaimodeystvie organov sledstviya i doznaniya kak organizatsionnaya sistema [Interaction of bodies of investigation and inquiry as an organizational development]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 106–110.
9. Meretukov, G.M. (2002) [The emergence and development of investigative and operational groups as a form of interaction between the bodies of preliminary investigation and inquiry]. *Aktual'nye problemy kriminalistiki na sovremennom etape* [Topical issues of criminology at the present stage]. Proceedings of the All-Russian Conference. Krasnodar. 23–24 May 2002. Krasnodar: Kuban State Agrarian University. pp. 152–157. (In Russian).
10. Bosak, E.E. (2015) Topical problems of interaction organization between operational units of the federal penal service of Russia and the bodies of preliminary inquiry in the crimes investigation committed by convicted persons in places of liberty deprivation. *Zakon i pravo*. 8. pp. 116–118. (In Russian).
11. Zelenskiy, V.D. (2014) Investigative situation and organisation of particular investigation. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 9. pp. 89–93. (In Russian).
12. Tankevich, O.V. (2003) *Professional'noe vzaimodeystvie sledovatelya s organami doznaniya* [Professional Interaction of the Investigator with the Bodies of Inquiry]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno.
13. Kholopova, E.N. (2006) *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom sudoproizvodstve* [Forensic psychological examination in criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Moscow.
14. Bastrykin, A.I. (ed.) (2014) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo "Ekzamen".
15. Pavlyuchenko, N.V. (2009) K voprosu o ponyatii i sushchnosti pravovoy okhrany konfidentsial'nogo sotrudnichestva [On the concept and essence of legal protection of confidential cooperation]. *Sovremennoe pravo*. 12. pp.127–131.
16. Parkhomenko, V.I. (2005) *Vzaimodeystvie sledovateley, operativnykh rabotnikov i spetsialistov pri rassledovanii ugolovnykh del o nezakonnom oborote narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (taktiko-kriminalisticheskiy i organizatsionnyy aspekty)* [Interaction of investigators, operatives and specialists in the investigation of criminal cases of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (tactical, forensic and organizational aspects)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
17. Selivanov, N.A. (2000) *Spravochnaya kniga kriminalista* [Reference Book of a Criminalist]. Moscow: Norma.
18. Puptseva, A.V. (2015) The main factors of interaction between the investigator and operational staff during the investigation of crimes. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2 (1). pp. 659–659. (In Russian).
19. Kotov, V.V. (2007) *Organizatsionnye i takticheskie osnovy vzaimodeystviya sledovatelya i organov doznaniya pri proizvodstve otdel'nykh sledstvennykh deystviy* [Organizational and tactical bases of interaction between the investigator and the bodies of inquiry in the production of individual investigative actions]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
20. Ondar, D.S. (2017) Interaction of the investigator with the body of inquiry at the initial stage of the investigation of burglaries of dwellings committed in the countryside in the specific conditions of life of the population. *Yurist-Pravoved*. 4 (83). pp. 55–61. (In Russian).
21. Bastrykin, A.I. (2001) *Vzaimodeystvie sledovatelya i organa doznaniya* [Interaction of the investigator and the body of inquiry]. In: Krylov, I.F. & Bastrykin, A.I. (eds) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Delo. pp. 83–95.

Е.С. Мазур, Д.В. Тишевский

РОЗЫСК ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ, ДОЗНАНИЯ И СУДА

Исследуется видовая совокупность оперативно-розыскных и тактико-криминалистических приемов розыска лиц, совершивших преступления. Рассматриваемая алгоритмизация ориентирована на информационные блоки, легко подлежащие внесению в компьютерные базы данных. Анализ групповых правил и приемов, характерных для отдельной группы разыскиваемых лиц, является содержанием современного этапа исследований следственных действий.

Ключевые слова: розыск, уклонение от следствия, розыскная деятельность

В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О полиции» одним из основных направлений ее деятельности является розыск лиц, а в соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» одной из задач оперативно-розыскной деятельности является осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших и установление личностей неопознанных трупов.

Министерство внутренних дел Российской Федерации особое внимание уделяет розыску лиц всех категорий, но розыск лиц, скрывшихся от органов следствия, дознания, суда после совершения посягательств на жизнь и здоровье человека, является одним из приоритетных направлений. В первую очередь это связано с тем, что преступления данной категории затрагивают одну из главных ценностей общества – жизнь и здоровье человека. Преступления данной категории зачастую вызывают общественный резонанс, что, в свою очередь, заставляет уделять им пристальное внимание.

Подробнее остановимся на освещении вопроса розыска лиц, уклоняющихся от правоохранительных органов после совершения преступлений против жизни и здоровья. Рассмотрим процедуру объявления в розыск поэтапно.

Принятие решения об объявлении розыска. В соответствии с частью 1 статьи 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, если местонахождение подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь (дознатель) поручает его розыск подразделениям уголовного розыска, а в соответствии с частью 3 статьи 253 УПК РФ, если подсудимый скрылся, а также в случае его психического расстройства или иной тяжелой болезни, исключающей возможность явки подсудимого, суд приостанавливает производство в отношении этого подсудимого до его розыска или выздоровления и продолжает судебное разбирательство в отношении остальных подсудимых. Если раздельное судебное разбирательство препятствует рассмотрению уголовного дела, то все производство по нему приостанавливается. Суд выносит определение или постановление о розыске скрывшегося подсудимого.

Таким образом, перед вынесением постановления об объявлении в розыск следователь, дознаватель, судья должны установить факт того, что лицо намеренно скрывается, а не по уважительной причине. Для этого следователь, дознаватель направляют поручения сотрудникам уголовного розыска с целью установления местонахождения и доставления неявившегося подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления. Суд выносит постановление, определение о доставлении неявившегося подсудимого и направляет его для исполнения Федеральной службе судебных приставов.

Сотрудники полиции, Федеральной службы судебных приставов устанавливают адрес, где находится подозреваемый (проверяя адреса его возможного нахождения). Подозреваемый доставляется в орган следствия, дознания, суд. В случае, если он находится в лечебном учреждении либо не может самостоятельно передвигаться, об этом информируется заинтересованное должностное лицо.

При невозможности установления местонахождения подозреваемого сотрудниками полиции, Федеральной службы судебных приставов дается соответствующий ответ. В таком случае следователь, дознаватель, судья принимают решение об объявлении скрывшегося лица в розыск.

Вынесение постановления об объявлении в розыск и направление его для исполнения. Удостоверившись в том, что лицо скрывается от органов правосудия, следователь, дознаватель, судья выносят постановление об объявлении розыска.

Для объявления в розыск одного постановления недостаточно. Межведомственными нормативными актами установлена определенная процедура объявления в розыск, предусматривающая предоставление территориальному органу Министерства внутренних дел соответствующего материала:

- постановление об объявлении в розыск;
- копию документа, удостоверяющего либо подтверждающего личность объявляемого в розыск (копия паспорта, удостоверения личности, копия формы заявления о выдаче паспорта Форма 1П и т.д.);
- копию постановления о возбуждении уголовного дела;

- копию постановления о признании подозреваемым либо обвиняемым (для органов следствия, дознания);
- копию постановления об избрании меры пресечения;
- справку о личности, которая содержит информацию о разыскиваемом, его близких родственниках, месте работы, используемых абонентских номерах и т.д.;
- иные документы, способствующие установлению местонахождения разыскиваемого, по усмотрению инициатора розыска.

Действия территориального органа Министерства внутренних дел при поступлении материала об объявлении лица в розыск. Поступивший в территориальный орган Министерства внутренних дел России материал о розыске подозреваемого, обвиняемого, подсудимого регистрируется в подразделении делопроизводства и распоряжением руководителя направляется для исполнения в подразделение уголовного розыска, далее поступает на исполнение конкретному сотруднику, закрепленному за линией розыска.

С момента поступления материала до фактического объявления лица в розыск может пройти до десяти суток, при этом в некоторых случаях такое решение может быть принято незамедлительно либо в любой момент до истечения указанного срока. С момента поступления материала на розыск до заведения розыскного дела проводятся первоначальные розыскные мероприятия. Целью первоначальных розыскных мероприятий является установление и задержание разыскиваемого в кратчайшие сроки. Для этого изучаются сведения о лице, имеющиеся в материале, а также выполняется первоначальная проверка лица по учетам Министерства внутренних дел регионального и федерального уровня. Устанавливаются и проверяются адреса проживания, пребывания разыскиваемого, места его времяпрепровождения, досуга, его связи. Данные мероприятия позволяют в кратчайшие сроки установить местонахождение разыскиваемого, а в противном случае позволяют получить дополнительные сведения о нем.

Если местонахождение разыскиваемого установить не удалось, сотрудник уголовного розыска объявляет его в розыск, при этом лицо сразу попадает в федеральный розыск (отсутствует процедура первоначального объявления в местный розыск, т.е. внутри субъекта России, и последующего объявления федерального розыска, т.е. на территории всей страны). Здесь необходимо отметить, что в соответствии с Договором государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц федеральный розыск также является межгосударственным, т.е. розыск осуществляется на территории всех стран – участников Содружества Независимых Государств.

При объявлении лица в розыск сотрудником уголовного розыска заводится соответствующее розыскное дело, в рамках которого осуществляются все дальнейшие оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

При розыске широко используются связи с общественностью путем размещения ориентировок на разыскиваемых на соответствующих стендах, в средствах массовой информации (телевидение, радио, сеть Интернет), информирование внештатных сотрудников полиции, общественных объединений и организаций, граждан.

Розыскная деятельность осуществляется не только на основе сбора и анализа поступающих сведений, но и проведении активных розыскных мероприятий (проверка адресов, мест возможного нахождения/пребывания разыскиваемых, организация засад и т.д.). В соответствии с федеральными законами «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности» розыскные мероприятия осуществляются уполномоченными на то органами гласными и негласными методами.

С целью установления местонахождения разыскиваемых проводятся комплексные оперативно-розыскные мероприятия, в том числе:

- опрашиваются родственники, знакомые, иные лица, поддерживающие связь с разыскиваемым либо обладающие сведениями о нем. При этом выясняются особенности личности, привычки, склонности, вероятные места нахождения, средства связи, в том числе используемые страницы в сети «Интернет» и т.д.;

- проводятся мероприятия, направленные на получение актуальных фото- и видеоматериалов с разыскиваемыми, получение их биологических образцов для выделения ДНК-профиля;

- при наличии информации о возможном местонахождении разыскиваемых на территории обслуживания других территориальных органов Министерства внутренних дел организуется взаимодействие с ними по проведению необходимых оперативно-розыскных мероприятий;

- осуществляются проверки, направленные на выявление разыскиваемых среди ранее задержанных, арестованных лиц;

- проводится ориентирование наружных служб полиции (патрульно-постовой службы, службы участковых уполномоченных, государственной автоинспекции);

- с целью сбора сведений о разыскиваемых направляются запросы в Управление по вопросам миграции, ЗАГСы, военные комиссариаты, фонды обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд России, Федеральную налоговую службу, возможные места трудоустройства и т.д.;

- устанавливается наличие дактилоскопических карт разыскиваемых, при наличии проводятся их проверки по автоматизированной дактилоскопической информационной системе «Папилон», используемой Министерством внутренних дел России (данная проверка может проводиться как внутри одного субъекта, так и по нескольким либо сразу по всем субъектам России), при отсутствии проводятся мероприятия, направленные на получение образцов отпечатков пальцев;

- привлекаются различные средства массовой информации (ориентировки на разыскиваемых размещаются на телевидении, радио, в сети «Интернет» и т.д.);

– при необходимости осуществляется контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;

– в рамках законодательства проводятся: прослушивания телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации (последнее предусмотрено Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», внесшим дополнение в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Отдельно отметим актуальность исследований вопросов правового использования систем «Папилон», положительные и отрицательные стороны использования «живого сканера» в практической деятельности полиции, лежащих как раз на пересечении криминалистической и оперативно-розыскной науки [1. С. 126–128].

Анализ розыска лиц, скрывшихся после совершения посягательств на жизнь и здоровье, позволяет в некоторой степени спрогнозировать их поведение, т.е. предугадать их действия. В зависимости от их предполагаемых действий в рамках розыскных дел разрабатываются планы по проведению комплексных оперативно-розыскных мероприятий, которые в свою очередь можно разделить на первоначальные (включают первоначальные мероприятия по изучению личности и сбору информации) и дополнительные (включают в себя дополнительные мероприятия, выработанные на основе анализа собранных сведений).

Так, например, выдвигается версия о том, что разыскиваемый, скрываясь, поддерживает связь со своими родственниками либо друзьями. В таком случае в отношении этих лиц проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных федеральными законами «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», как уже говорилось выше, гласными и негласными методами. Либо выдвигается версия о том, что разыскиваемый покинул территорию своего пребывания и скрылся в неустановленном либо конкретном направлении. В таком случае проводятся мероприятия, направленные на получение сведений о том, куда мог выехать разыскиваемый. Если известно о предполагаемом местонахождении разыскиваемого, то мероприятия проводятся с учетом этого.

Розыск конкретного лица всегда индивидуален. Невозможно один шаблон действий по розыску применить ко всем разыскиваемым. Необходимо учитывать множество различных внешних и внутренних факторов, влияющих на поведение как самого разыскиваемого, так и его окружения. Знание особенностей личности разыскиваемого, его окружения обеспечивает возможность искусственно создавать определенные условия, позволяющие в некоторой степени управлять его поведением. Для примера разберем конкретный случай: тремя лицами совершено преступление, предусмотрен-

ное частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации. Два лица были задержаны и помещены под стражу, третье скрылось и было объявлено в розыск. В ходе расследования уголовного дела установлены все обстоятельства произошедшего, усматривалась равная ответственность каждого из трех подозреваемых. При этом задержанные лица с целью избежания наказания стали давать показания о своей невиновности и виновности разыскиваемого. Сотрудниками уголовного розыска, помимо проводимого комплекса оперативно-розыскных мероприятий, был проведен ряд мероприятий, направленных на семью и знакомых разыскиваемого, с целью донесения до скрывшегося сведений о том, что при его отсутствии невозможно установить степень вины каждого, и существует некая вероятность смягчения наказания уже задержанным и в будущем ужесточения наказания разыскиваемому, так как его показания могут внести существенные коррективы в ход расследования. Также в соответствии с главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации им был разъяснен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Результатом данных мероприятий стала добровольная явка разыскиваемого в полицию и заключение с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Необходимо признать, что технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, вносит свои коррективы в розыскную работу. Ставшие привычными аксессуарами почти каждого человека мобильные телефоны, компьютеры, в том числе ноутбуки и планшеты, позволяют беспрепятственно обмениваться информацией без необходимости находиться в конкретном месте. Отдельно в этой категории можно выделить электронные подписи, позволяющие скрывающимся вести всевозможную деятельность из любой точки мира. Технические же новшества в практику расследования и дознания внедряются очень неоперативно. Так, признание законодательно нового оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» не привело к формированию практики его применения [2. С. 37; 3. С. 24–30]. Да и понимание природы этого оперативно-розыскного мероприятия на данный момент неоднозначно [4. С. 170–175].

Деятельность органов полиции также не стоит на месте, в том числе при розыске лиц. Проведение таких мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации невозможно без применения современных технических средств и высококвалифицированных специалистов.

Многообразие используемых в современном мире способов связи, таких как различные мессенджеры (Skype, Viber, WhatsApp и другие), IP и интернет-телефония, различные социальные сети (Instagram, Facebook и др.), существенно затрудняет установление местонахождения разыскиваемых, использующих данные средства связи. В первую очередь это связано с тем, что разработчиками и владельцами указанных сервисов являются фирмы, зарегистрированные в ино-

странных государствах, а направление им запросов затрагивает международные отношения, до настоящего времени не урегулированные Россией.

Решением данной проблемы может стать заключение международных договоров, соглашений по защите информации и неприкосновенности частной жизни, направленных на урегулирование ограничений прав пользователей уполномоченными на то правоохранительными органами.

Таким образом, мы подошли к вопросу о международном розыске, который объявляется в том случае, если установлен факт выезда разыскиваемого за пределы территории России. В некоторых случаях речь может идти о предполагаемом выезде (например, наличие сведений о незаконном пересечении границы либо пересечении ее с использованием подложных/поддельных документов).

В ряде стран, в том числе и в России, международный розыск осуществляется через отделения национального центрального бюро Интерпола, издающего и распространяющего по своим каналам «розыскные циркуляры» (уведомления с изображением в правом верхнем углу эмблемы Интерпола определенного цвета). В зависимости от цели и объекта существует определенная классификация циркуляров. «Красный циркуляр» издается с целью задержания и последующей экстрадиции разыскиваемого, предполагает наличие меры пресечения в виде содержания под стражей и намерения страны – инициатора требования экстрадиции. «Синий циркуляр» предполагает намерения страны – инициатора розыска в получении сведений о передвижениях и действиях разыскиваемого лица, в отношении которого применена мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, при этом вопрос об экстрадиции не рассматривается либо находится в стадии рассмотрения.

Объявление в международный розыск имеет определенную последовательность и свои особенности. Так, постановление об объявлении международного розыска выносится органом дознания, а именно сотрудником территориального органа Министерства внутренних дел, осуществляющим розыск.

В зависимости от избранной меры пресечения рассмотрим следующие примеры из практики:

1. В отношении разыскиваемого лица избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу.

Сотрудник, осуществляющий розыск, выносит постановление об объявлении международного розыска и с сопроводительным письмом направляет его инициатору розыска (следователю, дознавателю либо судье). В сопроводительном письме обосновывается необходимость замены меры пресечения на заключение под стражу. Если производство по уголовному делу не приостановлено, то следователь, дознаватель выходят в суд с ходатайством о замене избранной меры пресечения на заключение под стражу. Если производство по уголовному делу приостановлено, то сначала оно возобновляется. При избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу копия постановления направляется сотруднику, осуществляющему розыск,

который направляет в отделение национального центрального бюро Интерпола соответствующий материал, при этом в обязательном порядке им информируется надзирающий прокурор. Направляемый в Интерпол материал содержит: постановление об объявлении в международный розыск; постановление о привлечении в качестве обвиняемого; постановление об объявлении лица в розыск; постановление об избрании меры пресечения; перечень сведений, необходимых для объявления в международный розыск; идентификационные материалы (фотография, дактилоскопическая карта, сведения о ДНК-профиле).

Отделение национального центрального бюро Интерпола проверяет поступивший материал на соответствие предъявляемым требованиям. При установлении соответствия материал направляется в национальное центральное бюро Интерпола МВД России, которое в свою очередь запрашивает в Генеральной прокуратуре России подтверждение намерения о требовании выдачи задержанного. При подтверждении Генеральной прокуратурой России такого намерения его розыск объявляется на территории всех стран – участников национального бюро Интерпола, в которые направляются «красные циркуляры».

2. В отношении разыскиваемого лица избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В таком случае отсутствует необходимость в замене меры пресечения, во всем остальном процедура такая же.

3. В отношении разыскиваемого лица суд не удовлетворил ходатайство о замене меры пресечения на заключение под стражу.

В таком случае есть возможность объявления разыскиваемого в международный розыск с изданием «синего циркуляра».

Рассмотрим несколько случаев международного розыска: разыскиваемое лицо имеет двойное гражданство, например, является гражданином России и Норвегии, при этом оно скрывается на территории Норвегии (являющейся членом Интерпола). В таком случае его задержание на территории Норвегии невозможно, но существует вероятность того, что лицо покинет территорию Норвегии, выехав в третью страну – участницу Интерпола, не связанную с ней договором о невыдаче ее граждан третьим странам, где оно будет задержано и в последующем депортировано в Россию. С данной страной у России должен быть подписан договор об экстрадиции. Также разыскиваемый может выехать в страну, не являющуюся участником Интерпола, например в Грузию. С Грузией у России нет соглашения об экстрадиции, таким образом, на территории данной страны разыскиваемый может свободно проживать до наступления момента заключения подобного соглашения.

Другой пример: разыскиваемый является гражданином страны – участницы Интерпола – Республики Казахстан, скрывается на ее территории. В таком случае он не подлежит выдаче России, так как Республика Казахстан не выдает своих граждан. При установлении местонахождения такого разыскиваемого на территории Республики Казахстан возможно в соответствии с международными договорами передать производство по данному уголов-

ному делу соответствующему правоохранительному органу Республики Казахстан. О принятом по уголовному делу решении будет сообщено России. При этом если с точки зрения Российского законодательства уголовное преследование прекращено незаконно, то возможно возобновление его производства на территории России.

Вариант развития событий: два лица по предварительному сговору совершили разбойное нападение в отношении семьи, проживавшей в частном доме в селе, повлекшее смерть потерпевших. После совершенного преступления преступники с целью сокрытия следов преступления совершили поджог дома, в котором находились тела потерпевших. На похищенном автомобиле, также принадлежащем потерпевшим, они скрылись на территории Республики Казахстан. После возбуждения уголовного дела личности нападавших были установлены, и данные лица были объявлены в розыск. На территории Республики Казахстан оба преступника были установлены и задержаны, при этом в рамках международного следственного поручения был обнаружен и изъят автомобиль потерпевших, обрез охотничьего ружья, с применением которого было совершено нападение и убийство, иные вещественные доказательства. После установления и задержания обвиняемого уголовное дело было передано правоохранительным органам Республики Казахстан. В судебном заседании оба обвиняемых были освобождены от уголовной ответственности, так как суд счел доказательства, приобщенные к материалам уголовного дела, недостаточными. После получения соответствующей копии постановления суда Следственный комитет Российской Федерации возобновил производство по данному уголовному делу. Обвиняемые были повторно

объявлены в розыск. В настоящее время розыск одного из обвиняемых прекращен в связи с его смертью, второй находится в международном розыске по «красному циркуляру». При выезде разыскиваемого за пределы Республики Казахстан существует вероятность его задержания на территории третьей страны и депортации в Россию.

Международный розыск является одной из эффективных мер установления и задержания разыскиваемых, но он также имеет ряд недостатков: ограниченное количество стран-участников, особенности законодательства стран-участников, наличие двойного либо иного гражданства разыскиваемого, ограниченные международные процессуальные сроки на предоставление подтверждающих розыск документов и другие тонкости международного права. Таким образом, указанные факторы нередко препятствуют достижению окончательной цели розыска (доставление разыскиваемого инициатору розыска).

Контроль над эффективностью розыска лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья, скрывшихся от органов следствия, дознания и суда, осуществляется должностными лицами Министерства внутренних дел Российской Федерации (самостоятельно сотрудниками, осуществляющими розыск, их вышестоящими руководителями) и органами прокуратуры.

Соблюдение установленного порядка объявления лиц в розыск, своевременное и последовательное проведение оперативно-розыскных мероприятий, включающих в себя гласные и негласные методы, позволяют устанавливать местонахождение скрывающихся вне зависимости от того, на территории какого государства они находятся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пилякин М.И.* Система бесцветного дактилоскопирования «Папилон». Плюсы и минусы эксплуатации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 126–128.
2. *Бакланов Л.А.* Получение компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 37–42.
3. *Дубоносов Е.С.* Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Известия ТулГУ. 2017. № 2-2. С. 24–30.
4. *Серов А.В., Дубинин А.С.* Получение компьютерной информации как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие // Вестник Воронежского университета МВД России. 2018. № 3. С. 170–175.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Search for Persons Who Committed Crimes against Life and Health, and Evade Investigation, Inquiry, and Court Bodies

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 131–136. DOI: 10.17223/23088451/18/24

Ekaterina S. Mazur, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eksm1@mail.ru

Denis V. Tishevsky, Main Directorate of Ministry of Internal Affairs of Russia for Novosibirsk Region (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: eksm1@mail.ru

Keywords: search, evasion from investigation, search activities.

The article examines the specific set of operational search and tactical forensic methods of searching for persons who have committed crimes. The methods are arranged in line with information blocks that can be easily entered into computer databases. The analysis of group rules and techniques typically used for specific groups of wanted persons is the content of the current stage of research of investigative actions. One of the central ideas of the article is the provision that the international search is one of the effective measures for identifying and detaining wanted persons. However, this measure has a number of disadvantages: a limited number of participating countries, peculiarities of the legislation of the participating countries, the dual or other citizenship of the wanted person, limited international procedural terms for the provision of documents confirming the search, and other subtleties of international law. These factors often impede the achievement of the final goal of the search (transportation of the wanted person to the initiator of the search). The rele-

vance of finding a balance in the correlation of public and tacit methods used in the effective establishment of the wanted person's location, regardless of the state, within the established procedure for declaring persons wanted is emphasized. In terms of content, the presented material is an algorithm for the search for persons who have committed crimes against life and health, and evade the investigation, inquiry, and court bodies. The algorithm is based on unique operational search situations.

References

1. Pilyakin, M.I. (2013) Sistema beskraskovogo daktiloskopirovaniya "Papilon". Plyusy i minusy ekspluatatsii [Papilon: The system of inkless fingerprinting. Pros and cons of application]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 9. pp. 126–128.
2. Baklanov, L.A. (2020) Obtaining Digital Information in Crime Detection. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 1. pp. 37–42. (In Russian).
3. Dubonosov, E.S. (2017) Operativno-rozysknoe meropriyatie "Poluchenie komp'yuternoy informatsii": sodержanie i problemy provedeniya [Operational search activity "Obtaining computer information": content and problems of implementation]. *Izvestiya TulGU – Izvestiya TulGU*. 2–2. pp. 24–30.
4. Serov, A.V. & Dubinin, A.S. (2018) Obtaining of Computer-Based Data as a Particular Operational-Investigative Measure. *Vestnik Voronezhskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 3. pp. 170–175. (In Russian).

Received: 10 September 2021

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343.1

DOI: 10.17223/23088451/18/25

А.А. Трефилов

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ЛИХТЕНШТЕЙНА: КОМПАРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В настоящее время в российской науке нет ни одной автономной работы, посвященной теме данной статьи. В целях восполнения этого пробела автор на основе нормативных и доктринальных источников анализирует рассмотрение дела по существу в уголовном процессе княжества Лихтенштейн. В данном правовом порядке в связи с сохранением института следственного судьи можно лишь условно говорить о предании суду, так как уже на стадии предварительного следствия дело находится в его производстве. Важнейшая особенность ординарного порядка рассмотрения дела в суде первой инстанции – принцип коллегиальности, в силу которого в качестве общего правила дело рассматривают пять судей. Кроме того, разработчики УПК 1988 г. сделали выбор в пользу отказа от суда шеффенов. Отсутствуют сделки о признании вины в каких бы то ни было формах. В компаративном отношении интересно, что суд вправе представить осужденного к помилованию, после чего окончательное решение принимает глава государства. Сделанные выводы могут быть полезны ученым, которые исследуют отдельные институты российского и зарубежного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, рассмотрение дела по существу, Уголовно-процессуальный кодекс, княжество Лихтенштейн

I. Подсудность и право на законного судью
(на законные слушания)

Согласно ч. 3 ст. 33 Конституции Лихтенштейна, *никто не может быть изъят из ординарной подсудности*; чрезвычайные суды создаваться не могут. Данная норма восходит к абз. 1 ст. 6 ЕКПЧ 1950 г., а также к абз. 1 ст. 14 Международного пакта о личных и политических правах 1966 г. Она адресована как *правоприменителю*, так и *законодателю*: первому запрещается изымать лицо из ординарной подсудности, а второму – создавать какие-либо чрезвычайные суды¹.

Профессор Института Лихтенштейна Тобиас Михаэль Вилле отмечает, что если в научной доктрине Австрии и Германии используется понятие «законный судья» (*Begriff des gesetzlichen Richters*), то в Лихтенштейне – «ординарный судья» (*Terminus des ordentlichen Richters*); при этом их можно использовать как равнозначные [2. S. 331–405]. По его мнению, право на законного судью вытекает из права лица на *эффективную судебную защиту* и на *справедливое судебное разбирательство*. Данное субъективное право лица порождает обязанность государства предоставить обвиняемому беспристрастного и независимого судью, который рассмотрит его дело по существу и постановит справедливый приговор.

Рассматривая пределы действия права на законного судью, Тобиас Михаэль Вилле отмечает, что оно действует в полной мере лишь в судебных стадиях уголовного

судопроизводства [2. S. 331–405]. С этим можно согласиться: было бы неверно говорить о праве обвиняемого на «законного прокурора» или на «законного сотрудника полиции», поскольку правила подследственности значительно мягче правил подсудности и во многом обусловлены началами производства эффективного расследования по уголовному делу. При этом поскольку в Лихтенштейне сохраняется институт следственного судьи – носителя судебной власти, входящего в судейский корпус, – по всей видимости, можно говорить о праве обвиняемого в том числе и на законного следственного судью.

Процессуалист справедливо утверждает, что субъектом права на законного судью является не только физическое лицо, попавшее на скамью подсудимых, но и юридическое лицо, если уголовное судопроизводство ведется против организации. Аргумент ученого основан на толковании Конституции: «Если никто (*niemand*) не может быть изъят из ординарной подсудности, то, значит, это право предоставлено каждому (*jedermann*)» [2. S. 331–405]. При этом оно не абстрактно, а действует только в конкретном судебном процессе, так как процессуальные права и обязанности обвиняемого обусловлены ведущимся в отношении него производством.

Рассуждая о запрете чрезвычайных (экстраординарных) судов, Тобиас Михаэль Вилле выделяет две основные цели указанной нормы:

- обеспечение права лица на защиту по каждому уголовному делу в полном объеме, а также обеспечение равенства всех перед законом – иначе у одних обвиняемых процессуальные права будут шире, а у других – уже;

- предотвращение произвола со стороны государства – *чрезвычайные суды, нередко создававшиеся в прошлом в политических целях, никогда не были связаны с расширением прав стороны защиты, а,*

¹Такой подход принят далеко не во всех странах. Напротив, «французская доктрина свободно оперирует категориями «специализированный» и «чрезвычайный (исключительный)» суд, не проводя между ними концептуальную разницу и часто называя... военные суды то специализированными, то исключительными (чрезвычайными)» [1. С. 180].

наоборот, ограничивали возможности обвиняемого и его адвоката по опровержению обвинения, подрывали демократические принципы правосудия.

Данный процессуалист рассуждает над непростым вопросом, *какой суд может быть рассмотрен как чрезвычайный?* Как по смыслу Конституции отграничить чрезвычайный суд от суда, рассматривающего уголовное дело в упрощенном производстве? По всей видимости, суд не может рассматриваться как чрезвычайный, если он в своей деятельности соблюдает положения ЕКПЧ 1950 г и не преследует какие-либо политические цели, оторванные от назначения уголовного судопроизводства. По мнению Т.М. Вилле, «чрезвычайный суд – это такой орган, который со значительным отступлением от правил подсудности обладает компетенцией *в отношении какого-либо лица (ad personam)* или *какого-либо одного дела (ad hoc)*» [2. С. 331–405]. К слову, никакие специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в настоящее время в княжестве не предусмотрены.

Законодатель Лихтенштейна предусмотрел специальные правила, направленные на разрешение возможных споров о подсудности. Согласно § 18 УПК, в случае их возникновения решение принимает ближайший общий вышестоящий суд, а окончательное решение – Верховный суд Лихтенштейна. Впрочем, указанная проблема практически невозможна, так как судом первой инстанции, по общему правилу, может быть суд земли. В качестве суда первой инстанции Высший суд принимает решения исключительно *в соответствии со специальными законодательными предписаниями*, однако таковые пока не приняты.

II. Состав суда

В уголовном судопроизводстве Лихтенштейна предусмотрено *сочетание единоличного и коллегиального начала*. Согласно §15 УПК, Суд земли осуществляет свою деятельность *коллективно* в качестве уголовного суда (*in Kollegialbesetzung als Kriminalgericht*) или *в единоличном порядке (Einzelrichter)*. Суды проверочных инстанций действуют *только коллективно*. Суд первой инстанции рассматривает *коллективно* дела о таких преступлениях, как антигосударственное объединение (абз. 3 § 246 УК); оскорбление (унижение) государства и его символов (§ 248 УК); выдача государственных тайн (§ 253 УК); тайная разведка против Лихтенштейна (§ 256 УК); наказуемые действия при выборах и голосованиях (§§ 261–268 УК); нарушение общественного порядка (§ 274 УК); нарушение общественного спокойствия (§ 275 УК) и др. Если ожидается рассмотрение дела в течение длительного срока, то председателем коллегиального суда могут быть назначены дополнительные судьи. Они принимают участие в слушаниях, не совещаясь и не голосуя. В случае выбытия судьи дополнительный судья занимает его место. Остальные категории уголовных дел рассматриваются в Лихтенштейне единолично.

При коллегиальном рассмотрении дела состав суда состоит из председателя, судьи Суда земли и трех дру-

гих судей. Кроме того, в любом случае в рассмотрении дела участвует лицо, ведущее протокол. Таким образом, в качестве общего правила предусмотрено рассмотрение дела *пятью судьями*. При этом следственный судья, производивший предварительное расследование, ни в каком случае не может рассматривать уголовное дело по существу (ч. 3 § 176).

Интересно, что глава XIV УПК «О рассмотрении дела по существу» регулирует только коллегиальное рассмотрение дела, поскольку к числу упрощенных производств законодатель отнес «Производство перед единоличным судьей» (гл. XXI УПК). В этой связи можно говорить *о принципе коллегиальности* в уголовном процессе Лихтенштейна.

Как пишет американский профессор Уильям Т. Пицци, «некоторые страны полагаются на гражданский элемент в отправлении правосудия, другие не очень или даже вовсе его не допускают» [3. С. 127]. В Лихтенштейне в настоящее время участие в рассмотрении уголовных дел «*народного элемента*» (шеффены, присяжные и т.д.) не предусмотрено. Дело рассматривают только судьи-профессионалы. Поскольку Лихтенштейн по форме правления является конституционной монархией, можно в прямом смысле этого слова говорить о княжеских судьях как о «*коронном элементе*» в составе суда. Вместе с тем в УПК 1913 г. народный элемент имел место: согласно §169, «для коллегиального заседания суда необходимы трое сдавших экзамен сведущих в праве судей, *двое приведенных к присяге судей-непрофессионалов (шеффенов)* и лицо, ведущее протокол. Данная норма не перешла в УПК 1988 г. В этом можно обнаружить проявление общеевропейской тенденции *профессионализации исполнения судебных функций* и отказа от шеффенов, присяжных и иных лиц, привлекаемых в разовом порядке «из народа» для отправления правосудия в отдельно взятом уголовном деле.

III. Общие условия судебного разбирательства

Согласно §175, Суд земли в коллегиальном заседании *после устно проведенного рассмотрения дела по существу постановляет приговор в отношении представленного на рассмотрение преступления или уголовного проступка*. Основой рассмотрения дела по существу является *выдвинутое обвинение*. В компаративном отношении интересно категоричное предписание, в силу которого *рассмотрение дела по существу должно производиться в будний день*.

Участие в судебном заседании. На слушания приглашаются *обвинитель, обвиняемый* и его защитник, а в дальнейшем – те *свидетели и эксперты*, допроса которых требуют стороны и необходимость появления которых определенно обозначил председательствующий. *Гражданский истец* приглашается с указанием на то, что в случае его неявки слушания все равно состоятся и что его ходатайства будут зачитаны из материалов дела (§ 179).

Заочное производство, т.е. рассмотрение дела по существу в отсутствие обвиняемого, в уголовном про-

цессе Лихтенштейна допускается, пусть и с некоторыми ограничениями [4. S. 62]. Согласно § 295, если подсудимый не явился на рассмотрение дела по существу, в его отсутствие можно произвести слушания и постановить приговор в двух случаях: дело относится к компетенции *единоличного судьи* или *суда по уголовным делам в отношении проступков*; подсудимый уже допрошен на стадии следствия и ему лично вручена повестка на рассмотрение дела по существу. Вместе с тем в соответствии с § 296, если рассмотрение дела по существу не может быть произведено или продолжено в отсутствие подсудимого, потому что оно не будет соответствовать вышеуказанным условиям или потому что суд признает, что во время отсутствия подсудимого нельзя ожидать полного расследования обстоятельств дела, то необходимо распорядиться о приводе. Таким образом, разработчики УПК Лихтенштейна ограничивают заочное производство как кругом дел, так и усмотрением суда, обязанного установить истину.

Допуск только невооруженных участников процесса. Согласно ч. 2 § 181 УПК Лихтенштейна, при рассмотрении дела по существу присутствуют исключительно *невооружённые* лица, выступающие в качестве участников (*Beteiligte*) или слушателей (*Zuhörer*). Однако по этой причине не может быть отказано в доступе лицам, которые обязаны носить оружие в силу своей публичной службы. Возможно, запрет на ношение оружия в суде связан с тем, что участие в судопроизводстве – мощный *психотравмирующий* фактор, особенно в отношении обвиняемого и потерпевшего, которые потенциально на эмоциях могут взяться за оружие.

Данная норма не является уникальной, в связи с чем приведем некоторые компаративно значимые положения, установленные в других странах. Согласно ст. 397 отмененного УПК Польши 1969 г., на судебном разбирательстве кроме лиц, принимающих участие в деле, могут присутствовать только совершеннолетние *невооруженные* лица (помимо тех, кто обязан носить оружие). Согласно ст. 265 УПК Болгарии 2005 г., не допускаются в зал суда *вооруженные* лица.

Роль председательствующего. Согласно § 182, он руководит слушаниями, допрашивает подсудимого, свидетелей и экспертов, исследует другие доказательства. Председательствующий уполномочен также без ходатайства обвинителя или подсудимого в ходе рассмотрения дела по существу вызвать и допросить свидетелей и экспертов, от которых по ходу слушаний можно ожидать разъяснения существенных обстоятельств. В этом проявляются *активная роль суда* и *принцип следствия*, характерные для уголовного судопроизводства Лихтенштейна, Германии, Швейцарии, Австрии и других континентальных правопорядков.

Меры к нарушителям порядка судебного заседания. Согласно § 183, знаки одобрения или неодобрения запрещены (*«Zeichen des Beifalles oder der Missbilligung sind untersagt»*):

1. Председательствующий имеет право лиц, которые препятствуют заседанию такими знаками или другим способом, призвать к порядку и в случае необходимости удалить из зала заседания отдельных или всех слушателей. Если кто-либо возражает или нарушения повторяются, то председатель в отношении данных лиц вправе назначить дисциплинарное взыскание до 1 000 франков (согласно ч. 1 § 43 УПК 1913 г., до 100 крон), однако если это необходимо для поддержания порядка, он вправе предписать заключение под стражу на срок до 8 суток. В вышеупомянутом случае он вправе распорядиться о немедленном заключении под стражу.

2. Если со стороны подсудимого, гражданского истца, частного обвинителя, свидетелей или экспертов в отношении кого-либо из допрошенных лиц или представителя, прокурора или члена суда высказаны оскорбления или определено *необоснованные* и *не относящиеся к делу обвинения*, то суд в отношении нарушителя по ходатайству оскорбленного лица, прокурора или *ex officio* вправе назначить дисциплинарное взыскание в размере до 1 000 франков, однако если это необходимо для поддержания порядка, он вправе предписать заключение под стражу на срок до 8 суток.

УПК Лихтенштейна 1913 г., в отличие от ныне действующего кодекса, далее продолжал: «Поскольку наказанный и без того находится в заключении, допускается предписание *ночлега на жёсткой постели*, *одиночное заключение*, *одиночную изоляцию в тёмной камере* (дословно: в темнице) или *лишение горячей пищи на одну неделю*». По соображениям гуманизма и с учетом европейских стандартов судебного разбирательства и правил обращения с заключенными в новый УПК такие положения, конечно же, не перешли.

Весьма суров лихтенштейнский законодатель и к лжесвидетелям. Согласно § 217, если при рассмотрении дела по существу имеется вероятность, что свидетель сознательно дал ложные показания, то председательствующий его показания может занести в протокол и после произведенного оглашения повелеть свидетелю подписать их. Он также вправе заключить *под стражу свидетеля* и препроводить его к следственному судье. Данная норма восходит к УПК ФРГ, который, в отличие от российского кодекса, допускает заключение под стражу свидетеля¹.

Мгновенное назначение наказания за новое преступление не менее интересно в компаративном отношении. Согласно § 218, если при рассмотрении дела по существу в зале заседания совершается другое уголовно наказуемое деяние, и при этом виновное лицо застигнуто по горячим следам, оно может быть осуждено за деяние после перерыва в рассмотрении дела по существу или при его завершении по ходатайству уполномоченного на это обвинителя и после допроса обвиняемого. Таким образом, в данной норме можно усмотреть проявление *принципа разумных сроков судебного разбирательства*, а также *начало непосредственности*: судья увидел

¹Согласно ч. 2 § 70 УПК ФРГ, для *принуждения свидетеля к даче показаний может быть предписано его заключение*, однако его сроки не должны превышать продолжительность производства в суде первой инстанции или период более 6 месяцев.

преступление и сразу же назначил наказание за его совершение. В компаративном аспекте такой подход встречается достаточно редко, поскольку возникает вопрос об эффективной предварительной реализации сторонней защиты ее процессуальных прав.

Пределы судебного разбирательства. При постановлении приговора в отношении обвиняемого лица (*in personam*) суд не связан позицией государственного обвинителя относительно квалификации преступления. Согласно § 209, если суд признает, что лежащие в основе обвинения факты сами по себе или в сочетании с обстоятельствами, исследованными при рассмотрении дела по существу, обосновывают наличие другого уголовно наказуемого деяния, нежели указанного в обвинительном заключении, то он после заслушивания сторон по данному вопросу или разрешения возможного ходатайства о перенесении разбирательства постановляет приговор в соответствии со своим правовым убеждением, не будучи связанным описанием деяния, содержащимся в обвинительном заключении. При этом, согласно § 213, состав суда связан ходатайством обвинителя лишь в такой мере, что он не может подсудимого признать виновным в деянии, в отношении которого обвинение не направлено.

Таким образом, мы видим, что суд первой инстанции при постановлении приговора связан лишь кругом фактов, положенных в основу обвинения (*in rem*), но не их правовой оценкой, в чем находит свое проявление принцип независимости судей. Близкая по содержанию норма имеется в УПК Франции 1958 г.

IV. Структура ординарного судебного разбирательства

УПК Лихтенштейна придерживается романо-германского подхода, предполагающего последовательное разграничение этапов ординарного судебного разбирательства.

Подготовительная часть судебного заседания. Согласно § 187, рассмотрение дела по существу начинается с объявления о том, какое дело подлежит рассмотрению. Обвиняемый появляется не будучи связанным (*ungefesselt*), если это не может представлять опасности, однако если данный участник находится в заключении, то он появляется *под полицейским наблюдением* (согласно ч. 2 § 180 УПК 1913 г., *в сопровождении судебного служащего*). После открытия рассмотрения дела по существу председательствующий должен задать присутствующим вопрос, желают ли они заявить отводы. После этого он опрашивает подсудимого о ФИО, дате рождения, принадлежности к общине, религии, социальном статусе, профессии или занятии, о месте жительства и призывает его *обратить внимание на последующее производство* (§ 189).

Важнейшая компаративная особенность: **председательствующий самостоятельно зачитывает обвинительное заключение** под угрозой недействительности рассмотрения дела по существу (§ 192). Таким образом,

не обвинитель, а именно судья оглашает данный процессуальный документ. Лихтенштейнский законодатель не видит в этом ничего плохого: в процессе чтения председательствующий еще раз самостоятельно ознакомится с фабулой дела. Отметим, что в контексте российской процессуальной логики такое положение нарушает принцип состязательности, поскольку в описанной ситуации суд *de facto* встает на сторону обвинения. Вместе с тем УПК Лихтенштейна нигде и не закрепляет, что уголовное судопроизводство является состязательным.

Судебное следствие. Согласно § 193, подсудимый допрашивается председателем о содержании обвинения. Если подсудимый отвечает на обвинение, что он не виновен, то председательствующий должен разъяснить ему его *право противопоставить обвинению взаимосвязанное изложение обстоятельств дела* и выдвинуть свои возражения после представления каждого отдельного доказательства. Если подсудимый отказывается от своих предыдущих показаний, то его необходимо опросить об основаниях данного отказа. Председательствующий вправе в этом случае предписать оглашение протокола более ранних показаний целиком или частично.

Забываясь о реализации права обвиняемого на защиту, УПК Лихтенштейна установил следующее правило: подсудимый должен *опрашиваться* после заслушивания каждого свидетеля, эксперта или сообвиняемого насчет того, желает ли он сделать возражение в отношении только что данного на допросе показания (ч. 4 § 196)¹. Таким образом, обвиняемый имеет возможность последовательно и по пунктам опровергать сведения, содержащиеся в показаниях других участников судопроизводства, если он считает их ложными.

Судебные прения. Согласно § 200, после того как председательствующий завершает процедуру доказывания, подсудимому сначала предоставляется слово для заявления и обоснования своих ходатайств. Гражданский истец получает слово сразу же после прокурора.

Весьма интересно, что нормы, регулирующие производство в суде первой инстанции, напрямую не говорят о последнем слове подсудимого. Вместе с тем при избрании меры принуждения в виде заключения под стражу обвиняемому или его защитнику принадлежит право на последнее слово (абз. 3 § 132). Кроме того, в суде апелляционной инстанции подсудимому и его защитнику принадлежит в любом случае право на последнее слово (§ 230).

Постановление приговора. В качестве одной из гарантий независимости судей лихтенштейнский законодатель рассматривает тайну совещательной комнаты (*Beratungszimmer*) (§ 204).

Интересно, что в отмененном УПК 1913 г. содержалось положение о том, что «в совещаниях суда проку-

¹ Данная норма весьма близка к той, которая содержалась в ст. 683 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: «Подсудимого, не признающего в преступлении, председатель суда при рассмотрении каждого доказательства спрашивает, *не желает ли он в оправдание свое представить какие-либо объяснения или опровержения*».

роп участие не принимает» (ч. 4 § 12). В новый УПК законодатель столь очевидное предписание не перенес, посчитав его излишним. К тому же в совещательную комнату закрыт доступ не только прокурору, но и адвокату, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю. Поэтому неясно, почему отмененный кодекс адресовал указанный запрет одному лишь прокурору.

Суд при постановлении приговора должен принимать во внимание только то, что происходило при рассмотрении дела по существу. Документы могут служить доказательствами лишь постольку, поскольку они были оглашены. Суд должен проверять доказательства с точки зрения их достоверности и доказательственной силы как по отдельности, так и во взаимосвязи *тщательно* (*sorgfältig*) и *добросовестно* (*gewissenhaft*). Судья решает вопрос о том, можно ли рассматривать факт как доказанный в соответствии не с законодательными правилами о доказательствах, а на основе убеждения, приобретенного в ходе свободной добросовестной проверки всех «за» и «против» в отношении выдвинутых средств доказывания (§ 205 УПК Лихтенштейна). Таким образом, в указанной норме можно усмотреть проявление принципов непосредственности, гласности, устности и свободной оценки доказательств.

Подробно урегулирована процессуальная деятельность судей в совещательной комнате, причем за рамками УПК. Согласно ст. 53 Закона об обычных судебных органах, председательствующий руководит совещаниями и голосованиями. Голосованию обязательно предшествует совещание. Докладчик подает свой голос первым, другие члены – по старшинству, более возрастные в каждом случае – перед младшими, последним голосует председательствующий. Отметим, что данные предписания являются общими для всех видов судебного процесса (гражданский, административный, уголовный и конституционный).

Виды приговоров. УПК Лихтенштейна прямо устанавливает, что приговор может быть *оправдательным* и *обвинительным*. Никакие другие варианты не допускаются в силу принципа правовой определенности. Для сравнения: швейцарские процессуалисты объясняют отсутствие в УПК 2007 г. указаний на виды приговора закреплением в кодексе принципа обвинения (*Anklagegrundsatz*) – по его смыслу суд при разрешении вопроса об обвинении либо осуждает, либо оправдывает подсудимого.

Требования, предъявляемые к приговору. Согласно ч. 2 ст. 95 Конституции 1921 г., судьи обосновывают свои решения и приговоры. Аналогичное положение предусматривалось еще в § 37 отмененной Конституции 1862 г. Что касается законности и справедливости приговоров по уголовным делам, то УПК Лихтенштейна напрямую их не упоминает, но в данном правовом порядке они рассматриваются как общеправовые принципы, в том числе с учетом положений ЕКПЧ 1950 г. (ст. 6 и др.).

Чьим именем постановляется приговор? Согласно ч. 1 ст. 95 Конституции Лихтенштейна, все правосудие осуществляется именем Князя и народа («*im Namen des Fürsten und des Volkes*») уполномоченными на это судьями. Аналогичное положение закрепляется и в отношении решений по гражданским делам (§ 413 ГПК). Отсюда можно заключить, что монарх несет моральную и политическую ответственность за отправление правосудия в стране, которую он возглавляет.

Институт цезуры (т.е. паузы между признанием лица виновным и назначением ему наказания) УПК Лихтенштейна не предусматривает¹. В силу принципа единства приговора суд обязан при постановлении обвинительного приговора разрешить все вопросы одновременно: и о вине, и о мере наказания (§ 208). Данная норма направлена на реализацию принципов правовой определенности и разумных сроков судебного разбирательства.

Можно провести аналогию между отсутствием цезуры в уголовном процессе и дисциплинарном производстве в отношении адвоката: если принимается решение о признании вины, то оно одновременно содержит указание на дисциплинарное наказание (ч. 1 ст. 5 Закона об адвокатах).

Оглашение приговора. Согласно § 214, непосредственно после постановления приговора председательствующий должен огласить его на публичном заседании перед собравшимся составом суда и в присутствии сторон с кратким пояснением мотивов и с описанием примененных положений закона, а также проинформировать обвиняемого о принадлежащем ему праве на обжалование.

По понятным причинам в УПК 1988 г. не перешло положение, содержавшееся в § 209 УПК 1913 г.:

«Если суд приговаривает обвиняемого к *смертной казни*, то приговор оглашается с указанием на то, что он должен быть утвержден Князем. В данном случае суд с привлечением прокурора должен принять решение о том, достоин ли осужденный помилования, и направить уголовное дело в Высший суд. Если Высший суд утверждает направленный ему смертный приговор, то он высказывается о том, есть ли основания для помилования осужденного, и при утвердительном ответе, какое соразмерное наказание было бы необходимо определить *вместо смертной казни*, после чего вносит предложение в княжеское Правительство».

Таким образом, для приведения приговора в исполнение одновременно требовалось решение суда первой инстанции, суда второй инстанции и главы государства.

V. Система особых производств

В УПК 1913 г. выделялись дела частного обвинения (§ 17), производство в отношении неизвестных, отсутствующих и скрывшихся лиц (§§ 252–262), производство в отношении уголовных проступков (§§ 291–296), производство в отношении нарушений (§§ 297–318).

¹В настоящее время цезура известна уголовному процессу Франции, Великобритании, некоторых американских штатов.

В настоящее время УПК 1988 г. выделяет производство по делам частного обвинения (§ 31), производство в отношении неизвестных, отсутствующих и скрывшихся лиц (283–299), производство перед единоличным судьей (§§ 312–316), упрощенное производство перед единоличным судьей в отношении нарушений и определенных уголовных проступков (§§ 317–332) и производство по привлечению к ответственности юридических лиц (§§ 357а–357) [5. S. 4]. В последнем из них *упрощения как такового не происходит*: оно выделено в силу специфики статуса обвиняемого, причем речь идет о дифференциации всего уголовного процесса, а не только его рассмотрения по существу, однако юридическая техника Кодекса такова, что его регламентация примыкает к указанным выше производствам.

Мы видим, что оба кодекса концептуально опираются *на идею дифференциации уголовного судопроизводства*, согласно которой порядок рассмотрения дела зависит от категории преступления, от статуса обвиняемого (физическое или юридическое лицо) и от других обстоятельств, предусмотренных в УПК. При этом в новом кодексе по сравнению со старым увеличилось многообразие особых производств.

Принципиальная особенность УПК Лихтенштейна состоит в том, что в нем *отсутствует производство при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением* и так называемые сделки с правосудием в каких бы то ни было формах (англосаксонских, континентальных и др.). Признание вины в сочетании с добровольным возмещением причиненного ущерба и примирением с потерпевшим могут обусловить освобождение лица от уголовной ответственности в рамках альтернатив уголовному преследованию, однако если дело передано в суд первой инстанции, то позиция обвиняемого и другие указанные выше обстоятельства сами по себе не влияют на структуру судебного разбирательства. Даже если он признает вину, то компетентные органы уголовного судопроизводства обязаны установить все факты и обстоятельства, имеющие значение для установления истины.

Как мы видим, лихтенштейнский законодатель, не ориентируясь на опыт зарубежных стран и не предусматривая сделки о признании вины, бережно относится к принципам уголовного процесса: презумпции невиновности, состязательности, гласности, устности, непосредственности и т.д. В этой связи уместно вспомнить слова немецкого ученого Томаса Рёнау о том, что «соглашения в той или иной степени противоречат практически всем принципам уголовного процесса» [6. S. 115]. Разработчики УПК 1988 г. и его реформаторы стремились не допустить девальвации основных начал судопроизводства, в связи с чем не стали ни изначально, ни впоследствии вводить указанный институт.

Напоследок добавим, что в уголовном праве Лихтенштейна признание вины само по себе не влечет каких-либо льгот при назначении наказания (Томас Рёнау, иронизируя над уголовным процессом ФРГ, использует взятое из торгового оборота красивое слово *Strafrabbat* – скидка при назначении наказания).

VI. Производство перед единоличным судьей

Данное производство возможно по всем уголовным делам, кроме тех, по которым состав суда должен быть исключительно *коллегиальным* (ч. 2 § 15). По общему правилу, применяются предписания о рассмотрении дела в ординарном порядке с учетом специфики, установленной в §§ 312–316.

Первоначальные действия. Производство перед единоличным судьей начинается с письменного ходатайства обвинителя о наказании обвиняемого. В ходатайстве необходимо привести доказательства, которые обвинитель желает использовать при рассмотрении дела по существу. Одновременно с этим прокурор вправе заявить ходатайство о заключении обвиняемого под стражу (§ 313).

Особенности подготовки к судебному разбирательству. К повестке, направляемой обвиняемому, прикладывается ходатайство по уголовному делу. Оно содержит требование принести с собой доказательства, служащие защите, или заблаговременно сообщить суду о том, что они могут быть доставлены позднее – непосредственно на рассмотрение дела по существу (ч. 2 § 314).

Ход рассмотрения дела. Если не имело место предварительное следствие (*оно в данном случае факультативно*), то гласность при рассмотрении дела по существу по требованию обвиняемого должна быть исключена. Единоличный судья обладает полномочиями председательствующего. Вместо обвинительного заключения должно быть оглашено ходатайство о наказании (ч. 3–5 § 314).

Постановление приговора. Если после окончания слушаний постановлен приговор, он провозглашается судьей вместе с существенными основаниями и прилагается к протоколу. Однако если обвиняемый оправдан или осужден в соответствии с полным и подтверждаемым остальными результатами слушаний признанием, то *составление приговора может быть заменено на подписываемую судьей и секретарем «отметку о приговоре»*. Внешняя форма отметки о приговоре по смыслу обоих предшествующих абзацев определяется в административном распоряжении Правительства (§ 315).

Пересмотр приговора. В отношении приговоров и решений единоличного судьи допустимы те же виды обжалования, что и в ординарном судопроизводстве. То же правило действует в отношении исполнения приговоров, решений и распоряжений суда в отношении частноправовых требований, возобновления уголовного судопроизводства, восстановления течения сроков, производства в отношении неизвестных, отсутствующих или скрывшихся лиц, а равно как и в отношении издержек производства (§ 316). Таким образом, применительно к данным вопросам УПК не устанавливает каких-либо особенностей.

VII. Упрощенное производство перед единоличным судьей в отношении нарушений и определенных уголовных проступков

Основания. Данное производство имеет место, поскольку установлено, что предметом рассмотрения являются только *уголовные нарушения* или *уголовные проступки*, за совершение которых предусмотрено наказание только в виде денежного штрафа или лишения свободы до 6 месяцев (§ 317). Для открытия производства надлежащего вида достаточно заявленного устно или письменно ходатайства прокурора о наказании. Он должен обозначить время, место и способ исполнения уголовно наказуемого деяния, приведя с достаточной ясностью подлежащие применению законодательные предписания.

Особенности производства по делам о ДТП. По сути, законодатель дифференцирует уже дифференцированное им производство. В случае нарушений Закона о безопасности дорожного движения судья вправе распорядиться о том, чтобы подозреваемый внес обеспечение в размере ожидаемого штрафа и процессуальных издержек, если он не имеет постоянного места жительства внутри страны. Если подозреваемый пока еще не предоставил обеспечение, судья вправе предписать предварительное изъятие водительских прав на срок до 5 суток. Полиция вправе при наличии предпосылок, предусмотренных в абз. 1 и 2, до внесения обеспечения назначить штраф 5 тыс. фр. или предварительно изъять водительские права (§ 322).

Свидетель в упрощенном производстве. Приведение к присяге свидетелей по общему правилу не производится. Однако если речь идет об изобличении через показания свидетелей не признающего вину обвиняемого, то они должны принести присягу (в случаях, когда обвиняемый требует их приведения к присяге и речь идет об уголовном проступке, за совершение которого предусмотрено наказание, превышающее 1 месяц лишения свободы, или денежный штраф в размере 60 дневных ставок), если никакое предусмотренное в законе препятствие этому не противостоит.

Порядок рассмотрения дела. Имеет две основные особенности: 1) *формальное следствие не может иметь место*; 2) *прокурор не должен присутствовать*, за исключением случая, когда он заявил возражение против распоряжения судьи по уголовному делу (абз. 1 § 329).

Если обвиняемый приводом доставляется к судье и признает себя виновным в инкриминируемом ему деянии, при этом присутствует обвинитель и все доказательства обвинения и защиты имеются у них на руках, то судья вправе немедленно произвести слушания и постановить приговор. Ведение протокола требуется при сборе только таких сведений, которые необходимы в качестве доказательств при рассмотрении дела по существу и не могут быть повторены; в остальных случаях достаточно краткой записи показаний, сделанной лицом, ведущим протокол, или самостоятельно судьей, производящем допрос (§ 321).

Приказ о наказании. Приказ о наказании, изданный судом, перед доставлением обвиняемому должен быть передан прокурору для ознакомления¹. Последний вправе в отношении него в течение 14 суток заявить возражение. В этом случае приказ отменяется и производство ведется в обычном порядке. Передача приказа о наказании прокурору и его право на возражение не могут иметь место, если прокурор самостоятельно ходатайствовал о вынесении приказа о наказании и судья данное ходатайство удовлетворил в полной мере. Обвиняемому также принадлежит право в течение 14 суток с момента доставления приказа о наказании направить свои возражения в Суд земли в письменной или устной форме с занесением в протокол и одновременно с этим привести служащие его защите доказательства. Если обвиняемый заявляет возражение, то необходимо начать уголовное судопроизводство в общем порядке.

Обратим внимание и на то, что в уголовном процессе Лихтенштейна *приказ о наказании* обозначен термин *Strafverfügung*, в то время как в правовой системе Швейцарии (§§ 352–356) и Германии (§§ 407–412) – *Strafbefehl*.

Обжалование. В отношении приказа о наказании, за исключением возражения, не допустимы никакие средства обжалования. Вместе с тем Суд земли вправе предписать восстановление обвиняемого в прежнем положении в следующих случаях:

1) обвиняемый может обосновать, что соблюдение срока стало для него невозможным в связи с неизбежными обстоятельствами без его вины или вины его представителя, причем данные факты должны быть доказаны;

2) о восстановлении производства заявлено ходатайство в течение 14 суток после отпадения препятствий, при этом обвиняемый, напротив, не обязан мотивировать свою позицию, что хорошо вписывается в общую логику приказного производства как в уголовном, так и в гражданском процессе.

Ограничения, связанные с обжалованием, также являются одним из проявлений упрощения судопроизводства, и это вполне логично: поскольку в суде первой инстанции не происходит в полном объеме доказывание, то было бы не ясно, как суду второй инстанции проверить выводы суда в контексте обоснованности приговора.

Выводы по теме исследования:

1. В Лихтенштейне в связи с сохранением классического института следственного судьи при переходе дела от предварительного расследования к рассмотрению по существу не происходит смены органа, ведущего производство по делу. По сути, дело передается от одних судей Суда земли к другим. При этом в сравнительном отношении интересно право обвиняемого заявлять возражения против обвинительного заключения и еще до передачи дела на рассмотрение по существу в

¹В соседней Швейцарии, напротив, приказ о наказании издается прокурором, а в случае возражений со стороны обвиняемого он подлежит отмене и дело рассматривается в суде первой инстанции в общем порядке.

суд первой инстанции требовать проверки обоснованности данного процессуального акта судом второй инстанции.

2. Важнейшая особенность рассмотрения дела по существу в уголовном процессе Лихтенштейна состоит в том, что по общему правилу в суде первой инстанции дело рассматривает коллегия из пяти профессиональных судей. «Народный элемент» в составе суда в настоящее время не представлен, так как при принятии УПК 1988 г. он был полностью вытеснен «коронным элементом».

3. Структура ординарного судебного разбирательства в Лихтенштейне предполагает, как и в других континентальных правовых порядках (Германия, Швейцария, Австрия и др.), последовательное разграничение отдельных этапов (подготовительная часть, судебное следствие, судебные прения).

4. В уголовном процессе Лихтенштейна суд традиционно занимает активную позицию и обязан в силу

принципа объективной истины *ex officio* установить все факты и обстоятельства, имеющие значение для квалификации деяния и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора.

5. В уголовном процессе Лихтенштейна законодатель выделяет три процедуры, в рамках которых дело рассматривается по более простым правилам в сравнении с ординарным порядком. Упрощения связаны с рассмотрением дела не коллегией из пяти судей (как в ординарном производстве), а единоличным судьей. Как правило, не происходит исследования в полном объеме доказательств. При определенных условиях суд вправе не составлять приговор и ограничиться «отметкой», которая прикладывается к делу и свидетельствует о том, что оно рассмотрено. Большинство упрощений направлены на реализацию принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, хотя другие основные начала процесса явно отходят на задний план (устность, непосредственность и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Судоустройство и правоохранительные органы* // под ред. Л.В. Головки. М., 2019. 768 с.
2. Wille T.M. Recht auf ordentlichen Richter // *Grundrechtspraxis in Liechtenstein* / Hg. A. Kley, K.A. Vallender. Schaan : Verlag der Liechtensteinischen Akademischen Gesellschaft. Liechtenstein-Institut, 2012. S. 331–405.
3. Уильям Т. Пицци. Судопроизводство без истины // в пер. Д.А. Печегина. М., 2019. 192 с.
4. *Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Totalrevision des Strafgesetzbuches und der Strafprozessordnung*. 7 September 2006. S. 62.
5. *Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Abänderung der Strafgesetzbuches und der Strafprozessordnung zur Einführung der strafrechtlichen Verantwortung von juristischen Personen*. 4 Januar 2010. S. 4.
6. Thomas Rönau. Grundwissen – Strafprozessrecht: Verständigung im Strafverfahren // *JuS*. 2018, № 2. S. 115.

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Trials in the Court of First Instance in the Criminal Procedure of Liechtenstein: Comparative Features

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 137–144. DOI: 10.17223/23088451/18/25
Aleksandr A. Trefilov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Keywords: criminal procedure, trial on the merits, Code of Criminal Procedure, Principality of Liechtenstein.

Currently, there is not a single separate research work in Russian science on the topic of this article. In order to fill this gap, based on the normative and doctrinal sources, the author analyzes the consideration of the case on the merits in the criminal procedure of the Principality of Liechtenstein. In this legal order, in connection with the preservation of the institution of the investigating judge, one can only conditionally speak of bringing someone to trial since already at the stage of preliminary investigation cases are pending. The most important feature of the ordinary procedure for trying a case in the court of first instance is the principle of collegiality, by virtue of which, as a general rule, a case is tried by five judges. In addition, the developers of the 1988 Code of Criminal Procedure chose to abandon the use of lay judges. There are no plea deals in any form. Comparatively, it is interesting that the court has the right to recommend the convicted person for pardon, after which the head of state makes the final decision. The conclusions drawn can be useful to researchers who examine individual institutions of Russian and foreign criminal procedure.

References

1. Golovko, L.V. (ed.) (2019) *Sudoustroystvo i pravookhranitel'nye organy* [Judicial system and law enforcement bodies]. Moscow: Gorodets.
2. Wille, T.M. (2012) Recht auf den ordentlichen Richter. In: Kley, A. & Vallender, K.A. (Hg.) *Grundrechtspraxis in Liechtenstein*. Schaan: Verlag der Liechtensteinischen Akademischen Gesellschaft. S. 331–405.
3. Pizzi, W.T. (2019) *Sudoproizvodstvo bez istiny* [Trials without truth]. Translated from English by D.A. Pechegin. Moscow: Infotropik Media.
4. Regierung des Fürstentums Liechtenstein. (2006) *Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Totalrevision des Strafgesetzbuches und der Strafprozessordnung*. 7 September. [Online] Available from: https://www.llv.li/files/srk/pdf-llv-rk-vernehmll_2006_strafvollzugsgesetz_und_strafprozessordnung.pdf
5. Regierung des Fürstentums Liechtenstein. (2010) *Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Abänderung der Strafgesetzbuches und der Strafprozessordnung zur Einführung der strafrechtlichen Verantwortung von juristischen Personen*. 4 Januar.
6. Rönau, T. (2018) Grundwissen – Strafprozessrecht: Verständigung im Strafverfahren. *JuS*. 2. S. 115.

Received: 10 September 2021

РЕЦЕНЗИИ

УДК 343.9

DOI: 10.17223/23088451/18/26

В.А. Уткин

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК И.С. ДРОЗДОВА
«РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОСУЖДЕНИИ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»
(Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021)**

Гуманизация уголовного законодательства и обусловленное ею сокращение применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, выдвигают в число наиболее актуальных задач предупреждение повторных (рецидивных) преступлений среди осужденных без реального лишения свободы и оценку эффективности альтернативных санкций. Важность этих задач отмечается и в целом ряде международных актов об альтернативных («общинных») мерах. Принятые в марте 2017 г. Комитетом министров Совета Европы «Европейские правила в отношении общинных санкций и мер» указывают, что такие меры «должны регулярно оцениваться с позиций эффективности. Программы и мероприятия должны быть разработаны в соответствии со знаниями, полученными в результате соответствующих исследований (ст. 98)».

Необходимый этап изучения эффективности мер, не связанных с лишением свободы, – получение объективных данных о новых преступлениях, совершенных соответствующими категориями осужденных. Решение этой задачи, к сожалению, ныне осложняется по меньшей мере двумя обстоятельствами. Первое – отсутствие в стране единой межведомственной системы учета повторных преступлений освобожденных из исправительных учреждений и осужденных без лишения свободы и связанные с этим существенные пробелы и погрешности существующей ведомственной статистики. Второе – преобладающая среди криминологов методология и методика подсчета уровня рецидивной преступности, во многом обусловленная конкретными показателями и возможностями ведомственной уголовной статистики. При таком подходе уровень рецидивной преступности определяется как доля (процент) преступлений, совершенных лицами, ранее подвергавшимися уголовному наказанию (либо и иным мерам нереабилитирующего характера), в числе всех преступлений, зарегистрированных на конкретной территории за тот или иной период. Едва ли следует доказывать, что такая методика способна сформировать некую статистическую совокупность, но не в состоянии получить сведения об эффективности конкретных уголовно-правовых мер, эффективности деятельности судов, а также учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Предлагаемая читателю монография молодого ученого, кандидата юридических наук И.С. Дроздова в значительной степени восполняет указанные выше информационный и методологический пробелы. Опираясь на достаточно репрезентативное социологическое

исследование, включающее свыше 2,5 тыс. единиц наблюдения по трем субъектам Федерации Сибирского федерального округа, автор убедительно показывает не только несовершенство целого ряда показателей ведомственной статистики ФСИН России, но и потенциальные возможности используемых им методик выявления рецидива как одного из критериев эффективности альтернативных мер.

Без сомнения, достойны научного и практического внимания и многие конкретные выводы, полученные И.С. Дроздовым. В том числе данные об интегративном среднем уровне криминологического рецидива среди осужденных без лишения свободы, включающие сведения о совершенных ими преступлениях не только в период нахождения на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (так называемый пенальный рецидив), но и до постановки на учет (допенальный) и в течение года после снятия с учета (постпенальный) рецидив.

Весьма интересны полученные автором данные об интенсивности рецидива (распределении его во времени), о его структуре, а также конкретные показатели рецидива среди осужденных условно, к ограничению свободы, к штрафу, к исправительным и обязательным работам. В контексте задач профилактики значимы данные о вероятности совершения новых преступлений в зависимости от характеристик личности тех или иных категорий осужденных, совершенных ими преступлений, за которые они были осуждены, от их поведения в период дознания и предварительного следствия, а также в судебном заседании. Полученные автором результаты имеют четкое прогностическое значение.

Монография И.С. Дроздова является логическим продолжением научных исследований проблем рецидивной преступности, которые ведутся в Национальном исследовательском Томском государственном университете, томской школой уголовно-исполнительного (ранее – исправительно-трудового) права, начиная с 70-х гг. прошлого века, когда в структуре юридического факультета была образована тогда единственная в вузовской системе научно-исследовательская лаборатория по изучению проблем рецидивной преступности в Сибири под научным руководством заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук А.Л. Ременсона (1929–1985 гг.). Сейчас это дело продолжает новое поколение исследователей.

Нельзя не отметить наряду с социологической частью исследования И.С. Дроздова его теоретическую

составляющую. Привлекая большое число источников, автор весьма уважительно относится к предшественникам, используя их работы для весьма тактичного обоснования собственных научных выводов.

Конечно, не все положения работы И.С. Дроздова в равной степени убедительны и обоснованы, о каких-то можно и нужно дискутировать. Впрочем, о ее достоинствах и недостатках судить читателю.

Book Review: Drozdov, I.S. (2021) *Retsidiv Prestupleniy pri Osuzhdenii bez Lisheniya Svobody* [Recidivism in Cases of Conviction Without Imprisonment]

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 145–146. DOI: 10.17223/23088451/18/26

Vladimir A. Utkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ВЕДРЕНЦЕВА Светлана Васильевна – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

ВИТОВСКАЯ Евгения Сергеевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России» (Новокузнецк). E-mail: Janavit@mail.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ГАВРИЛОВ Денис Иванович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО КИ ФСИН России (Новокузнецк). E-mail: ya.den-gavrilov-14@yandex.ru

ДЕРВИШЕВ Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета (Омск). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

ИШИГЕЕВ Владимир Степанович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru

КУЗЬМИН Станислав Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (Москва). E-mail: Evgeniya.rybina@mail.ru

КУКЛИН Денис Сергеевич – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: dex_dex@mail.ru

ЛАПША Вадим Леонидович – соискатель кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

МАЗУР Екатерина Сергеевна – доктор медицинских наук, зав. кафедрой уголовного права Западно-Сибирского филиала РГУП (Томск). E-mail: eksm1@mail.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ПАШУТИНА Олеся Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск). E-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

ПЕТРЯКОВА Антонина Васильевна – старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин и международного права Московского международного университета, судья в почетной отставке (Москва). E-mail: antonina_moscow@mail.ru

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск). E-mail: liorev@mail.ru

ПУЗИКОВА Анастасия Витальевна – ассистент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: puzikova.av@yandex.ru

РЕВИНА Ирина Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск). E-mail: ivrevina@mail.ru

РЯБИНИНА Татьяна Кимовна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (Курск). E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

САВУШКИН Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, подполковник внутренней службы (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

СВИРИДОВ Михаил Константинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ТИШЕВСКИЙ Денис Васильевич – начальник управления уголовного розыска ГУ МВД России по Новосибирской области (Новосибирск). E-mail: eksml@mail.ru

ТРЕФИЛОВ Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент департамента систем судопроизводства и уголовного права Высшей школы экономики (Москва). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

УВАРОВ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

УТКИН Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ФИЛИМОНОВ Вадим Донатович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: ugovnoetgu@mail.ru

ХРАМОВ Александр Александрович – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России» (Новокузнецк). E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru.

ЧЕБОТАРЕВА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, (Курск). E-mail: cheb_irina@mail.ru

ЧУКАНОВА Евгения Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва). E-mail: Evgeniya.gybina@mail.ru

ШАИНА Мария Александровна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: mshaina@yandex.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: sofish@inbox.ru

ШЕСЛЕР Виктор Александрович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России (Красноярск). E-mail: victor444@inbox.ru